

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

АЛЕКСАНДРОВА СЛОБОДА.

СЛОБОДА ДО ГРОЗНАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. С. Стромиллова.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1884.

PRINTED IN RUSSIA.

А.А. КСАНДРОВА СЛОБОДА.

СЛОБОДА ДО ГРОЗНАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. С. Стромиллова.

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY
ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ,

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1883 г. кн. 2-я.

УТВЕРЖДЕНО
УЧЕБНЫМЪ

947. А 27
5487

Bo 12 133
DA Aug 16

АЛЕКСАНДРОВА СЛОБОДА.

СЛОБОДА ДО ГРОЗНАГО.

I.

Кручина Велкаго Князя Василя о безплодіи своей Великой Княгини Соломониды.—Богомольный походъ въ Залѣсье.—Пр. Данилъ въ Переславль-Залѣскомъ.—Царекъ Абдулъ-Летифъ.—Новое село Александровское.—Церковь Покрова Богоматери.—Великокняжій дворъ (хоромы Государевы).—Новая слобода.—Государева усадьба.—Мамонова слободка.—Мамоны.

Кручинился Государь Московскій, Князь Великій Василій Ивановичъ о безплодіи супруги своей, скорбѣла и она не мало о несчастной своей долѣ: пять лѣтъ (съ 4 сентября 1505 года) какъ былъ женатъ Василій на Соломоніи Юрьевнѣ Сабуровой, а дѣтей не было. Общее горе несчастной четы было скорбью и всего Московскаго двора: вѣдалась Княгиня и съ мужиками-знахарями, и съ жёнками гадалками-вѣдуньями, ища въ даваемыхъ ими зельяхъ и прорицаемыхъ обѣтахъ чародѣйствующей силы. Повѣдалъ Государь сонму духовнаго чина отъ митрополита до духовника-попа, и мірскому синклиту—думѣ боярской о своемъ сердечномъ горѣ, ища въ молитвахъ задушевнаго себѣ отголоска. Постоянно и самъ изливалъ онъ всю скорбь души своей въ горячей мольбѣ предъ святыней храмовъ своего стольнаго города Москвы, въ постоянныхъ богомольныхъ ихъ обходахъ; чего и чего только не дѣлывалъ Князь, чтобы призвать благословеніе Свыше на скудное су-

прудское ложе: жертвы по монастырямъ, постановка въ соборныхъ храмахъ неугасаемыхъ день и ночь свѣчей (въ 1509 году въ Псковѣ у Троицы, въ Новгородѣ у Софіи), постройка церквей и ихъ украшеніе, самъ лично трудился при воздвиженіи обыденныхъ храмовъ, раздавалъ милостыни нищимъ, нерѣдко освобождалъ преступниковъ, словомъ благотворительствовалъ щедрою рукой, но ничто не помогало, и надъ скорбною четою тяготѣлъ рокъ неумолимой судьбы.

Пала на сердце Князю дума крѣпкая, ѣхать въ старѣйшее достояніе свое, Суздальскую область, «богомольнымъ объѣздомъ» съ Великою Княгиней поклониться древнимъ святынямъ, почивающимъ тамъ мощамъ угодниковъ Божіихъ и праху болѣе его счастливыхъ предковъ своихъ; онъ памятовалъ, что и великій родитель его совершалъ съ нимъ и братьями его богомольный путь, въ 1504 году съ 21 сентября по 9 октября, по храмамъ и обителямъ Переславля, Ростова и Ярославля, вознося какъ въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ, такъ и мѣстнымъ святынямъ этихъ городовъ искреннія молитвы за благопріятный исходъ своего тѣлеснаго недуга и облегченіе отъ душевной кручины-тоски по умершей своей супругѣ, Великой Княгинѣ Царевнѣ Софіи Оомишишѣ, (скончавшейся 7 апрѣля 1503 г.); быть можетъ Великій Іоаннъ призывалъ въ то же время и благословеніе въ Бозѣ почившихъ предковъ своихъ на задуманное имъ дѣло—женитьбу своего старшаго сына, имъ уже тогда объявленнаго наследника Великаго Князя Василія Ивановича.

Василій Ивановичъ быть-можетъ и вспомнилъ заветъ отца и въ лѣтописи эта первая поѣздка Василія на сѣверъ записана такъ: «въ лѣто 7019 (1511) мѣсяца сентября въ 8 день, Князь Великій Василій Ивановичъ всея Руси выѣхалъ съ Москвы въ Переславль, а послѣ себя велѣлъ за собою быти Великой Княгинѣ; и бы въ Переславль, а оттолѣ былъ въ Юрьевѣ и въ Суздали, и въ Владимірѣ, и въ Ростовѣ, а на Москву пріѣхалъ Князь Великій декабря въ 5 день въ четвергъ».

Древній путь изъ Москвы на Троицкій-Сергіевъ монастырь, къ Переславлю, въ Залѣсье, и въ ту пору былъ не безопасенъ; въ

¹ *Ист. Госуд. Рос.*, VII пр., 383; *Полн. Собр. Лѣт.*, VI, 251, VII, 229, VIII, 5, 251; *Пов. о Рус.* I, 92; *Ист. Рос.* Татищ. V, 165; *Ист. Рос.* Полев. VI, 136; *Рус. Лѣт.* Никон. VI, 189; *Ист. Русск. Царб.* V, 408—9; *Ист. Рос.* Солов. V, 375.

лѣсныхъ дебряхъ, между Троицкимъ монастыремъ и Переславлемъ скитались разбойники и по этой дорогѣ слылъ сильной ватагой разбойникъ-атаманъ Симонъ Вороновъ. (*Ист. Рос. Солов. V, 478*). Во охраненіе пути отъ недобрыхъ людей, и во обереженіи удобствъ путевого обычая, княжій объѣздъ, а тѣмъ болѣе съ княгиней опереживалъ, по обычаю, отрядъ съ окольничимъ или путнымъ бояриномъ во главѣ; по весьма худому состоянію дорогъ, въ Московскомъ государствѣ, въ предосторожность по княжьему указу, отряду передовому надлежало жившими по этому пути или около него черныхъ (княжьихъ) деревень, подклѣтными (дворцовыми), боярскими и монастырскими крестьянами для княжьева похода «мосты дѣлать и мостить, и гдѣ худы починивать, гати гатить и вехи ставить»; въ этомъ отрядѣ везлась казна столовая и казна шатерная, и шли разные дворовые чины: ясельничій, шатерный, постельничій, дворовые люди съ ними бывшіе званіемъ—становщики, обязаны были ставить на пути по станамъ и по селамъ ставки и готовить всякіе обиходы къ пришествію князя.

Путь отъ Троицкаго монастыря къ Переславлю пролегалъ и черезъ то мѣсто гдѣ возникла послѣ Новая Слобода (Александрова); оно какъ разъ приходилось на полпути между Сергіевой обителью и Переславлемъ (въ 40 верстахъ отъ обонхъ) куда прежде всего теперь и ѣхалъ князь, который тутъ и сталъ *становъ* на время отдыха.

Красивое ли гористое мѣсто мѣстоположеніе на крутомъ берегу рѣки Сѣрой, теченіе которой тутъ образуегъ свой прихотливый, извилистый поворотъ или по древнему выраженію *перевертъ*¹; лѣсистость ли мѣстности обильной краснымъ звѣремъ и охотною птицей: соколами, копчиками, съ которыми любилъ Василий потѣшаться и при псовой охотѣ, можетъ быть встрѣча тутъ съ тогдашними этого мѣста единственными обитателями звѣролововъ-охотниками ловчаго и сокольникаго пути которыхъ тутъ было и становище (*Энциклопедическіе Словари* изд. Краевск. т. III, стр. 98, изд. Плюшара т. I), наконецъ даже какъ перепутье у рѣки удобное для стану на полпути между Троицкимъ монастыремъ и Переславлемъ, на которомъ онъ быть можетъ и съ отцомъ останавливался, все это обратило вниманіе князя: русскіе князья, дѣ-

¹ «Арубѣжъ Переславлю... отъ Оки.. а отъ верху Лубяной по перевертамъ въ Тысьи» (Собр. Госуд. грам. I, 326).

лая свои пути въ Залѣсье, безъ сомнѣнія становились тамъ гдѣ уже было жилье (Забл. Д. быт. Ц. I. 19).

Прибывши въ Переславль, князь посѣтилъ извѣстнаго благочестіемъ и подвижничествомъ старца-инока Даніила, основавшаго около города на «скудельницѣ» монастырекъ¹. Даніилъ былъ послѣдователь духовнаго направленія Іосифа Волоцкаго, сторонника великаго князя Василя щедро ему покровительствовавшего; при дворѣ князя Даніилъ былъ извѣстенъ знатымъ его боярамъ Ивану и Василю² Андреевичамъ Челяднинымъ, вотчиникамъ Переславля-Залѣскаго уѣзду, пользовавшихся довѣріемъ князя, состоя именно Иванъ съ 1511 года при немъ въ чинѣ конюшеннаго († 1515 года) занимаемомъ ихъ отцомъ Андреемъ (1496—1503) при отцѣ князя; черезъ нихъ слава про высокія качества и благія намѣренія Даніила дошла до князя и онъ споспѣшествуя къ устроению и расширенію монастыря, посѣтя его, повѣдалъ и ему свою скорбь прося его молитвъ, и великая княгиня, какъ видно по лѣтописи, сопровождала князя въ богомольномъ объѣздѣ, быть можетъ по настоянію Даніила, такъ какъ по редакціи извѣстія лѣтописи видно что она вызвана была сопутствовать князю приказомъ его изъ Переславля. Даніилъ пользовавшійся любовью брата Василя, князя Углицкаго Дмитрія Ивановича, снискалъ словомъ и дѣломъ полное довѣріе и щедрое содѣйствіе къ учрежденію обители и отъ великаго князя Василя Ивановича, который (по рукописи *Жит. мс.* 117) началъ съ того времени «монастырь почитати и братіи милостыню учреди и урокъ хлѣбный велеше даяти по вся лѣта».

¹ *Историко-статистическое описаніе Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря*, сочин. Свирѣлина. М. 1860 и *О началѣ и устроении Переславля Данил. монастыря* (при жизни пр. Даніила). Свещ. Свирѣлина. М. 1863. *Житіе пр. Даніила* составилъ въ 1553 году его ученикъ по приказу царя Ивана Васильевича и митрополита Макарія, списки его сохранились въ рукописяхъ: Сундальной библ. XVI в., № 926, гр. Уварова. XVI в., № 590, стр. 3 обор. Ундольскаго XVII в., № 301, стр. 3 (Некрасовъ. *Зарожденіе націонал. литер. въ Сѣвер. Россіи*. Одесса 1871, стр. 51; Ключевского. *Древ. жит. русск. свят. какъ истор. матер.* М. 1871 года, стр. 282).

² Василю Андреевичу Челяднину даже посылали посланія Іосифъ Волоцкій, по поводу своего спора съ Серапіономъ. (*Пр. Іосифъ Волоколамскій*. М. 1847 года, 53), какъ къ лицу въ то время вліятельному, близкому боярину великаго князя Василя. (Хрущевъ *Несмѣд.* сочин. о *Іосиф. иум. Волоцк.* Спб. 1868, стр. 246, 260—263).

Изъ Переславля Василій Ивановичъ и вѣроятно съ Великою Княгиней — повѣствуетъ лѣтопись — проѣхалъ въ гор. Юрьевъ (Польской) и навѣстилъ проживавшаго тамъ пожалованнаго (въ 1509 г. Пол. соб. Лѣт. 17. 248 — 9; VIII, 221, VIII, 250) этимъ городкомъ Юрьевымъ *Абдулъ-Летифа*, сына Крымскаго хана Ибрагима и Нурсалтаны (дочери Крымскаго хана Менгли-Гирея), а потому Царевичъ Крымскій, а съ 1496 — 1502 г. даже и Царь Казанскій, возведенный Иоанномъ III, къ которому изъ Крыма и пріѣхалъ служить; Иоаннъ III принялъ его, далъ ему въ кормленіе Звенигородъ съ пошлинами, потомъ возвелъ въ Царя Казанскаго, пособлялъ противъ возставшихъ Казанскихъ Князей и Ногайскихъ Мурзъ, но въ 1502 г. Абдулъ - Летифъ лишенъ былъ Казанскаго царства и заточенъ въ Бѣлоозерѣ и въ годъ (1509) пожалованія городкомъ за порукою Крымскаго хана Менгли-Гирея, Василиемъ Ивановичемъ освобожденъ «изъ пятства»; при этомъ съ него взята шертная грамота въ вѣрности Великому Князю (Указ. къ Русс. Лѣт. въ ст. I); къ Абдулъ-Летифу пріѣзжала въ 1510 г. изъ Крыма его мать старая Царица Нурсалтана (Нурунъ-Салтанъ) съ сыномъ и прогостила у Великаго Князя въ Москвѣ, а у сына въ Юрьевѣ съ 21 июля по 20 августа; послѣ этого илѣ въ это же время Великій Князь Василій Ивановичъ перемѣнилъ удѣлъ, утвердивъ въ 1516 г. за Абдулъ-Летифомъ Каширу и Серпуховъ, наслѣдованные въ 1511 г. Абдулъ-Летифомъ, послѣ своего брата Магметъ-Амина, свергнутаго Царя Казанскаго, которому въ 1497 г. Иоаннъ III и далъ эти города въ удѣлъ (Сношен. Рус. съ Крым. въ XVI в. Мос. Унив. Извѣс. 1865, № 4, ст. 214. Акт. Арх. Экс. I № 135, 154; Карамз. Ист. Государ. Рос. VII, пр. 45, 149, 178).

Въ Юрьевѣ Великій Князь посѣтилъ древній соборъ и Архангельскій монастырь; послѣ разоренія его въ 1408 г. полчищами Эдигея, слишкомъ сто лѣтъ стояли они безмолвными свѣдѣтельствами этого разрушенія; съ грустью долженъ былъ взглянуть Василій на эти молитвенные памятники своихъ предковъ. Соборъ извнѣ причудливою рѣзбой по стѣнамъ изъ бѣлаго камня изображеній птицъ, звѣрей и травъ — памятникъ зодчества и лѣпнаго искусства XII вѣка — невольно привлекалъ вниманіе Князя, ознаменовавшаго свое княженіе зданіемъ обширныхъ и великолѣпныхъ храмовъ.

Случайный станъ на гористомъ берегу рѣки Сѣрой, или пригорье около него, для любимой Княжьей потѣхи — расположило Князя посѣщать по временамъ преимущественно осенью «осено-

вать» это мѣсто, на которомъ вмѣсто *стана* возникъ уже временный путевой *дворъ*, разширившійся въ Государевы хоромы и создана церковь, такъ что не далѣе какъ въ 1514 г. *священа была декабря 11 церковь Покрова Святой Богородицы въ новомъ селѣ Александровскомъ, тогда жъ Князь Великій и во дворъ вшелъ* (Троицк. Сергіев. Лавр. Библ. рукоп. Трефол. русск. свят. XV в. въ 4-ку см. въ числѣ приписокъ начала XVI в. на оборотѣ 4 листа № 647, часть III описи библіотеки).

Церковь Покрова Богородицы въ Новомъ Селѣ строена была безъ сомнѣнія по повелѣнію Великаго Князя Василя Ивановича нещадившаго, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи, казны своей на сооруженіе церквей и ихъ благолѣпія не только въ тотъ (1514) годъ¹, но и во все свое княженіе; основаніе храма заставляетъ предполагать здѣсь о поселеніи, оттого и стало «*Новое Село*».

Василій, основавшій Новое Село построеніемъ въ немъ церкви и заселеніемъ около нея по его велѣнію, и себѣ построилъ *дворъ*, въ который и *взошелъ* въ первый разъ по его выстройкѣ, помѣстился въ немъ въ день освященія церкви, при которомъ присутствовалъ и самъ, что можно заключить по изложенію записи въ томъ же сборникѣ, въ которомъ дальнѣйшее ея содержаніе слѣдующее: «того жъ мѣсяца декабря 15 священа бысть церковь кирпичная въ Сергіевѣ монастырѣ на воротехъ во имя Св. Сергія. а свѣщалъ ее епископъ Митрофанъ Коломенскій да игуменъ Памва. а на свѣщеніи былъ Князь Великій» (Троицко - Сергіевой Лавры библіотека, та же рукопись). Новоселье Великій Князь во дворѣ своемъ соединилъ съ свойственнымъ ему духовнымъ настроеніемъ—съ днемъ освященія церкви, которое вѣроятно совершали тѣ же духовныя особы что и въ Сергіевомъ монастырѣ при освященіи

¹ Въ лѣтописяхъ подъ 1514 г. упоминаются слѣдующія дѣянія въ княженіе Василя: «поповленъ въ Москвѣ славный образъ Богоматери Владимірской и Великій Князь приказалъ сдѣлать для онаго кивотъ украшенный серебромъ и золотомъ. Построены въ Москвѣ на Большомъ посадѣ за торгомъ церкви: Введенія, на Воронцовѣ—Благовѣщеніе, на Государевомъ дворѣ—Рождество Богоматери съ придѣломъ Св. Лазаря, за Неглинной—Св. Леонтій Ростовскій и Петръ Чудотворецъ, на Ваганьковѣ—Благовѣщеніе, въ Дѣвичьемъ монастырѣ—Алексѣй Божій человекъ, за рѣкою подъ боромъ—Успѣновіе Главы Іоанна Предтечи, на Срѣтенкѣ—Введеніе и церковь Св. Варвары, созданная Василемъ Бобромъ и братьями его (архитекторомъ былъ Алевизъ); Юрій Григорьевичъ Гобыкинъ построилъ въ городѣ у Фроловскихъ воротъ церковь Аѳанасія Александрійскаго (Ист. Рос. Госуд. VII пр. 383, стр. 61).

надвратной церкви. Митрофанъ епископъ Коломенскій, духовникъ Іоанна III, (еще будучи архимандритомъ Андроникова монастыря), любимый и Василиемъ, сопутствовалъ ему перѣдко въ его объѣздахъ, такъ въ 1509 г. въ Новгородъ и Псковъ (Ист. Гос. Рос. VII, 22), и тутъ безъ сомнѣнія руководилъ освященіемъ щедротъ Князя, при сослуженіи игумена Памвы и братіи Троицко-Сергіева монастыря, пользовавшихся его уваженіемъ и чаще всего имъ на-вѣщаемого. Освященіе храма и новоселіе въ дворѣ своемъ Князь отпирывалъ, разумѣется при этомъ случаѣ, трехдневнымъ праздни-ствомъ (съ 11 по 14 декабря), на которомъ отправлялъ свою службу, наблюдалъ за Государевымъ столомъ, подносилъ Госу-дарю питія въ заздравныхъ кубкахъ и чашахъ, стоялъ при столѣ для разниманія подаваемыхъ ему яствъ, въ тотъ годъ пожалован-ный Василиемъ, его шуриномъ Иванъ Юрьевичъ Сабуровъ (братъ ве-ликой княгини Соломонида Юрьевна) въ учрежденный имъ въ 1514 г. придворный чинъ Крайчаго или *Кравчаго*; таковъ былъ у Василя обычай и во все Княженіе его, всякое освященіе храма заключалось продолжительными празднествами, изъ которыхъ нѣ-которыя упомянуты и въ лѣтописи, такъ при освященіи церкви въ селѣ Коломенскомъ въ 1532 и т. д. (Описан. двор. въ с. Колом. Чаева, М. 1869 г.).

Каковы были Княжій дворъ и церковь въ Новомъ Селѣ и кто былъ зодчій? на это свѣдѣній не имѣется; одновременно вѣ-роятно строились дворъ и церковь, что можно полагать по изло-женію записи, церковь безъ сомнѣнія раньше была готова, а къ освященію постройкою поспѣлъ и дворъ. По лѣсисности мѣ-стности они были деревянные, и какъ въ весьма непродол-жительное время построенные далеко уступали тогдашнему ве-ликолѣпію и затѣйливости подобнымъ въ столичномъ городѣ Москвѣ, тѣмъ болѣе что дворъ въ Новомъ Селѣ былъ *перепутъ-емъ, отхожимъ станомъ, путевымъ дворомъ*; но тѣмъ не менѣе онъ вѣроятно въ главныхъ основаніяхъ постройки имѣлъ много общаго, съ только что незадолго славнымъ Миланцемъ зод-чимъ Алевизомъ, оконченнымъ каменнымъ дворцомъ въ Кремлѣ Москвы, въ который Великій Князь Василій Ивановичъ въ маѣ 1508 года перешелъ на житье изъ деревянныхъ хоромъ тамъ же паскоро выстроенныхъ отцомъ его Иваномъ III Василь-евичемъ, послѣ пожара 28 іюля 1493 года; и съ этими дере-вянными хоромами какъ по матеріалу своему, такъ и по начерта-нію и названію отдѣленій безъ сомнѣнія наиболѣе всего сходство-

вали составлявшія дворъ Василя въ новомъ его селѣ, ставшимъ по княжьей усадьбѣ называться по тогдашнему «*Новой Слободой*». Василий кромѣ слободскаго двора, имѣлъ таковыя же путевые дворы, въ приписныхъ къ государеву двору любимыхъ имъ селлахъ, подѣ Москвою: Воробьево, Островъ, Воронцово, Коломенское (*Ист. Госуд. Рос.* т. VII, 110); туда отъѣзжалъ на временное пребываніе, нерѣдко для любимой своей потѣхи—охоты, а чаще его посѣщенія ихъ, (какъ можно заключить изъ лѣтописи), совпадали съ храмовыми въ нихъ праздниками; одни изъ этихъ дворовъ онъ наслѣдовалъ, такъ они упоминаются въ духовной¹ его отца великаго князя Ивана III отъ 1504 г. «Да емужъ даю сельцо Воронцовское на Яузѣ, гдѣ мой дворъ...» «село Воробьево» (*Собр. Госуд. Гр.* I); другіе: Островъ, Коломенское безъ сомнѣнія обязаны своимъ возникновеніемъ Василию. Знаменательно что въ 1514 году княземъ Василиемъ были построены и освящены въ Воронцовѣ, около наслѣдованнаго отъ отца князьева двора, церковь Благовѣщенія, и въ новомъ селѣ Александровскомъ около своего уже имъ построеннаго двора церковь Покрова Богородицы.

Княжій дворъ въ слободѣ, по мѣсту своему, на дорогѣ въ дальное Залѣсье, хотя и былъ перепутьемъ, но въ сущности это была помѣщичья усадьба, обширный вотчинниковъ дворъ, ставшій среди слободъ имѣвшихъ какое-либо служебное назначеніе въ княжьемъ хозяйствѣ, въ потребностяхъ его дома и обихода. Дѣйствительно первую основу князьего двора былъ княжій станъ съ необходимыми хоромными или клѣтками на случай проѣзда и даже съ супругою; что вскорѣ черезъ два года, послѣ отпразднованнаго новоселія и незамедлительно вѣроятно и послѣдовать; такъ какъ въ лѣтописи упомянуто подѣ 1516 г. «мѣсяца сентября князь великій и съ великою княгиней поѣхалъ въ Переславль и въ иные города на побываніе» (*Пол. Сол. Лѣт.* VI, 280); но переѣздъ Василя на «побываніе» и даже на «основаніе»—побываніе на три мѣсяца почти сѣверной, холодной и ненастной осени любимой имъ порѣ для объѣздовъ и тѣмъ болѣе съ княгиней, приѣмъ гостей и пословъ, заставляетъ полагать что станъ къ тому времени обстроился и распространился и сталъ уже

¹ *Собр. Госуд. Гр.* I). Въ этой духовной встрѣчается слѣдующее извѣстіе: «Да что были къ Дмитрову проданы волости Московскіе... съ *Новымъ Селомъ* и тѣ даю къ Москвѣ совсѣмъ по сторонѣ сыну моему Василию».

дворомъ, на которомъ вѣроятно кромѣ двора, собственно великокняжескихъ хороминъ, были вблизи въ разныхъ мѣстахъ службы и дома дворовыхъ людей княжескихъ, также со службами и тѣмъ оказался вполне удобнымъ для продолжительнаго жительства князя съ супругой и ихъ слугами—боярами, придворнымъ чиномъ, окольничими, дѣтьми боярскими, дворянами и прочимъ людомъ. Хоромины эти состояли изъ нѣсколькихъ кѣтей углубленныхъ или выдававшихся изъ главнаго строенія; онѣ отличались по назначенію своему или расположенію названіями сѣнника, избы средней, западной, брусной, постельной, столовой, гридцы, повалуши, теремовъ и т. п.; со всѣхъ сторонъ окружали ихъ переходы подъ навѣсомъ и съ глухими перилами; главный изъ этихъ переходовъ безъ сомнѣнія велъ къ подлѣ хоромъ стоявшей церкви Покрова Богородицы, великокняжеской божницѣ домовою церкви Василя, какъ то и было въ древней Руси у всякаго княжяго двора, и безъ молитвы въ ней подъ всеобъемлющимъ покровомъ Пресвятыя Богоматери Василій не начиналъ и не оканчивалъ дня на своемъ великокняжемъ дворѣ. (Житіе-бытіе государей Московскихъ изслѣдовано г. Забѣлинымъ въ его почтенномъ трудѣ: *Домашній бытъ Русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII вв.*). Около двора заносился замѣтъ (заборъ) гдѣ частоколомъ, а гдѣ и плетнемъ, а съ лица рубленою стѣной. Службы имѣвшія значеніе въ потребностяхъ домашняго обихода князя были: дворы *житный*—съ хлѣбными запасами на прѣздъ, *конюшій*—для коннаго пути (конюшаго), коней великокняжескихъ степнаго пригона погайскихъ, татарскихъ, горскихъ и аргамаковъ добываемыхъ отъ восточныхъ народовъ, для которыхъ *пастбище* было не далеко отъ слободы; *коровій* для рогатаго скота, быки стояли на рядомъ находящейся *волово*. Противъ княжяго двора, отъ него по крутобережью до рѣки, растиался садъ, ими еще въ самое древнѣйшее время князья любили украшать свое мѣстожителство, и сады упоминаются въ древнѣйшихъ духовныхъ; звѣриные гоны, нѣчто въ родѣ звѣринца были у князя—страстнаго охотника, въ особой около княжеской усадьбы *Красной роцъ* именовавшейся и по живописному мѣстоположенію тоже у крутобережья Сѣрой и по красному звѣрю въ ней напущенному; дикимъ величіемъ вѣло отъ вѣковаго, густаго сосноваго бора, щетинистою грядою окаймлявшаго княжью усадьбу ¹.

¹ Всѣ эти службы по мѣсту своему пахожденію въ слободѣ, нынѣ гор.

Недалеко от Слободы, въ сторонѣ отъ княжьяго двора, около крутобережья рѣки Сѣрой, была расположена на красномъ (красивомъ) мѣстѣ *Мамоновѣ слободка* ¹—усадьба Мамоновъ. Въ отечественной исторіи и лѣтописяхъ ² упоминаются: 1) Андрей Дмитріевичъ, бояринъ, его жена была сожжена за волшебство княземъ Иваномъ Можайскимъ, а его сынъ; 2) Григорій Андреевичъ, прозвищемъ Мамонъ ³ (даннымъ будто бы Великимъ Княземъ Иваномъ III) по тучности его, окольничій (съ 1500 г.) † 1510 г. и его внуки; 3) Иванъ большой Григорьевичъ Мамоновъ окольничій (съ 1503 г.) † 1505 г.; 4) Ѳедоръ Григорьевичъ Мамоновъ, и 5) Иванъ меньшей Григорьевичъ Мамоновъ окольничій (съ 1503 года) † 1516 г.; оба Ивана Григорьевича Мамоновы были посланы отъ Великаго Князя: отъ Ивана III Васильевича, большой Иванъ Мамоновъ, въ Крымъ съ 1500 по 1502 г., а отъ Василія Ивановича, меньшей Иванъ Мамоновъ, въ Казань и то же въ Крымъ въ 1515 г., гдѣ онъ отправляя эти обязанности и померъ. Всѣ три

Александровѣ, сохранились въ названіи городскихъ урочищъ: *Старая Комошная*, гдѣ домъ А. А. Барановой, *Житный дворъ*—мѣстность около дома А. М. Зубова, *Коровья улица* и *Волова*—около Успенскаго монастыря; *Садовая*, *Садовня* около того же монастыря; *Красная рошча*—название деревни около города Александрова, построенная на мѣстѣ вѣроятно бывшей дѣйствительно красной рошчи; *Пастбищи*—название нынѣ селца около гор. Александрова; около него же есть деревня *Дичькова*.

¹ Въ писцовой книгѣ Александровой Слободы 1677 г. упоминается: «Въ новой Александровой Слободѣ подъ городомъ въ острогѣ *слободка Мамонова*, а въ ней церковь во имя Богоявленія рублена плѣтцки». (*Влад. Сбор.*, 168). Церковь Богоявленія нынѣ каменная, близъ ограды Успенскаго женскаго монастыря, а не вдалекѣ отъ мѣста слободки Мамоновой указываютъ нынѣ *дер. Хохлоуку*, жители которой приходомъ въ оную церковь, по преданію, поселились будто бы на мѣстѣ, но точнѣе близъ слободки Мамоновъ.

² *Ист. Рос. Гос.* VI, 94, 182, 222 пр. 495, 501, 520, 617; VII, 46, 47 пр. 140—143; *Ист. Рос. древ. ер.* IV, 343; V, 94—101, 202, 292, 148—150, 246, 342—344; *Ист. Рос.* Щербатова V, 450—457; *Дѣло журн.* 1871, № 2, ст. Шашкова, стр. 161, въ древнемъ синодикѣ Махринскаго монастыря пр. Стефана, въ 12-ти верстахъ отъ гор. Александрова (Владимірской губерніи), внесенъ вѣроятно въ XVI в. *родъ Мамоновъ Истома*; въ числѣ именъ онаго рода встрѣчается имя Мамонть.

³ Маммонъ (гр. маммонасъ, халд. māmōn, māmmon, евр. māmmon) значитъ подземное богатство, сокровище, а на халдейскомъ нарѣчіи—золотой кумиръ, земный богатства, *Полн. Сл. Иностран. Слов. вошедш. въ русскій языкъ*, Гейзе, Спб., 1861, ст. 291; а въ простонародіи значитъ: брюхо, чрево; «ишь какъ мамонъ себѣ набилъ», укоряетъ сытаго мужика голодный.

брата Григорьевича Мамоновы, какъ видно изъ родословной, ¹ потомства послѣ себя не оставили, такъ какъ не видно, чтобы они были женаты.

Предки Мамоновъ, именно: родоначальникъ Дмитрій Александровичъ (сынъ Александра Юрьевича Непише) происходившій въ XVI столѣтїи отъ Рюрика, кромѣ сына 1) Андрея Дмитриевича (отца Григорія Мамонъ) имѣлъ сыновей: 2) Ивана Дмитриевича (отца родоначальника Дмитриевыхъ) боярина Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго, и мужъ великаго ума, находясь съ Великимъ Княземъ въ Ордѣ въ 1492 г., по словамъ лѣтописи: «благоразумїемъ и мужествомъ своимъ преклонилъ хана и вельможъ татарскихъ утвердить Великаго Князя Василія Васильевича на Московскомъ и Владимірскомъ престолахъ»; 3) Михаила Дмитриевича, и 4) Симеона Дмитриевича (умеръ инокомъ); внукъ Ивана Дмитриевича, Юрій Дмитриевичъ Дмитриевъ, былъ казначеемъ при Великомъ Князѣ Василѣ Ивановичѣ, и потомства какъ Ивана, такъ и Михаила Дмитриевичей не носило прозвища Мамоновъ (въ лицѣ трехъ братьевъ, сыновей Григорія Мамона, это прозвище угасло), а у брата ихъ Семена Дмитриевича, почившаго инокомъ, дѣтей не было. Григорій Андреевичъ Мамонъ имѣлъ братьевъ съ различными прозвищами; такъ они были: Семенъ Андреевичъ *Плотъ*, Василій Андреевичъ *Вистлица*; единственный сынъ Семена Андреевича Василій имѣлъ уже прозвище Плотица.

Мамонъ, Григорій Андреевичъ, былъ ближайшій совѣтникъ и даже наушникъ, любимецъ Ивана III Васильевича, «бояринъ тучный», какъ выражается лѣтопись (*Энциклопед. Слов.* изд. Плюшара, XIV, 296), любившій свое имѣніе, жену и дѣтей, гораздо болѣе отечества, и постоянно «нашептывавшій» (по слову лѣтописи) Государю, не чуждъ былъ участія въ тогда обличившейся жидовствующей ереси дьяка Курицына; и дѣти Мамона оба Ивана большой и меньшей были при Великихъ Князяхъ Иванѣ III Васильевичѣ и сынѣ его Василѣ Ивановичѣ, ближними ихъ людьми—совѣтниками и подручными исполнителями ихъ замысловъ. Григорій съ сыномъ Иваномъ и были безъ сомнѣнія современными Василію хозяевами, названной ихъ прозвищемъ слободки, впервые ими облюбованной, по красному мѣсту, на крутой горѣ, омываемою рѣкой; какъ людей приближенныхъ къ нему, пользовавшихся его

¹ Долгоруц. *Рос. Род. Книг.*, I, 139; II, 178—180.

довѣріемъ, понятно и сосѣдство нхъ жительства съ княжьимъ дворомъ и разумѣтся если они не были въ отсутствіи по посольскимъ дѣламъ отъ Князя, то сопровождали его въ объѣздахъ, а тѣмъ болѣе при пути въ Залѣсье, около нхъ усадьбы.

II.

Новое Село и Новая Слобода; понятіе о Слободѣ—Великая Слобода; значеніе слова «великій» въ древней Руси; урочища с. Старой Слободы; слободки: Маринина, Чечевкина и Лихая; волости Слободская и Марининская.—Помини о Великомъ Князѣ Александрѣ Невскомъ въ княжествахъ: Переславскомъ (Залѣскомъ)—Александрова Гора и Александрова Слобода, и Суздальскомъ—Александрова Лавра; изслѣдованіе Александровой Горы у гор. Переславля-Залѣскаго; предположенія объ именованіи Новата Села—Александровымъ и Новой Слободы—Александровой.—Вотчинное хозяйство Великаго Князя въ Великой Слободѣ и Слободской волости; Государевы пути (промысловыя имуществъ и доходы); чины: Государственного строя въ Переславлѣ Залѣскомъ, хозяйственнаго домоводства въ Слободѣ, и волостнаго правленія въ ея и окрестныхъ волостяхъ.—Переславля уѣзда Залѣскаго княжьи пути и ухожья; догадки о принадлежности Слободы къ ловчему пути и бортному стану; бортничество въ Залѣсьѣ; «сытники»—чинъ завѣдывавшій бортнымъ станомъ въ Залѣсьѣ и Слободой.—Историческая давность появленія Слободы въ древнихъ актахъ.—Государевы вотчины и великокняжьи села и деревни по дорогамъ отъ Слободы.

Не одна княжья усадьба дала новому селу Александровскому званіе Новой Слободы; назвали Новою Слободой, въ отличіе отъ другой, въ пяти верстахъ отъ нея стоящей, по пути къ Переславлѣ, и прозывавшейся быть-можетъ и тогда уже мѣстнымъ нынѣ современнымъ именемъ—Старою Слободой (нынѣ село Старая Слобода въ пяти верстахъ отъ гор. Александрова, по рѣкѣ Сѣрой), а по документамъ XV вѣка (1433 г.) значившейся: *Переславля уѣзда Залѣскаго Великою Слободой* (Троице-Серг. Лавр. библ. вотчинн. Арх. Сборн., № 531, по Махр. монастырю); по Великой Слободѣ, и вся окрестность селеній «со всѣмъ, что къ нимъ потягло», составляла *Слободскую волость* или, по выраженію тѣхъ документовъ, «что въ Великой Слободѣ»; изъ нихъ усматриваемъ, что волость эту вѣдали слободскіе волостели и ихъ тіуны, а приписана къ гор. Переславлѣ-Залѣскому, завѣдываемому переславскими намѣстниками. Великая Слобода расположена была на большой дорогѣ, идущей чрезъ нее въ Переславль изъ Москвы; такъ,

въ жалованныхъ грамотахъ Великаго Князя Ивана III Васильевича Троице-Сергіева монастыря игумену Спиридонию (1467—1474 г.) эта дорога названа «большая Слободская дорога»; въ XV вѣкѣ *Новымъ же селомъ Александровскимъ* названо оно въ отличіе отъ другаго «села Александровскаго на Костромѣ», безъ сомнѣнія, его древнѣе, и упоминаемое во второй духовной грамотѣ (1328—1341 г.) Великаго Князя Ивана I Калиты какъ его прикупъ, завѣщаемый имъ своей Княгинѣ, о чемъ и будетъ далѣе изложено.

Слободой, по изслѣдованіямъ нашихъ историковъ, археологовъ и юристовъ, въ древнюю пору Московскаго государства первоначально называлось поселеніе, жители котораго пользовались какими-нибудь особенными условіями, дававшимися ихъ обществу, дѣятельность котораго посвящена была опредѣлительно какимъ-нибудь особымъ занятіямъ; нѣкоторыя промышленныя слободы были въ то же время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ княжьему двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами; таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и пр., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли; такія слободы были въ Переславскомъ уѣздѣ (*Ист. Росс. древн. врем. V, 410; Акты Арх., I, 118*).

Почему именуется слобода именно «Великая» и поселеніе, безъ сомнѣнія, «село Великое» именно слободой, остается для изслѣдователя загадкой; догадка же даетъ таковой выводъ: Великая Слобода названа «великою» по своей обширности поселенія; до сего времени мѣстное преданіе повѣствуетъ, «что эта слобода (нынѣ село Старая Слобода) была такъ велика, что приселки ея доходили до Новой Слободы Александровой (нынѣ гор. Алеясандровъ) на пятой верстѣ протяженія, и даже до нынѣ существующаго с. Каринскаго» (отъ Александровой Новой Слободы въ пяти верстахъ). Въ древней Руси слову «великой» однозначашимъ было «большой», а въ настоящемъ случаѣ, въ отношеніи къ селенію,—обширное по занимаемому пространству имъ и значительное по числу дворовъ его и въ нихъ обывателей. Въ Залѣсѣй древней Руси, въ ту глубокую сѣдую ея древность, почти ускользающую отъ изслѣдованій, существовалъ у исчезнуваго народа одинокій городъ Ростовъ, именовавшійся «великій» (Ипат. 17) почему, не объясняютъ ни одинъ изъ его историческихъ изслѣдо-

вателей (*Гр. Тол. Древн. Свят. Рост.*, стр. 7 и 8; *Корсак. Мер.* и *Рост. Бняж.*, стр. 61 и 62); догадывается (*Корсак. Мер.*, стр. 79), что это названіе, признаваемое за Ростовомъ при Юріи Долгорукомъ въ XII вѣкѣ, показываетъ, что онъ былъ довольно обширенъ по пространству и народонаселенію сравнительно съ другими городами, и начиналъ приобрѣтать все большее и большее значеніе; Великая Слобода была на полпути между Москвой и Ростовомъ. Въ лѣтописи, въ началѣ XIII вѣка, упоминается Соль Великая,—городъ Костромскаго княжества (нынѣ посадъ Большія Соли, Костромской губерніи). Еще сѣвернѣе, на Вагѣ (Важская область по обѣимъ сторонамъ рѣки Ваги), въ 1471 году существовала «Слобода Великая, отчина великихъ государей, изстаря оброчная» (*Акты Арх. Экск.*, I, 74; *Энциклопедическій слов. Плюшара*, VIII).

Великая Слобода, а нынѣ село Старая Слобода, стала на мѣстѣ уже обитавшемся первопосельниками еще до возникновенія Переславскаго княжества въ древне-Суздальской области; сохранившіяся названія нѣкоторыхъ урочищъ въ мѣсторасположеніи села Старой Слободы и прилегающихъ къ ней угодій указываютъ что не изгладилась изъ народной памяти историческая связь съ глубокою древностью, почти мнѣніемъ ея періодомъ, ускользающимъ отъ пытливыхъ поисковъ изслѣдованія. «Турыгина Гора», часть селенія Старой Слободы, за рѣчкой «Глѣбней», впадающей въ рѣку Сѣру, по коей какъ лугъ «Орда» у кручи съ покосомъ по оной, такъ и лѣсистая «Мачая гора» своими наименованіями наводятъ на нѣкоторый слѣдъ бывшихъ событій, выражающихъ послѣдовательно лѣтопись Старой Слободы. *Туръ-Турьина*, *Голдоба*, *Глѣбъ-Глѣбня*, *Бѣляница*, *Мачъ-Мачая* и *Орда* намѣчаютъ на историческую давность былаго Слободы въ ту пору ея глубокой древности современной ея первонаселенникамъ, которыми, по лѣтописному сказанію, «а на озерѣ Клещинѣ, въ Ростовской и Переславской земляхъ», слѣдуетъ признавать *Мерю* (*Полн. Собр. Лѣт.* I, 5). Варяго-Руссы или Славяне пришельцы, «переселивши» славу у Мери на Плещеевомъ озерѣ, водворившись на берегу рѣки Сѣры на настоящемъ мѣстѣ Старой Слободы, запечатлѣли о себѣ поминъ именоваіемъ мѣстныхъ урочищъ оной: горъ Турыгиной, Бѣляницы и Мачей, а рѣчки противъ нея Глѣбней, дагѣ Голдоба; въ нихъ кроются славянскіе и даже русскіе корни: Туръ-Турьино, Голдоба-Голдова, Бѣляница-Бѣляна-ница и Глѣбъ-Глѣбня.

Туркина юра. *Туръ*, ¹ по изслѣдованіямъ нашихъ этнографовъ, разсматривается какъ древнее прозвище исчезнувшего быка, также какъ и именоваііе древняго варяго-русскаго божества. Искони сложившаяся, «въ миру» между обывателями села Старой-Слободы, присловіца къ Турыгиной горѣ именно: «На Турыгиной

¹ О древнемъ гор. Туровѣ упоминается въ X вѣкѣ (Лавр. *Переп. Нестор.* стр. 32) какъ владѣніе самостоятельнаго князя Варяжскаго Тура, управлявшаго этою областью (Карамз. *Истор. Госуд. Рос.* I, стр. 222). Туровскіи князь участвовалъ въ походѣ Олега на Грековъ по договору 907 года; Греки платили дань и Туровскому князю (*Лѣтоп. Нестор.* по Лавр. св. стр. 13). Гор. Туровъ недалеко отъ Мозыря, въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи (Мозырщина—*Изъ путеш. по Запад. краю* П. М. Шпилевскаго—въ *Архивъ историческ. и практическ. свѣдѣн. относящ. до Россіи*, изд. Ник. Калачева 1839 г., кн. III, глав. 3 Туровъ и Туровское княжество въ X вѣкѣ (упоминается князь Глѣбъ Юрьевичъ Туровскіи подъ 1196 г.) до соединенія Лѣтвы съ Польшею. Курганъ Тура, Туровское кладбище, Туровскіе дѣса, предмѣстіе Турова). Упоминается въ Кіевѣ въ 1146 г. Турова божница (Закревск. опис. Кіева *Чтен. Импер. Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос.* 1838, кн. 1 и 2). По сказанію Степенной книги, первая церковь, поставленная св. Владиміромъ въ Кіевѣ, была во имя мученика *Турога* при Дѣлпрѣ, гдѣ крещенъ народъ Кіевскіи. Кому принадлежало сіе имя—это остается пока историческою загадкою; но названіе Туровой церкви подтверждается неоспоримо названіемъ *Туровой божницы*, упоминаемой въ лѣтописяхъ подъ 1146 годомъ (Собр. сочин. Максимовича т. II, стр. 42).

Имя Тура встрѣчается постоянно въ области этнографіи, не только Россіи, но и Славянъ; приводимъ списокъ сочиненій гдѣ о немъ имѣются бытовые свѣдѣтельства: Афанасьева Поэтическія воззрѣнія Славян. на природу. М. 1863 г. томовъ 3; его же Зооморфическія божества у Славянъ (птица, конь, быкъ, корова) статей 3 въ *Отечеств. Замѣск.* 1852 г. № 1 и 3 (т. LXXX и LXXXI отдѣлъ II) именно о быкѣ и коровѣ стр. 20—24 въ 1-й статьѣ; его же статья Вѣдунъ и вѣдьма въ *Кометѣ* учено-литератур. сбор. изд. Н. М. Щенкина. М. 1851, стр. 87—163; его же Религіозно-языческое значеніе избы Славянина въ *Отеч. Замѣск.* 1851 г. № 6 (т. LXXVI, отд. II); Сахарова Сказанія Русск. нар., т. II, стр. 69; дагѣ *Москвитинъ* 1851 г., № 14, стр. 143; *Чтенія Импер. Москов. Общ. Истор. Древн. Рос.* годъ 3, № 4, стр. 156 (смѣсь); *Временникъ* того же Общества, кн. № 10, стр. 93 (о географич. назван.); *Описаніе* (изд. 9) стр. 51; Снегирева Русск. простонарод. прызд. т. I, стр. 14, т. III, стр. 116, 124, 140, т. IV, стр. 128.

Въ Москвѣ урочище называемое Турыгино-Туренино, г. Мартыновъ, издатель археологическаго изслѣдованія, *Москва* (I, стр. 104) производить это прозвище отъ князей Турениныхъ-Оболенскихъ, коего угасшаго роду—начальникъ князь Борисъ Михайловичъ Турени-Оболенскіи въ XVIII колѣнѣ потомокъ Рюрика (Долгор. *Рос. Род.* кн. I, 52). Селенія и урочища съ именемъ Тура сохранились: а) во Владимірской губерніи въ Юрьевскомъ уѣздѣ: с. Турабьево и городище Турданъ у с. Ильинскаго; б) въ Московской губерніи: Тураево, Турбичево, Тур-

горѣ по три курвы (б...и) на дворѣ», выражаетъ, что прозвище горы произошло не отъ водворенія тутъ древняго быка буйгура, а отъ врѣзавшагося въ народную память древне-русского языческаго бога Тура, такъ какъ Туръ у Славянъ (по «сказанію древне-славянскаго язычества баснословія»), по чину и качествамъ своимъ соотвѣтствовалъ богу Пріату у Грековъ. Полагаютъ, что «семикъ» обязанъ своимъ происхожденіемъ празднеству ему. Есть и присловица въ черни, которая утвердительно выражаетъ его свойства (изъ книги *Мелкія стихотвор.* изд. 80 года XVIII вѣка), значитъ Туру, язычниками первоначальниковъ Старой-Слободы, была выбрана эта гора для чествованія его подобающими страстными играми и тѣлесными похотелюбивыми упражненіями; объ «языческихъ игрищахъ Тура» упоминается въ Львовскомъ Номокалонѣ XVII вѣка.

Голдоба, одно изъ названій урочищъ въ дачѣ села Старой-Слободы, какъ бы напоминаетъ по созвучію слово «голыдыба», а затѣмъ и древній исчезнувшій народецъ «Голядь». (*Истор. Рос. Сол.* I, стр. 81, прим. 129 и 130; Ходаковский Пути сообщения въ древней Руси, *Русск. Ист. Сб.* I, кн. 1, стр. 35, его же *Ист. Сист.* тамъ же II, кн. 3, стр. 28; *Энцикл. Слов.* Плюшара, XIV т.); не думаемъ, чтобъ онъ постоянно тутъ жилъ, но изслѣдователи (Корсаковъ, *Меря и Рост. Княж.*, стр. 74) признаютъ «Голядь» со-сѣднимъ народомъ съ Мерью. Около Москвы село Гравороны, расположено на рѣкѣ Голяды. Въ *Словарѣ толковомъ* живаго великорусскаго языка, собранномъ Далемъ, имѣются объясненія слѣдующихъ словъ: «Голдобино» Владимирской губерніи—колдобина, рытвина, ямина, особенно въ распутицу по дорогѣ, зажега, и «Голдовникъ»—старинное поселенецъ на чужой землѣ, хозяинъ зависящій отъ владѣльца, родъ его жизненнаго или наслѣдственнаго кортомщика. «Голдъ»—состояніе голавца. «Доба»—Малорусское, Бѣлорусское, Тверской, Смоленской, Костромской губерніи—пора, часъ, время, ночной добой, отъ этого удобный, подобный.

• геново, Турцыно, Туробьво или Турабьево, Турово, Турманово, Турыгина, рѣчка Турья; в) въ Ярославской губерніи въ Ростовскомъ уѣздѣ: д. Турова; г) въ Костромской губерніи: село и озеро Туровское и селенія: Турово, Турольское, Турданъ-Турдьево, Турдѣвы-враги, Турабьево, рѣчка Тура; д) въ Тверской губерніи: Турово (гр. Уварова изслѣд. Меряне и ихъ бытъ). Всѣ эти названія свидѣтельствуютъ о области распространенія быта Тура и опредѣляютъ мѣста чествованія ядола Тура.

Сопоставленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, а также Голыт(д)ба утверждаетъ въ нашемъ предположеніи, требующемъ еще дальнѣйшаго разслѣдованія. Подъ г. Александровымъ (въ древности село Новая Слобода) до сего времени существуетъ деревня *Гольяны* (Голь-яны), около Троице - Сергіева посада деревня *Гольина* (Голь-гина).

Бѣля(е)ница гора, покосъ по рѣкѣ Сѣрой, за «явленнымъ» на ней колодеземъ (родникомъ, ключомъ). Въ *Толковомъ Словарѣ* Даля находимъ слова: «Бѣляна», слово Волжское, означающее плоскодонное, неуклюжее и самой грубой работы сплавное судно; «Малая Бѣляна» — пермская ладья. Быть-можетъ на рѣкѣ Сѣрой, въ стародавнюю пору, когда жили на ней первоначальники Финскаго племени, — остатки (Зыряне) котораго и донинѣ обитаютъ на сѣверѣ и сѣверо-западной Пермской губерніи, у горы, именуемой нынѣ Бѣляницей и была пристань куда приставали бѣляны; слово бѣляна звучитъ славянскимъ, русскимъ нарѣчіемъ. *Мачая гора* лѣсиста, близъ рѣки Сѣрой, упирается эта гора въ рѣку Нюнгю, впадающую въ Сѣрую. Отчего происходитъ слово «Мачая» — затрудняемся опредѣлить; едва ли тутъ имѣется что-либо общаго со словомъ «мачиха». Пройдя Мачую гору, влѣво отъ большой дороги, изъ гор. Александрова въ гор. Переславль-Залѣсскій — есть болото, называемое *Ендово-Ендовищи* съ покосомъ по болотистымъ берегамъ рѣкѣ Сѣрой и Нюнгю. Въ нѣкоторыхъ, — начала XVII вѣка, — актахъ владѣнія, смежнаго съ симъ урочищемъ (нынѣ упраздненнаго) Семеновскаго монастыря — это болото именуется пустошью «Яндовищи». Слова «Яндовищи», по положенію между проточныхъ «бочагами» рѣчекъ (Сѣрой и Нюнгю) имѣетъ то же значеніе, что *сутоки* (т.-е. гдѣ стекаются двѣ рѣки), а въ настоящемъ случаѣ выражаетъ, что вода въ этихъ бочагахъ стоитъ какъ бы «въ ендовахъ». Въ Москвѣ до сего времени есть церковь Егорія, «что въ Ендовѣ»; прозвище также объясняемое. (*Опис. Моск. церкв.* Розанова — въ *Чтеніи И. М. О. Древ. Рос.* за 1875 г.)

Омывающая Турыгину гору рѣчка *Глѣбня*, впадающая близъ нее въ рѣку Сѣру, въ наименованіи своемъ выражаетъ происхожденіе отъ имени «Глѣбъ». Во имя какого Глѣба названо? Хмыровъ въ своемъ «перечнѣ великихъ и удѣльныхъ князей» представляетъ списокъ двадцати трехъ князей (I, № 63—64, II, 604—624) съ этимъ именемъ; изъ среды ихъ преимущественно вниманіе должно остановиться на князьяхъ Ростовскихъ, Суздальскихъ, Переславля-

Залѣскаго и Юрьева-Польскаго. Родословная князей Ростовскихъ и Бѣлозерскихъ (приложенная къ сочиненію графа Толстаго: *Древнія Святѣи Ростова Великаго*) имѣетъ двухъ князей съ именемъ Глѣба: Глѣбъ Васильковичъ († 1278) и Глѣбъ Константиновичъ. *Глѣбъ Васильковичъ* (№ 605 по Хмырову) первый удѣльный князь Бѣлозерскій, родился въ Ростовѣ въ 1236 г., бывалъ неоднократно въ Залѣсѣ хлѣбосолюствовалъ съ Александромъ Невскимъ въ 1259 году и умеръ въ Ростовѣ въ 1278 году; этотъ князь выкопалъ великую канаву у рѣки Сухоны, которая и называется «Княже-Глѣбовскою»; точно такой же протокъ сдѣлалъ и въ рѣкѣ Вологдаѣ, который получилъ то же названіе. (*Истор. Рос. Госуд.* IV, 326—330; *Энциклопед. Словарь* Плюшара, т. VII, 551). Не онъ ли выкопалъ и эту рѣчку-канаву отъ рѣки Сѣрой и въ честь его быть-можетъ и она сохранила именоваіе Глѣбня? Около Новой слободы Александровой—есть деревня «Бѣлозерова» называемая, хотя въ дачахъ ея и вблизи никакого озера не имѣется. Изъ удѣльныхъ князей Переслава-Залѣскаго ни одинъ не упоминается съ именемъ Глѣба; изъ суздальскихъ упоминается одинъ малолѣтокъ. Обратимъ вниманіе на одного изъ князей перечня Хмырова. *Глѣбъ Юрьевичъ* (№ 623) князь Туровскій и пинско-дубровинскій, четвертый изъ сыновей Юрія Ярославича князя Туровскаго, ѣздилъ въ Суздаль за Верхуславой-Анастасіей дочерью Всеволода III Юрьевича Большое Гнѣздо и привезъ ее въ Бѣлградъ въ 1189 году, бывалъ въ Залѣсѣ, умеръ въ мартѣ 1196 года; этотъ князь наиболѣе всѣхъ соединяетъ въ себѣ данныхъ, по нашему предположенію, будучи княземъ Туровскимъ и нося имя Глѣба, что вполне соответствуетъ горѣ Турыгиной и около нея рѣчкѣ Глѣбнѣ. Изъ прочихъ упоминаемъ: «Глѣбъ Ростиславичъ» (№ 615) князь Рязанскій, какъ бывавшій неоднократно въ княжествахъ Владимірскомъ и Суздальскомъ по постояннымъ распрямъ. Кстати упомянемъ, что въ Переславѣ - Залѣскомъ съ одной стороны вала вокругъ города глубокій ровъ назывался «Гроблею» (*описание Переслава-Залѣскаго Савельева - Ростиславича*). «Глѣбъ Юрьевичъ» (№ 622) Великій Князь Кіевскій, седьмой изъ осьми сыновей Юрія I Владиміровича Долгорукова, великаго князя Суздаля - Кіевскаго, сначала князь Переславскій (безъ сомнѣнія Переслава Южнаго), бывалъ часто въ Суздали, гдѣ даже погребена его первая супруга въ 1154 году, и тула же возилъ тѣло умершаго своего брата Ивана Юрьевича.

Послѣдовательно восходя лѣствицею историческихъ событій въ Переславскомъ, Ростовскомъ и Суздальскомъ княжествахъ, въ

с. Старой Слободѣ сохранившееся названіе кручи и пролегающаго отъ нея къ рѣкѣ Сѣрой луга—*Срда*, напоминаетъ о неоднократныхъ нашествіи и разореніяхъ въ тѣхъ княжествахъ орды татарской въ XIII и XIV вѣкахъ (въ первомъ въ 1238 году, а въ послѣднемъ въ 1409 году), а по закрытой мѣстности свидѣтельствуемъ, какъ о удобной для нападенія, и наоборотъ для защиты — въ виду близости къ водѣ. Это мѣсто служило быть-можетъ становищемъ даже ордѣ татарской и погайской (*Древ. и Нынѣш. Пересл.-Залѣс. Савельева-Ростиславича, О Перес.-Залѣс. Хвостов., Меря и Ростов. Княж. Корсакова*). Въ окрестности Старой Слободы по дорогѣ къ Переславлю, въ дачѣ деревни Капылихи есть полосы пашни, называемыя «татарскими»; вообще въ Александровскомъ уѣздѣ сохранилось много названій урочищъ съ прилагательнымъ «татарской», вѣроятно какъ народная память о монгольскомъ игѣ и слѣды отъ неоднократныхъ нашествій Татаръ, по областямъ княжествъ Ростовскаго, Суздальскаго, Переславля - Залѣскаго и Юрьевскаго. Сосѣднее съ селомъ Старой Слободы село «Бакшеево»¹ въ именovanіи своемъ звучитъ татарскимъ корнемъ слова; а въ пяти верстахъ отъ Новой Александровой слободы (нынѣ гор. Александровъ) существуетъ селеніе «Курганиха», а оно слово тагарское (кур-ханъ) и можетъ быть отнесено смѣло къ порѣ нашествія Татаръ, такъ какъ въ дачѣ онаго селенія никакихъ земляныхъ насыпей и возвышенностей искусственныхъ надъ землею не имѣется, а поселеніе весьма древнее (старая Курганиха у пруда—нынѣ въ полѣ) среди прочихъ поселковъ съ прозвищемъ относящимся къ ловчему пути, именно: «Струнино» и «Соколово». Гора, влѣво отъ дороги изъ города Александра въ гор. Переславль - Залѣсскій, частью поросшая лѣсомъ, и частью распаханная подъ поле называется мѣстными обывателями *Бараши*; бараши, въ числѣ нѣкоторыхъ званій мѣстностей въ Москвѣ, Снегиревъ (*Русск. Стар. М. 1853 г. IV, 3*) относитъ къ монголо-татарскому періоду; а толковый живаго велико - русскаго языка словарь Даля поясняетъ: «Барашъ—слово старинное, придворный шатерничій, обойщикъ». Въ Москвѣ была Барашевская слобода и донинѣ на ея улицѣ Покровкѣ стоятъ церкви: Воскресенія и Введенія въ Барашихахъ или Шатерникахъ. Безъ сомнѣнія можно полагать, что и

¹ *Баши* по живаго Русскаго языка словарю Даля татарское слово значитъ старинна.

въ дачѣ, нынѣ селѣ Старой Слободѣ, при поѣздкахъ по пролегавшей черезъ нее изъ Москвы на Новую Слободу въ Переяславль - Залѣскій, большой дорогѣ великихъ князей, государей Московскихъ и царей всея Руси упреждали ихъ путь бараши— «мастеровые шатерники, обойщики» (*Ак. Арх. Эксп.* III, 96) для устройства стана въ шатрахъ; можно еще древнѣе догадываться не была ли гора, именуемая «Бараши», станомъ Татаръ, набѣги которыхъ въ княжество Переяславля-Залѣскаго были неоднократно въ XIII и XIV вѣкахъ. Слово «бараши» древнее и о барашихъ упоминается въ духовномъ (1410 г.) завѣщаніи князя Владиміра Андреавича въ числѣ прочихъ дѣлюевъ (*Собр. Госуд. Грам.* I, № 30, стр. 51). Бараши и дѣлюи, по мнѣнію Карамзина (*Истор. Росс. Госуд.* V, пр. 210), именовались особеннаго рода наймиты, которымъ давалась земля съ обязательствомъ платить оброкъ господину оной (*Пром. Др. Русс. Арис.* 34, 35).

Великая Слобода по Переяславскому уѣзду (Залѣсскому) встрѣчается въ *Актахъ юридическаго быта древней Руси* (I, стр. 92), упоминаясь въ жалованныхъ грамотахъ великаго князя Юрія Дмитріевича отъ 1433 года, и великаго князя Василя Ивановича отъ 1506 года (*Опис. Махр. мон.*, стр. 28), также имя «Великая Слобода» встрѣчаемъ въ древнихъ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ князей и князей; именно упоминается (*Ист. Росс. древ. вр.* IV, 135) въ первой и второй духовной грамотѣ великаго князя Ивана I Калиты (1328—1341 г.) «даная въ удѣлъ второму сыну Ивану... Великая Слобода»; даѣе въ первой духовной грамотѣ великаго князя Ивана II Ивановича (1356—1359 г.) отказалъ (*Ист. Росс. древ. вр.* IV, 137) княгинѣ своей Александрѣ «изъ Звенигородскихъ волостей великую слободу Юрьеву», а младшему сыну своему Іоанну, которому онъ отдалъ свой прежній, ему данный отцомъ, удѣлъ, вмѣсто «Великая Слобода» встрѣчаемъ названіе «Исторова Слобода».

Въ Переяславскомъ уѣздѣ, кромѣ *Великой* и *Новой Слободы*, упоминается въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ князей и актахъ юридическаго быта XV в. еще слободки: *Маринина*, *Чечевкина* и *Лихая*. *Маринина слободка* (нынѣ деревня Марина, на бывшей большой почтовой, трактовой и торговой дорогѣ изъ Сергіева посада въ Александровъ) великаго князя Василя Ивановича Темнаго, завѣщена въ 1455 году первою духовною грамотою женѣ его великой княгинѣ Маріи Ярославнѣ слѣдую-

щими въ оной словами: «а въ Переславль дарю своей княгинѣ... Марипину Слободку», что подтвердилъ въ 1462 г. и второю своею духовною грамотой, гдѣ о семъ тоже выразился: «да что есмь писалъ въ большой своей грамотѣ княгинѣ своей Марипину Слободку, а о двухъ станѣхъ: объ Ортемьевскомъ селѣ (нынѣ селоцо Артемьево, Александровскаго уѣзда) съ деревнями, до обортницѣхъ и о бобровницѣхъ съ числаки не описано: и язъ и тѣ два стана даю княгинѣ своей къ Марининѣ Слободѣ» (*Собр. Госуд. Грам. и Догов.*). Великая княгиня Марія пожаловала свою грамотою въ февралѣ 1471 года (*Троиц.-Серг. Лав. библиотеч. Архив. Собр. № 531 по Пересл.-Залѣсск. № 173*) Махринскому монастырю въ вотчины ихъ куплю село Нееловское (нынѣ село Григоро Неелово, близъ деревни Марино) «въ ее волости въ Маринѣ Слободкѣ»; въ этой жалованной грамотѣ упоминаются «волоости Марининскіе и ихъ тѣуны», вѣдавшіе Марипинскую волость соседнюю съ Слободскою (*Собр. № 531 Опис. Махр. монаст. стр. 28, Гр. № 2*), быть-можетъ и самая слобода при заселеніи названа Марипина, во имя великой княгини Марии, такъ какъ до 1455 года ни въ одной изъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ великихъ князей не упоминается слободка Марина. Марининская волость дѣлилась на станы (какъ видно по документамъ на Махринскій и Симеоновскій монастыри), таковыя упоминаются: Борисоглѣбскій, Бортный. Нынѣ въ Александровскомъ уѣздѣ, около деревни Мариной, сохранившіеся наименованія селеній, именно деревень: «М. и Б. Маринкина и Маренки» не свидѣтельствуютъ ли о томъ, что и они входили въ составъ волости Марининой Слободы, являясь на картѣ уѣзда какъ бы предѣлами Марипинской волости. Подъ самую Слободой (нынѣ Александровъ), смежно съ городскою землею, имѣется дворцоваго вѣдомства пустошь, до сего времени называемая «Марино», что свидѣтельствуетъ также о принадлежности ея къ волости, «что въ Марининой Слободкѣ». По нѣкоторымъ разсказамъ старожиловъ по сохранившемуся преданію Великая Слобода тянулась отъ нынѣ существующей Старой Слободы до (деревни Марьиной, нѣкогда) Марининской Слободки, стоящихъ на старой большой дорогѣ отъ Троицы-Сергіева въ Переславль, въ разстояніи другъ отъ друга на 27 верстъ. Чечевкина слободка (нынѣ деревня Слободка, въ приходѣ села Бужанинова, на бывшей торговой называемой «средней» дорогѣ, изъ Троицы въ Александровъ) упоминается въ духовной грамотѣ великой княгини Софіи Витовны, которую она въ 1453 году завѣщала: «Къ святой живоначальной Троицы въ Сер-

гивѣвъ монастырь даю села Кинельскіе, Чечевкино, да Слотино (см. *Госуд. Грам. и Договор.*)»; слободкой же значитъ въ жалованныхъ грамотахъ Великаго Князя Ивана III Васильевича игумену Троицко-Сергіева монастыря Спиридонію (1467 — 1474),—по жалобѣ монастырскихъ властей на то, что «всякіе ѣздоки свертываютъ съ большія дороги, съ слободскія, на ихъ монастырекъ, на Николу на Дерюзино, на Слободку на Чечевкину» (*Ист. опис. Грош.-Серг. лав. М. 1865, стр. 170, пр. 13*)¹. *Лихая слобода*. Въ сошной 7071 (1563 г.) грамотѣ Стефано-Махринскаго монастыря (хранящейся въ моемъ собраніи), то-есть выпиши съ Переславскихъ книгъ письма князя Ивана Борисовича Романовскаго, да Ивана Ивановича Пушкина, значитъ: «Пустошь Михалево-Сорокино, что было Бортнаго стану, въ *Лихой Слободѣ*, ловчего пути на оброце за *Пердобаскимъ ямскимъ* охотникомъ за однимъ за Ивановымъ; пашни въ полѣ 28 четвертей, а въ дву потому жъ сѣна 60 копенъ, земля добре худа, а нынѣ (то-есть въ 1563 году) та пустошь приписана въ *Слободской станъ*». Это интересное для нашего очерка упоминаніе побудило изслѣдовать: недалеко отъ Слободы Александровой (нынѣ городъ Александровъ), по межевому 1805 года каталогу дачъ и плановъ, генеральнаго 1774 году межеванія, подъ буквою W² значитъ: «пустошь Михалева», владѣнія г. Текутьева, земли въ ней всего 36 дес. 366 кв. саж., находилась и нынѣ состоитъ среди дачъ дворцоваго вѣдомства и какъ разъ на срединѣ, между «с. Ямъ, Пердобаска тожъ» (откуда былъ вышеозначенный ямской охотникъ одионецъ Ивановъ) и Слободой Александровой. Полагаемъ, что эта пустошь есть та, которая упоминается въ сошной; въ томъ убѣждаемся: 1) близкимъ нахожденіемъ ея около Слободы, среди дачъ дворцоваго вѣдомства, между ею, Слободой и с. Ямъ (Пердобаска тожъ); 2) количество замежеванной въ оную пустошь, по плану генеральнаго межеванія, именно 36 дес. 366 кв. саж. земли вполне соотвѣтствуетъ 28 четвертямъ пашни и 60 копнамъ покосу, и притомъ земли добре худой, ибо вмѣсто 28 четвертей пашни худой земли, по Улож. Царя Ал. Мих. и Меж. Зак. ст. 567, должно быть намежевано при генеральномъ межеваніи

¹ Въ этихъ грамотахъ слобода Чечевкина именуется *Тетевкиной*, въ какомъ именованіи слышится корнемъ этого слова «тетива» (струна стягивающая лукъ) снарядъ охоты на звѣрей и притомъ въ древнюю оную пору; полагать можно по этому наименованію, что эта слобода была въ вѣдомствѣ пути ловчаго или соколинаго.

21 дес., а вмѣсто 60 копенъ 6 дес., а всего 37 дес., что почти и соответствуетъ количеству земли, значащемуся въ пустошѣ Михалева по каталогу межевому, составленному въ 1805 году по дачамъ и планамъ генеральнаго межеванія Александровскаго округа, Владимірской губерніи. Гдѣ нынѣ находится Лихая Слободка ловчаго пути—затрудняюсь указать.

Такъ въ XV вѣкѣ, въ тогдашнихъ предѣлахъ Переславскаго уѣзда (Залѣскаго) были слободы: государева великаго князи—Великая Слобода, великой княгини—Маринина Слобода (или Слободка) и монастырская Троицко - Сергіевой обители — Чечевкина Слобода (или Слободка). Великая Слобода, кромѣ вышеизложеннаго предположенія, вѣроятно названа «Великой» отъ принадлежности ея великому князю, которому по всѣмъ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ великихъ князей всегда къ Москвѣ и великому княженію отписывался во - отчину «Переславль съ волостями и съ путыи, и съ селы и со всѣ его пошлинами», въ уѣздѣ котораго находилась Великаго Слобода въ кругу другихъ слободъ: Новой Марининой и Чечевкиной, отъ нея въ 5—20 верстахъ разстоянія: равно могло имѣть прозвище «Великая Слобода» въ то же время и значеніе, что многими освобождено льготами ея населеніе, точнѣе сельское сословіе, отъ различныхъ немалыхъ по тому времени поборовъ, пошлинъ и прочихъ мелкихъ хозяйственныхъ расходовъ и отъ суда мѣстныхъ тиуновъ, волостелей и намѣстниковъ, что выражалось въ тогдашнихъ жалованныхъ отъ великаго князя грамотахъ словами: «а кто въ томъ селѣ и деревняхъ иметъ жити людей, и тѣмъ ихъ людямъ не надобе писчее (ни писчая бѣлка), ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни костки, ни осмьничее, не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ розметъ. Также имъ не надобе ни портное, ни намѣстничьихъ и волостелевыхъ дворовъ не ставятъ, ни воротнаго не даютъ, ни иные имъ нѣкоторые пошлины ненадобы. А намѣстники мои и волостели, и тиуны тѣхъ людей не сулятъ ни въ чемъ, оприче одного душегубства, ни кормовъ своихъ у нихъ ни емлютъ и не высылаютъ къ нимъ ни почто, а праведщики и доводщики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни почто, а вѣдаетъ и судитъ во всемъ князь великій своихъ людей или кому прикажетъ, а случится судъ смѣсный тѣмъ людямъ съ городскими людьми или съ волостными, и намѣстницы мои, и волостели, и ихъ тиуны судятъ, а мой прикащикъ съ ними судитъ». Тоже-

ственность въ именованіи селеній и прозвищахъ волостей и мѣстностей въ древнихъ актахъ встрѣчаемъ перѣдко; такъ въ Переславскомъ уѣздѣ (Залѣсскомъ) извѣстна «Великая Слобода, и въ волостяхъ Звенигородскихъ встрѣчается и Великая Слобода Юрьева»; въ Переславскомъ уѣздѣ извѣстна въ XV вѣкѣ мѣстность Кинела, упоминаемая въ послѣдствіи «Кинельскою волостью», и въ томъ же вѣкѣ и въ тогдашнихъ предѣлахъ въ Угличскомъ уѣздѣ встрѣчается мѣстность именуемая «Кинела» (*Собр. Гос. Грам. и Догов., и Акты юрид. быт. древ. Руси. I. 93*).

Новая Слобода преобразилась изъ Нового села именовавшагося «Александровскимъ»; почему именовалось оно Александровскимъ—рѣшительнаго вывода догадки въ томъ не представляютъ. Мѣстность, на которой лежитъ нынѣ городъ Александровъ, исчезала нѣкогда въ дремучихъ лѣсахъ, покрывшихъ древнюю Суздальскую область и наполненныхъ лосями; водились и бобры. Легко можетъ быть, что эта мѣстность, служа первоначально становищемъ для звѣролововъ, мало-по-малу заселилась, и въ послѣдствіи приписанная къ Александровскому женскому монастырю, до 1764 года, болѣе 500 лѣтъ существовавшему въ городѣ Суздаль (теперь безприходная церковь Вознесенія), получила отъ него свое названіе: но точныхъ извѣстій о началѣ Александрова не сохранилось, и самое имя его не встрѣчается въ исторіи ранѣе половины XVI вѣка. Вотъ что въ *Энциклопедическомъ Словарѣ*, составленномъ русскими учеными и литераторами, сочинили гг. Хмыровъ и Огородниковъ (Спб. 1861, т. III, стр. 98) безъ указанія источниковъ, на коихъ составилось у нихъ такое соображеніе, и какъ смѣло можно полагать весьма шаткое; съ XVI пользуется историческою извѣстностью: «Слобода Александровская окруженная лѣсами дремучими, служащими становищемъ наѣзжимъ охотникамъ, звѣроловамъ—повѣствуетъ *Энциклопедическій Словарь*, изданія Плюшара (т. I). Древняя Суздальская область въ настоящемъ своемъ распределеніи на уѣзды сохранила имя «Александрова» въ трехъ неизгладившихся памятникахъ: 1) Въ городѣ Суздаль въ 1240 году устроена Александровская обитель «Великія Лавры святого мученика Александра Перскаго яже на горѣ во градѣ Суздаль» женскій монастырь великимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ, воимя своего Ангела. (*Истор. сказ. о градѣ Суздаль Врем. Им. Моск. Общ. Ист. Древ. Росс. кн. XXII, стр. 189 и 59, Ист. Прав. Русс. Монашест. Казанъ к. М. 1855, стр. 180*). 2) Около города Переславля Залѣскаго, въ пяти верстахъ, и въ 300 саженьхъ

отъ городка села Городища, находится отдѣльная въ 10 сажень вышины насыпь, извѣстная подъ именемъ «Александровой горы», которая была изслѣдована П. С. Савельевымъ въ продолженіе 1853—54 гг. (*Извѣст. Археол. Общест.* т. I, Археологическое изслѣдованіе во Владимірской губерніи П. С. Савельева). Ни письменные документы, ни преданія не указываютъ на происхожденіе этой горы, служившей лишь для лѣтнихъ прогулокъ Переславцевъ. Гора эта срѣзана была на пять сажень глубины до песчаного ея грунта, все это была насыпь, и разрѣзъ ея обнажилъ нѣсколько слоевъ древностей различныхъ эпохъ. На самомъ материкѣ, на пескѣ найдены куфическія монеты Аббасидовъ и Саманидовъ (859 и 900 годовъ) вмѣстѣ съ слоемъ жженныхъ углей, въ которомъ сохранились черепки различныхъ горшковъ, небольшіе ножи, ключъ и желѣзные пряжки точно такой формы какъ находимыя въ курганахъ. Слой изъ углей, потомъ слой кирпича, въ которомъ найдены были вышеупомянутые предметы, сверху лежалъ слой изъ углей и кирпичей, а еще выше слой изъ щебня въ которомъ также найдены ножи. Савельевъ полагалъ, что христіанство, пришедъ сюда, усердствовало истреблять огнемъ слѣды язычества. На мѣстѣ сожженного капища возникла православная церковь, дабы изгладить самую память о бывшемъ идолопоклонствѣ. Церковь въ свою очередь была разрушена, и слѣдъ ея существованія обозначился полосой щебня и костями схороненныхъ вокругъ ея христіанъ, а указаніе на истребленіе ея басурманами сохранилось въ найденныхъ въ томъ же слое татарскихъ монетахъ (Джанибекъ-Ханаюкомъ 1350 г.), стрѣлы и кинжалы. Тутъ же нашелся серебряный слитокъ или гривна вѣсомъ въ 42 золотника. Грозные Татары опустошивъ край удалились. Православіе вновь воздвигло храмъ на той же горѣ, и слѣды новой постройки обозначены были новымъ слоемъ остова съ тѣльными крестами и плитамъ и съ денежками Іоанна III. Храмъ этотъ въ свою очередь разрушился отъ времени или несчастныхъ событій и надъ нимъ воздвигся монастырь, обнесенный деревянной оградой съ пятью круглыми башнями, отъ которыхъ сохранились основанія, даже остались слѣды печи съ горшками. Слой этихъ основаній былъ отдѣленъ отъ другаго нижняго слоя слоемъ, въ которомъ найдены угли, бревна, рядъ кирпичей, обломки плитъ и пр. Савельевъ на составленномъ имъ разрѣзѣ и планѣ Александровой горы возстановилъ строенія бывшаго монастыря по слѣдамъ найденнымъ при раскопкѣ. Главная церковь стояла возлѣ кладбища,

а по сторонамъ были выстроены кельи; замѣтны даже слѣды дорожекъ. Весь монастырь обнесенъ стѣною или оградой и шестью башнями. На время существованія этого монастыря указываютъ лишь открытыя въ развалинахъ его монеты царя Іоанна IV, числомъ болѣе 1,000 и плита съ надписью, сохранившею имя инока Михаила и годъ его смерти 1512; значитъ существовалъ въ царствованіе великаго князя Василя Ивановича и сына его Іоанна IV. Монастырь на Александровой горѣ первоначально основанъ св. княземъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ, въ то время когда онъ, одержавъ побѣду надъ Шведами въ 1240 году, прибылъ въ Переславль-Залѣскій къ жившему тамъ удѣльному князю родителю своему Ярославу Всеволодовичу съ матерью своею, супругою и всѣмъ своимъ дворомъ. Церковь въ монастырѣ посвящена была имени св. князей Бориса и Глѣба невидимо, по сказанію, споспѣшествовавшихъ побѣдѣ Невского надъ Шведами. Существованіе монастыря продолжалось до начала XVII вѣка, когда онъ былъ разоренъ въ смутное время междоусобицъ нашествіемъ Литовцевъ. Преданіе сохранило память основателя монастыря въ XIII вѣкѣ и самой горѣ, на которой онъ существовалъ, названіемъ «Александровой». Разрѣзъ Александровой горы представляетъ историческую лѣтопись Переславскаго княжества, начиная отъ истребленія языческихъ капищъ и сооруженія храмовъ на ихъ мѣстѣ до послѣдняго нашествія Литовцевъ въ смутную эпоху междоусобицъ (гр. Уварова, Меряне и ихъ бытъ *Труды перв. Археол. съѣзда въ Москвѣ*, 1869, т. II, стр. 657—658 съ планомъ и разрѣзомъ горы. Тихонравовъ, *Археол. изслѣдованія во Владимірской губерніи съ приложеніемъ журналовъ разрытія. Труды Влад. Губерн. Статист. Комит.* выпускъ II, стр. 210—221, 130).

3) Въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскаго въ первой четверти XVI в. *Александровское новое село*, преобразовавшееся въ *новую слободу Александрову*, встрѣчается подъ этимъ прозвищемъ въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и записяхъ того времени, хотя въ лѣтописяхъ почти исключительно значится подъ именемъ Новой слободы. Село Александровское встрѣчается послѣдовательно въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ Великихъ Князей, начиная съ первой половины XIV вѣка; такъ Иванъ I Калита въ своей второй духовной грамотѣ (1328—41 годахъ) сказалъ: «и село Александръ святын, что есть купилъ на Костромѣ, то даю Княгинѣ своей (Еленѣ во инокиняхъ † 1331 года)»; далѣе, «а что есмь прикупилъ сельце на Киржачѣ у Прокофія у игумена, другое Леонтьевское, третье Шара-

повское (нынѣ с. Шарапово въ Александровскомъ уѣздѣ), а то даю святому Александру себѣ въ поминаніе (*Кар. Ист. Росс. Гос. IV*, пр. 326—святѣй Александръ монастырь по Ключ. Строев. стр. 350 въ Суздаля, а по Барсов. *Мат. для Ист. Геогр. Слов. Росс.* 1865, стр. 1. Александровскій монастырь въ Московской области); въ слѣдующей духовной грамотѣ (1353) Великаго Князя Семеона Ивановича упоминается: «а село на Костромѣ Александровское, то далъ есмь своей Княгинѣ» (женѣ), а въ духовныхъ 1 и 2 (1356—59 годахъ) грамотахъ Великаго Князя Ивана II Ивановича сказано: «а се даю сыну моему Князь Дмитрію: икону святѣй Александръ» и далѣе: «а село Павловское (нынѣ погость Павловскій, что въ пустошахъ Александровскаго уѣзда) далъ естъ святому Александру въ прокъ себѣ въ память», что и подтверждено первою духовною грамотой (1369—78 годахъ) Великаго Князя Дмитрія Ивановича (Донскаго) выраженіемъ ея: «а что отецъ мой Князь Великій село Павловское къ святому Александру... того не подвигнуть»; за симъ ни въ одной изъ послѣдующихъ грамотъ не встрѣчается ни единого упоминанія ни о иконѣ святаго Александра и ни о дачѣ селъ въ память себѣ,—а въ прокъ святому Александру, ни о селѣ Александровскомъ, которое, какъ видимъ, было не Переславскаго уѣзда, а на Костромѣ; знаменательно только въ этихъ извлеченіяхъ духовныхъ грамотъ Великихъ Князей чествованіе предпочтительное предъ прочими угодниками святаго Александра, и въ видѣ благословенія тезоименитою ему иконою и дачею въ прокъ ему вотчинъ (Снегиревъ Влад. Рож. монастырь, *Русская Старина*, годъ третій, Москва 1852, Тихонрав. Влад. Рождеств. монастырь, стр. 7 и 8) и только въ теченіе XIV вѣка; указываютъ въ этомъ чествованіи Великихъ Князей какъ на помятъ о славномъ ихъ предкѣ Великомъ Князѣ Александрѣ Невскомъ, котораго мощи во Владимірѣ на Клязьмѣ погребенныя 1263 года, въ Рождествинѣ монастырѣ найдены нетлѣнными только въ 1380 году и явлены на вскрытіи поверхъ земли; значить къ означенному монастырю и даны были села вкладомъ въ знакъ ихъ благоговѣнія и усердія къ предку, уже въ день погребенія своего, освятившагося чудеснымъ знаменіемъ (графа Толстаго *Разказы изъ исторіи Русской церкви*). Александръ Ярославичъ, во иночествѣ Алексій, Великій Князь Владимірскій и всея Руси, признанный православною церковью святѣмъ, а по народному прозвищу Невскій, родился около 1220 года въ городѣ Переславль-Залѣйскомъ, который наследовалъ его отецъ Ярославъ II Всеволодовичъ и въ которомъ нерѣдко

подолгу жилъ какъ Переславскій удѣльный князь, хотя въ то же время былъ и Великимъ Княземъ Кіевскимъ и Владимірскимъ; Ярославъ, уроженецъ Залѣся, именно Владимира на Клязьмѣ, любилъ свою родную сторону, стяжавъ въ древней Суздальской области на полѣ Лишицкомъ (въ Юрьевѣ—Польскомъ уѣздѣ) отвагу, въ пору неоднократныхъ распрей съ Новгородомъ, съ которыми не уживаясь, всегда стремился въ свою отчину Залѣсскій-Переславль. Лѣтописи занесли даже двѣ его въ 1228 и 1230 годахъ поѣздки въ эти новгородскія невзгоды, въ любезный ему родной Переславль-Залѣсскій, гдѣ нерѣдко оставался отцомъ полноправно княжить. Ярослава нерѣдко навѣщала его доблестный сынъ Князь Александръ Ярославичъ; по сказанію лѣтописи и преданію, былъ въ 1240 году въ Переславлѣ, для основанія монастыря во имя святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба на горѣ, усвоившей себѣ имя основателя обители Александровской, и въ Суздали для основанія во имя святаго мученика Александра Перскаго женской обители, также усвоившей себѣ имя ея основателя—Александровой лавры, (Хмыровъ, *Алфавитн справочн. перечен. юсуд. русск.* № 12, 199, 200, 204, 699 и 66. Хвост. *О Пересл. Залѣсск.* изд. 2-е). Безъ сомнѣнія, какъ въ этотъ разъ, такъ и до этого бывалъ у отца, и по смерти его въ 1246 году какъ старшій изъ братьевъ наследовалъ Переславль-Залѣсскій, который послѣ Невского въ 1263 году наследовалъ тоже его старшій сынъ Дмитрій Александровичъ; послѣ Дмитрія Александровича съ 1294 года Переславль наследовалъ старшій его сынъ Иванъ Дмитріевичъ, которымъ по бездѣтству своему завѣщанъ въ 1302 году дядѣ своему Данилѣ Александровичу князю Московскому, и въ лицѣ его удѣль-княжество Переславль-Залѣсскій навсегда присоединено къ Москвѣ и великому княженію (Савел.-Ростисл. *Древн. и нынѣшн. Пересл.-Залѣсск.*). Александръ Невскій, навѣщая отца въ Переславлѣ, бывая по смерти его въ Переславлѣ какъ своей отчинѣ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ на мѣсть возникающаго села новаго Александровскаго, преобразовавшагося въ новую слободу Александровскую, стоялъ станомъ, по сказанію преданія, чѣмъ быть-можетъ и положилъ въ XIII вѣкѣ начало на селеніе «Александрово» усвоившему себѣ имя основателя.

Такъ уже повелось у всѣхъ народовъ, что къ каждому великому, даже недюжинному въ современной средѣ человеку, къ каждому громадному событію и къ каждому городу, получившему историческое значеніе, люди непремѣнно приложатъ какое-либо

преданіе, въ которомъ такъ или иначе олицетворяютъ цѣлый рядъ соприкосновенныхъ событій. Конечно, преданія всегда покрыты какимъ-то полумракомъ, изъ-подъ котораго историческая истина можетъ быть видима только при помощи внимательнаго изученія времени, къ которому относится преданіе; но за преданіемъ всегда остается неотъемлемое и ничѣмъ незамѣнимое достоинство, что оно освѣщаетъ такіа стороны даннаго времени, которыхъ нельзя отыскать ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ древности, и безъ которыхъ даже событія занесенныя въ лѣтописи остаются иногда ничего не говорящими и даже не имѣющими внутренней жизненной связи. Начало Москвы на первой же страницѣ ея исторіи обусловлено легендой о первожителѣ той мѣстности какомъ-то пустынникѣ..., да и сама-то Москва, древній столичный градъ Московскаго Государства, только какъ бы случайно занесена въ лѣтописи, и то ради веселаго столованія въ 1147 году великаго князя Юрія Долгорукаго съ князьями; но въ этихъ лѣтописяхъ нигдѣ не встрѣчается точныхъ указаній не только о годѣ ея основанія, но извѣстія кто ея основатель, то мыслимо ли требовать этихъ точныхъ указаній въ современныхъ лѣтописяхъ и историческихъ актахъ о годѣ возникновенія и основателѣ какой-то слободы Александровой.

Народныя преданія при вспомогательномъ изученіи и сопоставленія съ другими памятниками постепенно теряютъ свою видимую призрачность и открываютъ предъ историкомъ живую картину живыхъ историческихъ личностей и событій.

Если допустить, что не во время Невскаго было первое заселеніе, изъ коего возникло въ послѣдствіи село Александровское, то достовѣрно можно положить, что это сельбище возникло не позднѣе XIV в. и названо во имя Александра Невскаго чтившимъ его потомствомъ, хотя бы великимъ княземъ Иваномъ I Калитою или его сыномъ великимъ княземъ Иваномъ II, даже благословившимъ въ своихъ духовныхъ грамотахъ (1353—1359 гг.) старшаго своего сына Дмитрія (въ послѣдствіи Донскаго) иконою «Святый Александръ».

Въ древней Руси большинство ея селеній названіемъ своимъ обязаны или прозвищу, или имени ихъ основателя или владѣльца; посему соображая это въ отношеніи поселенія Александрова, въ послѣдствіи ставшимъ Новымъ Селомъ Александровымъ, преобра-

жившимся въ Новую Слободу Александрову, укажемъ на: 1) «Князя Александра Ивановича» прозваніемъ «Хохолокъ», князь Ростовскій, прапроправнукъ князя Ивана Даниловича Калиты; княжилъ на своемъ удѣлѣ во второй половинѣ XV в. и умеръ оставивъ сыновей уже не удѣльныхъ князей Ростовскихъ. (*Хмыровъ Алфавитно-Справочный Перечень Удѣльныхъ Князей Русскихъ*, № № 247, 793, 292, 250). Приводимъ его въ виду личнаго имени и прозвища, и значенія какъ родоначальника вѣтви князей Ростовскихъ, такъ какъ около слободы Александровой издавна существовала и до сего времени находится деревня «Хохловка», а въ 30 верстахъ отъ Александровской слободы въ XVI в. была вотчина князей Пріимковыхъ—«Ростовскихъ»,—именно село Богородское (состоящее нынѣ въ Александровскомъ уѣздѣ, принадлежащее г. Тихменеву). 2) Боярина великаго князя Юрія Дмитріевича «Александра Владиміровича», чьего рода неизвѣстно, быть-можетъ и сынъ боярина Владиміра, подписавшагося свидѣтелемъ въ первой (1406 г.) духовной грамотѣ великаго князя Московскаго Василя Дмитріевича. Бояринъ Александръ Дмитріевичъ былъ вотчинникъ села Зеленцина (нынѣ деревня), да деревень Запрудная на р. Сѣрѣ (нынѣ не существуетъ), Рыкулино, Высокое на рѣкѣ Сѣрѣ (нынѣ пустошь смежная съ дачею сельца Коведяева, замежеванная въ дачу онаго по специальному межеванію), находившихся въ XV в. въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣсскомъ, въ «Великой Слободѣ» (иначе сказать «въ стапу Великой Слободы»), а нынѣ состоящихъ въ Александровскомъ уѣздѣ и отстоящихъ отъ бывшаго Новаго Села Александровскаго, а въ послѣдствіи Новой Александровской Слободы, въ десяти верстахъ. Эти селенія своей вотчины Александръ Владиміровичъ далъ по сынѣ своему Василю, по своей душѣ и своихъ родителей вкладомъ въ сосѣдній и даже смежный съ его землями Троицкій Стефана-Махринскаго монастырь (*Биб. Тр.-Сер. Лав. Вотчин. Арх. Сбор.* № 531, *по Махринскому монастырю*, лист. 747), что и утвердилъ великій князь Московскій Юрій Дмитріевичъ въ 1433 году слѣдующею своею грамотой: «Се азъ князь великій Юрій Дмитріевичъ пожаловалъ есмь монастырь Святые Троицы игумена Феогноста съ братією Махрицкою: что имъ далъ къ монастырю *Александръ Владиміровичъ мой бояринъ свое село Зеленцино въ Великой Слободѣ*, со всѣмъ что къ нему потягло, а кто имѣетъ жити людей въ томъ селѣ и волостели мои Слободскіе въ то село не высылають.... также и *намыстницы Переяславскіе и тѣны* ни почто къ тѣмъ людямъ не высылають»; каковою жалован-

ною грамотою (*Акты юрид. быта древней Руси*, I, стр. 92) даны льготы людямъ того же села съ деревнями. Монастырь Стефана Махринскаго за сіе внесъ въ синодикъ на память *родъ Александра Владиміровича* (именно: Владиміръ, Александръ, Василій), чиня оную въ апрѣлѣ ежегодно, причемъ братіи шелъ большой кормъ. какъ видно изъ росписи тому по синодику хранящемуся въ той обители. Жалованная грамота отъ 1433 года великаго князя Юрія Дмитріевича не безъ значенія извлечена; это первый печатанный актъ древней Руси, гдѣ впервые упоминается «въ вѣдѣніи намѣстниковъ и тіуновъ Переславскихъ и волостей Слободскихъ стоящая Великая Слобода». Не рѣшаемся дѣлать слишкомъ смѣлыхъ предположеній, что быть-можетъ этотъ бояринъ Александръ Владиміровичъ усвоилъ своимъ именемъ прозвище мѣстности, гдѣ возникло селеніе Александровское, которое, положительно можно сказать, задолго до него, если не искони было во владѣніи князей Переслава-Залѣскаго, а съ нимъ вмѣстѣ перешло и къ великимъ князьямъ Московскимъ.

Соображая всѣ эти данныя, болѣе или менѣе облегчающія изслѣдователя составить заключеніе о началѣ поселенія преобразовавшагося послѣдовательно въ село, а потомъ въ слободу, а затѣмъ уразумѣть выводъ—вслѣдствіе чего это поселеніе усвоило имя Александровскаго, нельзя не обратить вниманія, что всѣ почти преимущественно наиболѣе старинные города, учрежденнаго Екатериною II въ 1778 году Владимірскаго намѣстничества, возникли болѣею частію изъ слободъ дворцоваго вѣдомства, называвшихся именными прозвищами, такъ: «Гаврилова Слобода», обращенная въ «Гавриловъ Посадъ»; «Селиванова Слобода», чѣмъ на горѣ у р. Киржачъ, послужила къ образованію города Киржача, въ составъ коего и вошла; «Яропольчя Слобода» стала въ томъ же отношеніи къ городу Вязникамъ, наконецъ «Александрова Слобода» обращена въ городъ «Александровъ».

Великая Слобода, какъ вотчина Великаго Князя, хотя и была имъ многими освобождена льготами отъ перечисленныхъ общихъ поборовъ, пошлинъ и хозяйственныхъ расходовъ, но какъ единица въ вотчинномъ хозяйствѣ Великаго Князя въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣсскомъ отбывала поселенными въ ней крестьянами всю издѣльную повинность, на ряду съ прочими Великаго Князя крестьянами селеній волости Великой Слободы по всѣмъ отраслямъ тогдашняго сельскаго хозяйства Великаго Князя, и кромѣ того тѣ крестьяне

«коня княжѣ при разсылахъ кормили, къ дворскому, сотскому, старостѣ и десятскому, и на Князя ставленное, за косное тянули, и дворъ княжій ставили по мѣрѣ надобности». Хозяйство Великаго Князя тогда заводилось во всѣхъ почти селахъ имъ владѣемыхъ и ему принадлежащихъ; вездѣ въ нихъ были пашни и покосы, обрабатываемые на Князя подѣ непосредственнымъ хозяйственнымъ управленіемъ назначавшихся имъ самимъ изъ княжескихъ рабовъ «княжескихъ поселскихъ», вѣдавшихъ наемъ работниковъ, нарядъ и доглядъ за издѣліемъ крестьянъ, проживавшихъ въ тѣхъ селахъ и къ нимъ тянувшихъ деревняхъ; а иногда поселской наравнѣ съ домашними тиунами занимались храненіемъ и выдачею сельско-хозяйственныхъ запасовъ и отводили землю Князя, по его на ихъ имя приказу. Выше ихъ въ тогдашнемъ строѣ двороваго и домоваго хозяйства Князя стояли и распоряжались имуществомъ Князя имъ назначенные по большей части изъ его рабовъ «ключники», иначе иногда въ актахъ называемые «домашніе тиуны» (въ отличіе отъ волостныхъ тиуновъ). Они хранили у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались всякаго рода Князя хозяйственные, по домоводству и двору запасы: пшеница, рожь и т. д.; распоряженія о производствѣ кому-либо единовременныхъ или постоянныхъ выдачъ изъ этихъ запасовъ дѣлались Князьями на ихъ имя. Большимъ положеніемъ и для завѣдыванія также движимымъ имуществомъ Князя назначались имъ также нерѣдко изъ его рабовъ «дѣяки и подѣячіе». Первымъ, за небытность казначея, отдавалась на сохраненіе княжеская казна и въ деньгахъ и вещахъ; послѣднимъ же поручался сборъ княжескихъ доходовъ съ мытниковъ и тамошниковъ. Надъ всѣмъ симъ, хозяйственного строя двора Князя служилымъ людямъ, одинаково вѣдавшимъ имущество Князя какъ правителя и его имущества какъ частнаго человѣка, въ тогдашнемъ чиновначалѣ высился «дворскій». Дворскій, иначе дворецкій, какъ выражаетъ само именованіе, вѣдалъ дворъ Князя и всю по оному дворовую челядь; принадлежащія Князю и тянувшія къ его двору Государевы села и деревни и дворцовыя волости, доходы съ нихъ, а также вся расправа вѣдалась имъ или по личному усмотрѣнію, или по приказу на его имя назначавшаго его Князя. Дворскій былъ преимущественно близкій къ Князю человѣкъ, почти всегда изъ бояръ, какъ первенствующій чинъ его двора, завѣдывалъ всѣмъ имуществомъ и недвижимою собственностью Князя; раздавалъ по назначенію Князя земли его слугамъ, которыя по выраженію актовъ юридическаго быта древней Руси «и были

подъ дворскимъ». Дворскіе вѣдали какъ недвижимыя имущества Князя, принимая участіе въ ихъ раздатѣ, такъ виѣсть съ тѣмъ и всѣ тѣ повинности, которыя лежали на городскихъ и волостныхъ людяхъ, по отношенію къ этимъ имуществамъ; именно: постройка княжескаго двора, косьба княжескаго сѣна и пр.; поэтому въ жалованныхъ грамотахъ, которыми устанавливаются въ чью-либо пользу исключенія изъ подвѣдомственности княжескихъ чиновниковъ, эти исключенія простираются и на дворскихъ, которые въ противномъ случаѣ могли бы требовать отъ сотскихъ и старостъ исполненія извѣстныхъ службъ въ пользу княжескаго двора.

Дворскіе были и во время удѣльныхъ князей во всякомъ княжествѣ и имѣли тоже въ вѣдомствѣ своемъ дворцовыя волости и всѣхъ того княжества дворцовыхъ людей и дворянъ, которыхъ не только именамъ, но и всѣмъ ихъ помѣстнымъ доходамъ вели у себя роспись. Съ присоединеніемъ удѣловъ къ великому княженію и съ воспринятіемъ Москвой единой державы, дворы удѣльныхъ князей не сливались съ великокняжескимъ дворомъ; Великій Князь Иванъ III Васильевичъ оставилъ тѣхъ дворскихъ удѣльныхъ княжествъ въ ихъ прежней должности, и писались они по званію тѣхъ княжествъ, да и въ служивыхъ людяхъ видно раздѣленіе на дворъ Великаго Князя и на дѣтей боярскихъ городовыхъ (*Историч. Извѣст. о стар. чинахъ въ Росс. Древ. Рос. Вивл. изд. 2-е, т. XX, Вѣче и Князь Рус. Гос. Устр. и Управл. во времена Рюрикович. Сергѣев. ст. 377—381. Солов. Ист. Рос. древн. врем. V, 197*).

Были еще княжескія имущества, именовавшіяся «путями». Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ (делюи), съ тѣмъ чтобы они занимались содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, пчелъ, собираніемъ меда, варкой воска, ловлей бобровъ и рыбы, содержаніемъ собакъ и соколовъ необходимыхъ для княжеской охоты; такія земли встрѣчаются у боротниковъ, садовниковъ, бобровниковъ, псарей и пр. Лошади, воскъ, медъ, рыба и мѣха составляли искони важнѣйшее движимое богатство древней Руси и Московскаго государства, а разные виды охоты—любимѣйшее развлеченіе князей; вслѣдствіе чего промышленныя поселенія занимали очень видное мѣсто между разнообразными источниками княжескихъ доходовъ по статьямъ таковыхъ; соединяемыя съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей, кои и были: 1) *Сокольничій* путь, къ которому относились сокольники, кречетники,

ястребники, помытчики, щечники и поручался сокольничему. 2) *Ловчий* путь, который заключалъ въ себѣ псовниковъ, охотниковъ, псарей, трубниковъ, стрѣлковъ-лучниковъ, утятниковъ, бобровниковъ, бортниковъ и отчасти рыбниковъ и поручался ловчему. 3) *Конюшій* путь, въ составъ его были: ясельничій и конюхи стреленные, задворные и стряпчіи и вѣдавшійся конюшимъ. 4) *Самничъ* путь, къ нему относились гонцы и въ составъ его входили даже и бояре. 5) *Стольникъ* путь; къ нему причислялись рыбники, находясь въ вѣдѣніи волостеля, и можно полагать и бортниковъ, по меду-яству и питію княжяго стола, а слѣдовательно и они тянули на поварню великаго князя. Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти разные пути, послали наименованіе путныхъ; происхожденіе имени «путей» и «путные бояре» не древнѣе XIV вѣка и даетъ крайне сбивчивое понятіе: значеніе словъ «путь» и «путны» то въ смыслѣ дороги, то въ значеніи дохода. Въ болѣе древнее время и при меньшемъ развитіи этихъ отраслей княжескаго хозяйства онѣ вѣдались наравнѣ съ остальнымъ его имуществомъ—дворскими тиунами, ключниками, посельскими; на волостныхъ и городскихъ людяхъ, по отношенію къ этимъ промысловымъ селеніямъ князя, лежали своего рода повинности; для лова рыбы они забивали на рѣкахъ ѣзы; бобровникамъ, псарямъ и всѣмъ княжескимъ ловчимъ отводили помѣщеніе для постоя, снаряжали подводы для дальнѣйшаго слѣдованія, давали кормъ во время остановокъ; не рѣдко эта повинность перекладывалась на деньги (Сергѣев. *Княз. и еще* 379 — 380, Солов. *Ист. Рос. др. вр.* V, 196, 409).

Бѣглый очеркъ сельскаго управленія современнаго описанной порѣ облегчаетъ изложить соображенія въ отношеніи онаго для слободы; утвердительно не полагаемъ, чтобы при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ III и сынѣ его Василіѣ Ивановичѣ даже значился дворскій бывшаго княжества Переславля-Залѣскаго; тамъ дѣйствительно, какъ видно изъ документовъ того времени, сидѣли въ государствование постоянно два наместника *Переславскіе, прикащики городовые Переславля-Залѣскаго*; а въ волости Великой Слободы сидѣли *Слободскіе волостели и ихъ тиуны, мѣстные сотскіе, старосты и десятскіе, княжьи дьяки, ключники и посельскіе*; тѣ же чины волостнаго управленія и хозяйственнаго домоводства были въ сосѣднихъ съ волостью Великой Слободы и смежныхъ волостяхъ: Кинельской, Марининской и т. д.; былъ и въ ближнемъ отъ

Великой Слободы (въ 10 верстахъ отъ нея) Великихъ Князей Ивана Васильевича III, а послѣ него сына его Василя Ивановича, селѣ Кавѣдьяевѣ волостель, какъ видно изъ грамоты, данной въ 1471 году на имя кавѣдьявскаго волостеля Дмитрія (Троиц. - Серг. Лав. библиотеч. вѣстч. *Арх. Сборн.* № 531 по Махрин. монастырю грамоты № 1, *Ист. Опис. Махр. монастыря*, стр. 28, грамота № 1), хотя и не упоминается въ Переславскомъ уѣздѣ Кавѣдьяевская волость. Переславское княжество, по мѣстоположенію своему въ залѣсѣхъ, изобилюя еще въ древнюю свою пору птицею, звѣремъ, рыбою, медомъ, солью, выѣщало въ предѣлахъ своихъ сокольниковъ, бортниковъ и соляные «ухожья», доставляя промыселъ, тянувшій путемъ (доходомъ) намѣстнаго удѣльнаго князя Переславля - Залѣскаго; съ присоединеніемъ къ Московскому великому княжеству въ самомъ началѣ XIV вѣка и доходные пуги послѣдняго удѣльнаго Переславль - Залѣскаго князя Ивана Дмитріевича перешли къ великому князю Московскому Данилу, и нигдѣ по духовнымъ и договорнымъ грамотамъ о путяхъ, тянувшихъ къ Переславль-Залѣсскому, не упоминается великими князьями, начиная отъ Данила; и только въ XV вѣкѣ въ духовной 1 грамотѣ (1455 г.) Великаго Князя Московскаго Василя Васильевича Темнаго сказано: «а сына своего старѣйшаго Ивана благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ и даю ему.... съ *Переславлемъ*, съ волостью, и съ *путями*, и съ селы, и со всѣми пошлинами», что и въ духовной грамотѣ Великаго Князя Московскаго Ивана Васильевича III, отнесимой по лѣтописямъ къ 1504 году, повторено: «а сыну моему Василю даю.... городъ *Переславль*, съ волостями, и съ *путями* и съ селы, и со всѣми пошлинами и съ солью».

Ухожья, а отъ нихъ тянувшіе къ Переславлю - Залѣсскому *пути* были:

Сокольниковъ; свидѣтельствуется сохранившаяся жалованная 25 января 1507 грамота Великаго Князя Василя Ивановича «Переславскихъ сокольниковъ сокольниковъ пуги, что живутъ въ городѣ Переславль на посадѣ»: Федька Ильинъ Мамоновъ и т. д. поименованнымъ въ ней двадцати лицамъ (въ числѣ ихъ упоминаются вдовы, два сапожныхъ мастера, одинъ сѣдельникъ и одна хлѣбница), объ ихъ освобожденіи изъ-подъ вѣдѣнія и суда намѣстниковъ и тиуновъ, и не тянуть имъ съ Переславцами ни въ какіе проторы и разметы, кромѣ яма, городского дѣла (постройки городскихъ управленій) и посешной службы, и судилъ ихъ самъ

князь великій или его сокольничій; давали эти драдцать чело-
вѣкъ оброку полтора рубля въ годъ» (Ан. Ар. Эп. I, 118). Въ
окрестностяхъ Новой Слободы Александровской (нынѣ городъ
Александровъ) сохранились весьма древнія селенія, именующіяся
названіями птицъ, такъ: с. *Соколово* (на рѣкѣ Маломъ Киржачѣ),
сельцо Соколово (на рѣкѣ Горѣлый Крестъ), отъ соколъ; *сельцо*
Копцево (на рѣкѣ Горѣлый Крестъ)—отъ копець (кобець) копчикъ
(кобчикъ), малый ястребъ—(слов. Даля) *сельцо Скопино* (на рѣкѣ
Бачевкѣ)—отъ скопа, хищная птица изъ рода орловъ (Слов.-церк.
словарь изд. Ак. Наук. и област. слов. Даля); *деревня Сорокина*—
отъ сорока; а равно въ части Переславскаго уѣзда, сохранившіяся
наименованія, во время генеральнаго (1774 г.) межеванія, состоя-
щихъ нынѣ въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда (по межевому
1805 г. каталогу дачъ онаго)—пустошей (№ 68); *Сокольниковой*—
частнаго владѣнія (№ 76); *Соколовой*—частнаго владѣнія въ окре-
стностяхъ Стефана Махринскаго монастыря и (№ 292); *Сорокиной*—
дворцоваго вѣдомства около сельца Зезевитова (№ 142 и 153);
Гай (по Энцикл. Слов. Плюшар. т. XIII древнее полянское слово,
теперь на Руси вышедшее изъ употребленія, но сохранившееся у
соплеменниковъ Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ и проч. и означающее
сухое чернолѣсье (рамень) рощу, дубраву: употребляется же у
насъ слово гайворонъ-крятунъ, лѣсной воронъ; гаевникъ родъ
ястреба; соколятники зовутъ гаевникомъ сокола втравленнаго въ
гай-воронье или въ чернь (см. слов. Даля), свидѣтельствуютъ, что
селенія эти и ихъ обыватели, а равно и эти пустоши тянули къ
сокольничьему пути, и можно думать, что въ этихъ промысловыхъ
селеніяхъ князя бывали его временныя станы для пользованія та-
ковымъ назначеніемъ (Вѣче и княз. Сергѣев. 342, пр. 33).

Ловчій путь на Великаго Князя въ Переславль уѣздѣ Залѣс-
скомъ, тянули черныя (княжья) села и деревни Государевой отчи-
ны, и даже монастырскія бывшія въ оной, посылкою крестьянъ
въ нихъ жившихъ на княжескую звѣриную ловлю на медвѣдей,
лосей—по сошной раскладкѣ (съ сохи по 5 человекъ и то со
льготою, какъ указываетъ грамота 1509 г. Акт. Истор. I, стр. 172).
Въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскомъ, въ составѣ ловчаго пути
упоминаются: *бобровники*, бобры водились тамъ по рѣкамъ (Ко-
локшѣ, Молокшѣ, Киржачу, Сѣрой. Ак. Истор. I); *бортники*, такъ
въ духовныхъ грамотахъ (1425—55 г.) Великаго Князя Василя
Дмитріевича сказано: «а изъ Переславля Княгини моей Юлка,
также со всѣми людьми *котораю* пути въ ней люди ни будутъ»,

а въ духовной 1-й грамотѣ (1455 г.) Великаго Князя Моск. Василя Васильевича Темнаго сказано: «Сыну моему Юрію дано.... Юлку съ *юлоскими бортниками*, и что Юлкѣ потягло» (с. Рождество въ Юлкѣ на рѣкѣ Вьюлкѣ—Калязинскаго уѣзда, его ю.-в. части смежной съ Дмитровскимъ и Александровскимъ уѣздами); во 2-й же грамотѣ 1462 г. того же Князя сказано: «Княгинѣ своей Маринину Слободу (д. Марино, Александровскаго уѣзда), а о двустанихъ, объ Артемьевскомъ селѣ, (сельцо Артемьево на рѣкѣ Шахѣ—въ с.-в. Александровскаго уѣзда углу, смежнымъ съ Переславскимъ и Юрьево-Польскимъ уѣздами; см. объ Артемьевскомъ станѣ *Ак. Арх. Экспед* I, № 144; Соловьева *Ист. Рос. др. вр.* V, 405—6), да о *бортникахъ* да о *бобровникахъ* съ числяки не описано: и азъ и тѣ два стана даю Княгинѣ своей къ Марининой Слободѣ. По духовной грамотѣ 1504 года Великаго Князя Ивана Васильевича хотя отказанъ старшему сыну Василю Переславль съ путями, но въ ней же сказано: «да сыну моему Юрію (брату Василя) даю къ Дмитрову изъ Переславскихъ волостей Юлку и съ бортнымъ станомъ». Около Александровской Слободы (нынѣ города Александрова) по сошной 1563 года грамотѣ Стефана Махрищскаго монастыря значится: «пустошь, что была *бортная стану въ Лихой слободѣ ловчаго пути*, а нынѣ (1563 г.) та пустошь приписана въ Слободской станѣ», что и наводитъ на соображеніе, что близъ новой Слободы Александровой были ухажья *вѣднѣя бортная стану ловчаго пути* и вслѣдствіе этого Великій Князь Василій Ивановичъ, страстный охотникъ, ѣзжалъ нерѣдко въ новую свою слободу Александрову (нынѣ гор. Александровъ) на охоту съ собаками и соколами: свидѣтель ея Герберштейнъ (*Запис. о Моск. пер. Аноним.* стр. 119) повѣствуетъ, что «тамъ послѣ жатвы Князь тѣшился на поляхъ охотой». Въ окрестностяхъ новой слободы Александровой (нынѣ гор. Александровъ) сохранились весьма древнія селенія именующіяся: д. *Лисавы*, д. *Кунилова*, хуторъ *Кунилово*, д. *Струнино*, д. *Дичьково*; а также названія въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда рѣкъ: *Кунья* и *Куньяма* (отъ вѣроятно кунъ—«има», то-есть имѣю) и пустошей (№ по межевому каталогу 1805 года дачъ онаго уѣзда), именно: *Бобровская* и *Сорокина* (№ 372), *Ловчикова* (№ 447), *Струнина* (около деревни Сошненной), *Зайцева* (около с. Афанасьева) свидѣтельствующія, что селенія эти и ихъ обыватели, а равно и эти пустоши тянули къ ловчему пути или что въ нихъ или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся они, бывали станы и раздыхи княжьей охоты.

Въ княженіи Ивана III Васильевича—не упоминаются—и только съ княженія сына его Василя поименованы послѣдовательно ловчіи, совмѣщавшими это званіе и съ сокольничьимъ; такъ какъ послѣднихъ отдѣльно «сказанныхъ» не было. Первый ловчій значится только съ 1509 года Михаилъ Ивановичъ Нагой (по 1525 г.); послѣ него былъ Давыдъ Григорьевичъ Проѣстовъ (1526—1534); эти же ловчіи были и сокольничьими: такъ какъ (*Др. Рос. Вивл.* изд. 2, ч. XX) особо «сказанныхъ сокольничьихъ» не было, то и въ Московскомъ государствѣ, а слѣдовательно и въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣсскомъ путь сокольничій и ловчій былъ тождественъ и совмѣстно тянулся Переславлемъ и его уѣздомъ Залѣскимъ на Великаго Князя.

Въ виду того что ухажія бортнаго стана ловчаго пути были такъ близки отъ Слободы, невольно раждается предположеніе: не была ли сама Слобода постояннымъ мѣстожителемъ сокольниковъ, бортниковъ, бобровниковъ, звѣролововъ (*Энцикл. Слов.* III Спб. 1861, 98), которые какъ и всѣ дѣловые люди (делюи) селились обыкновенно на земляхъ князя и составляли его промыселъ, и слѣдуетъ полагать (*Княз. Вѣч. Сер.* 342, пр 23), что въ такихъ промысловыхъ селеніяхъ князей были ихъ собственныя становища или станы, куда они во время разѣздовъ для ловли могли бы приставать (*Кар. Ист. Гос. Рос.* VII, пр. 377), отъ чего поселенія этого рода и назывались станами; такъ въ завѣщаніи Великаго Князя Ивана II Ивановича упоминается «медовой оброкъ Васильцева стана», а въ завѣщаніи Великаго Князя Ивана III Васильевича встрѣчаемъ «волость Юіку съ бортнымъ станомъ». Если такое промысловое селеніе князя доходило до значительныхъ размѣровъ, оно организовалось въ особую волость, причемъ ловчій получалъ права волостеля. Прозвища окрестныхъ около Слободы селеній, вытекаая изъ именования птицъ народа соколиной охоты невольно побуждаютъ предполагать *не была ли Слобода дѣйствительно Слободой сокольничьяю или ловчаго пути, да еще въ бортномъ стану.* Могло быть, что Слобода была только временнымъ станомъ, куда приставали всѣ эти дѣлюи (дѣловые люди) ловчаго пути, наѣзжавшіе во вѣренныя имъ около Слободы ухажья для своего промысла изъ Переславля-Залѣскаго, въ которомъ, какъ уже изложено, проживали сокольники, бобровники, бортники и рыбани.

Стольничъ путь; его держали отчасти *бортники*, а главное *рыболовы*, жившіе слободою въ удобномъ для промысла ихъ мѣстѣ

около Переславскаго озера. Переславскіе рыбаки на посадѣ со старостою своимъ находились въ вѣдѣніи волостеля стольничья пути и его тиуна, котораго права въ данной имъ уставной грамотѣ были отдѣлены точно такъ же какъ права волостеля Артемовскаго стана въ Переславскомъ уѣздѣ (*Акты Ар. Экс. I, №№ 144 и 147, стр. 114*). Рыболовство въ предѣлахъ княжскихъ (черныхъ) волостей около Слободы (гор. Александрова), Слободской, Марининской, Кинельской и становъ бортнаго и т. д. въ протекающихъ по нимъ рѣкахъ: Строй, Киржачу, Мологчѣ, безъ сомнѣнія, тянуло на поварню Великаго Князя или непосредственно въ Слободу, или на Московскій Государевъ дворъ, и эти рыбныя ловли и селенія для сего забивавшіе на рѣкахъ ѣзы вѣдались волостелемъ стольничья пути Переславскаго Залѣскаго уѣзда. Имѣющіеся древніе акты не даютъ возможности сдѣлать положительнаго заключенія, что Бортный ли станъ былъ въ Слободской волости, или слободская волость была въ Бортномъ стану ловчаго пути.¹

Бортный станъ хотя и не имѣлъ правительственнаго округа, каковымъ была Слободская волость, но однако входилъ въ составъ обширнаго хозяйственнаго круга Великаго Князя, державшаго слободскую волость со всѣми путями, тянувшимися на него тяглыми обывателями ея черныхъ (княжскихъ) деревень. Окрестныя селенія около Великой Слободы (нынѣ село Старая Слобода), составляя волость, иначе выражаясь описательною формою древнихъ жалованныхъ грамотъ, «село съ деревнями, и съ пустошми, и съ лѣсомъ, съ пожнями, куда топоръ ходилъ, куда коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстари потягло» — образовали Слободскую волость; древность ея образованія въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскомъ современна возникновенію тамъ самой Великой Слободы; ранѣе 1433 года мы не встрѣчали въ древнихъ актахъ извѣстій «о Великой Слободѣ» и «слободской волости» и въ слѣдующемъ вѣкѣ въ 1506 г. упоминается она въ жалованной грамотѣ тоже подъ тѣмъ же именемъ «Великой Слободы» и «слободской волости»; но тамъ же сказано «и другихъ станахъ», а въ первой половинѣ XVI вѣка въ одномъ древнемъ актѣ значится

¹ По мнѣнію проф. Соловьева (*Ист. Рос. др. вѣр. III, стр. 38, изд. 2*) станы составляютъ подраздѣленіе волостей, а по мнѣнію проф. Неволлина (*Пол. Собр. Сочин. VI, стр. 168*) станы дѣлились на волости; при изложеніи сообщаемыхъ извлеченій невольно соглашаемся съ мнѣніемъ проф. Соловьева.

раздѣльное именованіе, тамъ встрѣчаемъ два наименованія: «Слобода и Новая Слобода», а во второй половинѣ XVI вѣка въ древнихъ актахъ значится уже «слободской станъ», вмѣсто волости того же имени и безъ сомнѣнія въ тождественномъ значеніи.

Бортничество въ древнюю пору было развито вообще въ предѣлахъ уѣзда Переславля-Залѣскаго, что ясно изъ выписанныхъ свидѣтельствъ духовныхъ грамотъ; князья, перечисляя въ своихъ завѣщаніяхъ съ точностію мѣстности, въ которыхъ находились бортныя ухожья, указывая на оныя какъ на преобладающій промыселъ въ тамошнихъ волости и станѣ, тѣмъ и обращаютъ большее вниманіе на доходы медовые; можно думать, что «оброки медовые» были значительны; въ древнюю пору чернолѣсье отличалось отъ бортнаго ухожья, гдѣ водились дикія пчелы; бортныя земли или лѣса замѣняли нынѣшніе пчельники и пасеки. Бортники рубили строевой и дроващій лѣсъ на свои нужды и берегли старыя толстыя деревья, въ которыхъ были дупла, выдалбливали сами въ нихъ новыя борти, ловили также въ своемъ участкѣ звѣрей (*пром. др. Рус. Арист.* 31—40). Въ Залѣсѣ изобиловавшемъ предметами въ лѣсахъ сокольнаго пути, а въ рѣкахъ и озерахъ столничья пути—распространено было бортничество, а съ нимъ слѣдовательно ширился и ловчій путь; бортничество составляло быть-можетъ промыселъ едва ли исключительно жителей вѣдавшихся ловчимъ путемъ Слободы Великой и Марининой; могло быть, что совокупность волостей этихъ слободъ: Слободской и Марининской и образовало (разумѣемый по сошной 1562 г. грамотѣ Махринскаго монастыря) *бортный станъ ловчаго пути*. Что слобода издревле принадлежала и вѣдалась въ бортномъ станѣ, а потому и къ ловчему пути и даже въ концѣ княженія Василія, доказательствомъ является грамота въ 1534 г. марта 12 дня писанная въ малолѣтство его сына Ивана: «отъ Великаго Князя Ивана Васильевича и всея Руси въ Переславскій уѣздъ *сытнику* Федькѣ Пашкову» (Биб. Тр.-Сер. Лавр., отд. III, Вот. Ар. Сбор. № 531, по Перес. уѣзду гр. 144, л. 622). Обращеніе въ грамотѣ «къ сытнику въ Переславскій уѣздъ» указываетъ на чиновное его тамъ положеніе и по содержанію ея видно, что онъ завѣдывалъ отраслью входившею въ составъ обширной государственной вотчины хозяйства въ Новой Слободѣ (Великой). Прослѣдя «историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи» (Др. Рос. Вивл. 2, XX), не нашли нигдѣ опредѣлительнаго значенія должности сытника, упоминаются

(стр. 286), что «сытники путные ключники вѣдомы были въ большомъ приходѣ», причемъ сытники пользовались (стр. 415) равно честию съ подключниками, стояли ниже путныхъ ключниковъ; «сытникъ» былъ безъ сомнѣнія «чинъ» сытнаго дворца завѣдываемого степеннымъ ключникомъ (стр. 177), въ вѣдѣніи котораго состояли всѣ того сытнаго дворца люди: путные ключники, стряпчіе, подключники, сытники, чарочники, ветошники, всѣ столовые и питейные припасы, а въ числѣ послѣднихъ искони на Руси прославленный «сыченой медокъ». Это послѣднее выраженіе, а отъ него производство званія «сытникъ», отъ обязанности «сытять», и исключительное выраженіе, усвоенное при производствѣ меда или медоваренія и побуждаетъ полагать, что собираніе меда, медовареніе и воскобойня, или иначе, выражаясь описательною формою древнихъ грамотъ, «бортницы съ переварами», были на столь по доходу своему значительны въ Залѣсѣ, что потребовали назначенія для нихъ въ Переславль особаго чина (при перечисленіи учрежденныхъ Василиемъ и его отцомъ придворныхъ чиновъ не упоминаемаго ни Карамз. въ Ист. Рос. Гос., т. VII, ни Сок. Ист. Рос. др. вр., т. V)—*сытника* вѣдаваго частію слободскаго хозяйства, управляя быть-можетъ имъ совмѣстно съ посельскимъ, и даже можно полагать, что бортный станъ Государевой вотчины волостей Слободской и Марининской вѣдался самостоятельно переславскимъ сытникомъ на правахъ волостеля, какъ ловчій и сокольничій пути—ловчимъ и сокольничимъ.

Кромѣ Слободской и Марининской волостей, и Новой и Старой и Марининой слободъ, были около нихъ слѣдующія государевы вотчины, и великокняжескіе селы, и черныя деревни, къ нимъ приходомъ приписныя, значащіяся въ современныхъ актахъ XV и XVI вѣковъ и духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ и удѣльныхъ князей; перечислимъ стоявшихъ по путямъ и около нихъ, именно: по дорогѣ отъ слободы а) *въ Залѣсье къ Переславу: Рюменское село*, которое еще великій князь Василій Темный духовною грамотою въ 1455 году завѣщалъ женѣ своей великой княгинѣ Маріи Ярославнѣ (въ инокиняхъ Марѣѣ): *Самарово село*, также еще великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ духовною грамотою въ 1353 году завѣщалъ женѣ великой княгинѣ Маріи Александровнѣ, выразясь «а въ Переславѣ купля моя село Самаровское»; б) *къ Благовѣщенію монастырю на Киржаачѣ: Ковдьяево село* (нынѣ сельцо) значитъ по древнимъ актамъ Махринскаго

монастыря, упоминаясь въ нихъ въ 1471 году селоѣ Великаго Князя Ивана III Васильевича, а отъ него перепредшимъ вотчиною къ сыну его Василю; около той дороги *Романовское на Киржачѣ* село еще великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ духовною грамотой въ 1353 году завѣщано женѣ великой княгинѣ; въ духовной грамотѣ отца его 1328—41 годовъ упоминается, «что прикупилъ сельце на Киржачѣ (вѣроятно около монастыря на мѣстѣ нынѣ города Киржача); с) къ *Юрьеву - Польскому: Богородское на Боганѣ* село, которое въ духовной 1389 года грамотѣ Великаго Князя Дмитрія Донскаго значится завѣщаннымъ сыну Петру, «а изъ Юрьевскихъ селъ ему прикупа моего села Богородское на Боганѣ; не вдалекѣ отъ этого села влѣво отъ дороги село *Павловское* упоминается въ духовной 1341 года грамотѣ Великаго Князя Ивана Калиты завѣщаннымъ женѣ великой княгинѣ въ иноцѣхъ Еленѣ и сыну Ивану, и значится въ той грамотѣ «село Павловское бабы нашей купля», то-есть куплены еще бабкою Ивана Калиты, значить женою великаго князя Александрой Брянславной. Около него и было село *Артемовское* (нынѣ сельцо Артемьево), значащееся въ духовной 1462 года грамотѣ Великаго Князя Василя Темнаго имъ завѣщаннымъ женѣ великой княгинѣ Маріи, а «въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣскомъ Марининской трети Артемовскаго стану старостѣ и всѣмъ крестьяномъ тое волости черныхъ людей» дана Великимъ Княземъ Василемъ въ 1506 году уставная грамота. *Петровское* село, купля Великаго Князя Ивана Калиты, имъ завѣщано духовною въ 1341 году грамотой сыну Ивану; не вдалекѣ отъ этого села и той дороги село *Алексинское на Пыкиѣ* упоминается изъ Юрьевскихъ селъ духовною 1389 года грамотой завѣщаннымъ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Донскимъ сыну Андрею; вѣроятно оно же не менѣе опредѣленно упоминается въ духовной 1341 года грамотѣ Великаго Князя Ивана Калиты, какъ его купля, имъ завѣщанное сыну своему Ивану; д) къ *Троицко-Сергіеву монастырю Маринина слобода* (нынѣ д. Марино), та что Великій Князь Василій Темный въ духовной 1455 года грамотѣ завѣщалъ женѣ своей великой княгинѣ Маріи. *Слотино* село упоминается еще въ 1453 году какъ село въ Кинелѣ, завѣщанное вмѣстѣ со смежнымъ селоѣмъ Чечевкинымъ (нынѣ д. Слободка) и прочими Кинельскими селами великою княгиней Софьей Витовтовной въ Троицко-Сергіевъ монастырь; но Слотино было до и при Великомъ Князѣ Васиლѣ не только государевымъ селоѣмъ, но и попутнымъ станомъ изъ Троицко - Сергіева монастыря въ слободу;

около той дороги—*Суровцово* (нынѣ деревня), *Тимовское* (нынѣ урочище Грачиха), *Миклульское* (нынѣ село) еще по духовной 1462 года грамотѣ Великаго Князя Василя Темнаго завѣщаны были сыну его Борису и значатся въ ней: «въ Кинелѣ», то-есть стоящими въ Кинельской волости.

III.

Обѣзды Василя.—Пути (дороги) въ Залѣсье и по нимъ ямы.—Ямская гоньба.—Посѣщеніе въ Переславль пр. Данила, пребываніе въ Юрьевѣ и Суздали.—Покровский въ Суздали дѣвичь монастырь.—Соломонида Юрьевна Сабурова.—Нечадородство.—Богомольный обѣздъ.—Пр. Данилъ Переславскій.—Чужеземка.—Охлажденіе Василя къ Соломонидѣ.—Совѣщаніе духовныхъ особъ въ Новой Слободе.—Разводъ и постриженіе.—Княжна Елена Васильевна Глинская.—Современный щеголь-волохита.—Образоподобія (иконные портреты) Великаго Князя Василя.—Свадьба Василя съ Еленой.—Князья Глинскіе и семья Елены.—Старица Софія въ Покровскомъ монастырѣ.

Было у Василя въ обычаѣ путешествовать по своимъ владѣніямъ, что и называлось тогдашнимъ выраженіемъ «обѣздомъ», если по нуждѣ совершалось, для осмотра мѣста по Государству; а если для охоты—обычной княжьей забавы, страстно любимой Василемъ, или на пиръ предпринималась поѣздка, то въ лѣтописяхъ она именуется «прохлагою»; была еще третья цѣль поѣздокъ — богомолье, и тогда она называлась «богомольными обходами». Ѣздилъ великій князь на лошадяхъ съ «ямовъ»; по путямъ въ Залѣсье (около 1500 г.) въ XV вѣкѣ (Троицко-Сергіева Святая Лавра. Библіотека отд. III, *Вост. Арх. Сборн.*, № 518, л. 71, оборотъ; *Сборн.* № 531 по Пересл. грим. 218. Гербертъ, *Записки о Моск. пер. Аппоним.*, 87. Солов. *Геогр. изд. о древн. Руси, Отеч. Зап.* 1853 г., т. 86 и 88 и *Махринск. Стеф. монаст. Сошная*, 1563 г., въ моемъ собраніи) были «ямы» при Учѣ (нынѣ рѣка Уча протекаетъ въ селѣ Пушкинѣ на Ярославскомъ шоссе), въ *юродкѣ Радонежѣ* (нынѣ село Городокъ или Городище, въ десяти верстахъ отъ Троицко-Сергіевской Лавры и въ двухъ верстахъ отъ села Воздвиженскаго, на Ярославскомъ шоссе), *при Дубнѣ* (рѣка Дубна протекаетъ въ селѣ Дубнѣ, Александровскаго уѣзда, на древнемъ пути, называемомъ въ XVIII и XIX вѣкѣ Архангельгородскимъ трактомъ), на *Стоговѣ* (нынѣ погостъ Стоговскій, Алексан-

дровскаго уѣзда, на рѣчкѣ Вондюгѣ, въ правой сторонѣ отъ старой дороги изъ Троицко-Сергіева монастыря въ Александрову слободу, въ Переславль), на *Пердобаскѣ* (Пердобушкѣ, Пердобашкѣ, нынѣ село Ямъ у р. Печкуры, Александровскаго уѣзда, отъ города въ десяти верстахъ, между двухъ старинныхъ большихъ дорогъ въ слободу изъ Троицко-Сергіева монастыря и изъ Киржацкаго Благовѣщенскаго монастыря. Село Ямъ по планамъ генеральнаго межеванія 1774 года значится село Ямъ - Пердобашка тожь).

Ямская гоньба, — на Руси древняя (упоминается еще въ XIII вѣкѣ въ *Дополн. и Акт. Истор.*, 1, № 6, и *Акт. Археол. Эксп.* I, № 5) повинность: произошла естественно изъ повинности давать подводы, и съ которою первоначально и потомъ долго имѣла одинаковое свойство; какъ въ военное время повинность давать подводы или гоньбовая повинность первоначально была общемою, личною, натуральною, такъ и въ мирное время, при нуждѣ, по волѣ князя, каждый (исключая обольготченныхъ его жалованными грамотами) былъ обязанъ по дѣламъ князя и его управленія на своихъ лошадяхъ доставлять куда прикажутъ все что ему поручалось: тяжесть, кладъ, грамоты и гонцовъ; это была та же служба государству, выполняемая всѣми жителями въ каждомъ княжествѣ по дѣламъ князя въ морное время. По актамъ XIV вѣкѣ видно дальнѣйшее развитіе этой повинности, когда въ отдѣльныхъ княжествахъ указаны особые мѣста (селенія, мѣстности, урочища преимущественно при переѣздахъ черезъ рѣки) — *ямы* (отъ славянскаго слова «емю» — беру или отъ татарскаго слова «ямъ» — дорога) вдоль общественныхъ путей сообщенія для усиленія и ускоренія гоньбы первоначальной; затѣмъ и гоньба ямская въ XIV вѣкѣ рѣзко отдѣляется отъ подводной, изъ общей личной становится общинною; только члены общины прилегавшей къ ямской дорогѣ могли подвергаться повинности возить гонцовъ и грамоты отъ яма до яма; такимъ образомъ съ XIV вѣка ямская гоньба уже лежала обязанностью на отдѣльныхъ общинахъ, жившихъ у ямскихъ дорогъ, хотя исправлялась все еще личнымъ извозомъ, по очереди каждымъ членомъ общества. На ямахъ было определенное число и много лошадей, отчего и могли иноземные послы и княжьи гонцы брать себѣ лошадь любую по выбору изъ бывшихъ на яму. Были особые *ямскіе строищики*, которые были обязаны расписывать селы по ямамъ, то-есть приписывать общины

къ тому или другому яму, на ту или другую дорогу, съ тѣмъ чтобы каждый изъ общины имѣлъ на своемъ яму своихъ *ямскихъ выборныхъ и охотниковъ*, то-есть ямщиковъ и ихъ старость; выборы въ ямскіе охотники производились за руками всѣхъ крестьянъ съ ихъ обезпеченіемъ и отвѣтственностью; «на каждомъ яму стояли для проѣзжающихъ хоромы, а для ямщиковъ двѣ избы—трехъ сажень межъ угловъ; да два сѣнника на подклѣтяхъ межъ угловъ по полутретья сажени, а промежъ сѣнниковъ для лошадей—конюшня четырехъ сажень»; таковой ямской дворъ, строимый приписанными къ нему крестьянами, огораживался тыномъ или заметомъ съ вѣзжими воротами и къ нему отыѣривалось ямщикамъ на пашню, сѣнокосъ и ямскимъ лошадямъ на выпускъ съ означеніемъ межевыхъ признаковъ. На ямахъ не только давали лошадей, но и пищу, если на то былъ государевъ приказъ убрывшаго лошадей; на ямскихъ лошадяхъ ѣздили скоро; такъ иноземный посолъ (Герберштейнъ) въ 72 часа проѣхалъ отъ Новгорода до Москвы, между которыми 600 верстъ разстоянія (Карамзинъ, *Истор. Госуд. Росс.* VI стр. 222 пр. 615 и 362 и VII стр. 126; Соловьевъ, *Ист. Росс. Др. Вр.* V, 228; Герберштейнъ, *Запис. о Москов.* стр. 87; Лешковъ *Русс. Нар. и Госуд.* 316—329). Общественные пути сообщенія, «*ямская дорога*» по государеву указу «должна быть шириной въ три сажени, очищена отъ пенья, мосты по рѣкамъ, болотамъ и по грязямъ крѣпки, на клѣткахъ отъ вешней воды и мокроты исправляемы каждую весну»: иноземцы посѣщавшіе Московское государство съ ужасомъ вспоминаютъ о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ и неудобствахъ. Изъ Судебника великаго князя Іоанна Васильевича видно, что Москва соединена была ямскими дорогами измѣренными и положенными въ версты, съ наибольшими городами къ тогдашней Руси. Проѣздъ по дорогамъ былъ не дорогъ; за 20 верстъ платятъ шесть денегъ (Герберштейнъ, 87; Лешковъ, *Русс. Нар. и Госуд. Ак. Ар.* I, № 156).

Москва сообщалась съ дальнею окрайной Московскаго государства, съ его сѣверомъ исконнымъ древнимъ путемъ направлявшимся на древніе города: Переславль-Залѣсскій, Ростовъ Великій, Ярославль, Вологду, далѣе до Колмогоръ, къ Студеному морю-океану; а наконецъ во второй половинѣ XVI вѣка и до Бѣломорья и къ Архангельску: отъ этого крайняго предѣла и самый путь именовался Архангельгородскимъ. Этотъ путь направлялся отъ Москвы до яма

Уча—30 верстѣ, оттуда до городка Радонежа—30 верстѣ, оттуда до яма Дубна—30 верстѣ, оттуда до Переслава—30 верстѣ, оттуда на ямъ Рагозина до Ростова—60 верстѣ и т. д. до Коломнѣ къ Бѣломору. О пути на Радонежъ, какъ древней въ Залѣсѣ, свидѣтельствуеъ *Судебникъ* 1497 года, гдѣ въ указѣ о ѣздѣ значится: «а ѣзду отъ Москвы до Радонежа четверть рубля; до Переслава 20 алтынѣ, до Ростова рубль» (*Акты Истор.* I, № 105; число верстѣ означено согласно 11 примѣчанію Толстаго, по его розысканію о числѣ верстѣ дороги отъ Архангельска до Москвы, приложенному къ его переводу сочиненія Мильтона *Московія—въ Чтеніяхъ Импер. Моск. Общ. Ист. Древ. Россійскихъ* 1874, книги 3; и по книгѣ Большой Чертежѣ). Въ Залѣсѣ отъ Троицкаго Сергіева монастыря этотъ путь развѣглялся такъ: отъ Москвы, чрезъ ямъ Уча, до городка Радонежа, оттуда на Троицко-Сергіевъ монастырь до яму Стогова—30 верстѣ, оттуда до Слободы 30 верстѣ, оттуда до Переслава 30 верстѣ. Путь этотъ именуется «большей слободской дорогой» въ двухъ грамотахъ великаго князя Ивана III Васильевича, жалованныхъ Троицко-Сергіева монастыря игумену Спиридону (1467—1474 годахъ), по жалобѣ монастырскихъ властей на то, что «всякіе ѣздоки свертываютъ съ большія дороги съ Слободскія на ихъ монастырехъ на Николу, на Дерюзино, на Слободку, на Чечевкину, да ставятся въ томъ селѣ и деревняхъ да и кормы емлютъ сильно». (Троиц.-Серг. Лавры библ. отд. III, *Вотчин. Арх. Сборникъ*, № 530 по Переслав. № 171 и 185, см. *Ист. Опис. Св.-Троиц. Лавры*. М. 1865, стр. 170 и *Церков. Истор. Мѣсяц. Св.-Троиц. Сергіев. Лавры*. Изд. 2, стр. 112—113. Никола Дерюзино въ то время монастырекъ, а нынѣ село, находится нынѣ на старинномъ большомъ трактѣ изъ Переслава въ Москву и чрезъ Троицко-Сергіевскій посадъ; а слободка Чечевкина нынѣ деревня. Слободка находится нынѣ на торговой проселочной дорогѣ, называемой «средней», изъ Александрова въ Троицко-Сергіевскій Посадъ, и какъ Никола Дерюзино, такъ и Слободка отстоятъ въ разстояніи около 10 верстѣ отъ яма Стогова). Былъ еще третій путь отъ Москвы по древней Стромѣнѣ, дорогѣ (со временъ Андрея Боголюбскаго *Слад. Сбор. Тихонравова*, стр. 58—59) на Успенскій монастырь, что на «Стромѣнѣ», до Благовѣщенскаго монастыря, что на «Киржачѣ»—оба завѣдываемыя Троицко-Сергіевою обителью; а съ монастыря на Киржачѣ (нынѣ около него городъ Киржачъ на рѣкѣ того же имени) дорога воротила влѣво въ Слободу, именно направляясь на принад-

жащее монастырю Стефана Махринскаго село Зеленцино, и на Государево Великаго Князя село Ковѣдяево. О древности этого пути, объ именованіи его «дорогой большой Московской, что лежитъ къ Ковѣдяеву отъ Зеленцина» видно изъ разѣзжей 1534 года грамоты—межи селъ Зеленцина (нынѣ деревня) и Ковѣдяева (сельцо нынѣ стоитъ на большой почтовой дорогѣ отъ города Александрова въ гор. Киржачѣ). Эти разѣзжая и межевая селу Зеленцину (вотчины близъ него состоящаго Стефана Махринскаго монастыря) съ помѣстною землею по Государева Великаго Князя Василя Ивановича всея Руси грамотѣ по судному списку дана въ 1534 году (имѣется въ числѣ прочихъ, съ крѣпостей на бывшія духовныхъ вотчинъ, земельныя дачи монастырей Махрицкаго и Семеновскаго, засвидѣтельствованныхъ Государственной Коллегіи Экономіи копій, приложенныхъ къ указу оной Коллегіи отъ 5 апрѣля 1767 года за № 3,459, Переславскаго уѣзда Залѣскаго экономическому казначею поручику Ѳедору Воейкову, кои находятся въ моемъ архивѣ мѣстныхъ древнихъ актовъ и документовъ).

Всѣ объѣзды Василя, любившаго путешествовать по своему государству, записаны въ современныхъ лѣтописяхъ, и въ нихъ встрѣчаемъ сообщеніе о слѣдующей поѣздкѣ Государя въ Залѣсье: «лѣта (7031) 1523 г. іюля въ 28 день, поиде Великій Князь и съ братією съ Москвы къ Переславлю, да къ Юрьеву, и отъ Юрьева къ Суздалю, да къ Владиміру, и бысть во Владимірѣ двѣ недѣли, а изъ Владиміра къ Нижнему-Новгороду, а къ Москвѣ прииде къ Покрову (Прод. Нестор. стр. 278 Кар. *Истор. Госуд. Рос.* VII, пр. 176). Въ этой поѣздкѣ соединены были и «обѣздъ», и «прохлада», такъ какъ ѣхали съ государемъ, сопровождаемымъ постоянно въ объѣздахъ боярами и вооруженнымъ отрядомъ дѣтей боярскихъ, братья его: Юрій князь Дмитровскій и Андрей князь Старицкій; да и «богомолье» не было забыто. Безъ сомнѣнія великій князь съ ними останавливался и въ Новой Слободѣ Александровой, по пути къ Переславлю, и даже тѣшился въ ней охотой, такъ какъ объѣздъ совершался въ самую благоприятную въ особенностяхъ для псовой охоты пору, да къ тому братъ его Андрей князь Старицкій любилъ самъ «отѣзжее поле» и охотился постоянно съ братомъ, когда великій князь пріѣзжалъ на потѣху въ свою отчину Волокъ-Ламскій (*Русск. Лѣт.* по Ник. спис. VI, 204, Татищ. *Истор. Росс.* кн. V, 177. *Сол. Истор. Росс. Древн.* в. V, 363 и 375. Хмыровъ Алф. спр. переч. Удѣльн. Кн. Русск. № 326, стр. 29). Богомольная сторона поѣздки обнаружилась съ самаго

Переславля: Великій Князь другой разъ посѣтилъ монастырь Преподобнаго Даниїла, положившаго начало своей иноческой жизни вмѣстѣ съ Іосифомъ Волоколамскимъ въ Боровскѣ у Пафнутія въ его монастырѣ, имѣя его себѣ духовнымъ отцомъ и наставникомъ; слѣдовательно великій князь кромѣ что отъ служившихъ при немъ бояръ Челяднинныхъ безъ сомнѣнія слышалъ о добродѣтельной и подвижнической жизни Даниїла и отъ духовнаго собрата его Іосифа Волоцкаго, столь Василиемъ уважаемаго и часто посѣждаемаго въ его монастырѣ. Увидѣлъ Великій Князь у Даниїла въ монастырѣ церковь во имя Всѣхъ Святыхъ—высокую, а другую во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы съ трапезой, и число братіи умножающимся; много любовался благолѣпіемъ воздвигнутыхъ храмовъ, обошелъ обѣ церкви, былъ и на папертяхъ—повѣствуетъ слагатель житія Преподобнаго Даниїла (л. 122). Совершенное Даниїломъ запечатлѣно въ сердцѣ Василия, —любившаго созидать храмы и вообще постройки—еще болѣшую любовь къ Даниїлу, перешедшую даже въ почитаніе къ Преподобному; монастырю же его онъ приказалъ давать ежегодную сугубую милостыню и дачу хлѣбную (Свирѣлинъ *О началѣ и устроении Пересл. Данил. монаст. при жизни Преподобнаго Даниїла*, стр. 62—63). Въ Юрьевѣ Василій опять съ грустью видѣлъ еще не возобновляемый молитвенный памятникъ его предковъ: обитель Архангела Михаила, основанная въ XIII в. при великомъ князѣ Святославѣ-Гаврилѣ (сынъ Всеволода III Георгіевича Большое Гнѣздо) и сынъ его Дмитрій, отъ татарскаго погрома стояла разрушенною и безъ цѣнныя, и положилъ въ ближайшемъ будущемъ возобновить обитель; за то въ Суздаль его плѣнялъ Покровскій женскій монастырь, почтенный его щедротами: Покровскій, сохранившійся до настоящаго времени, обширный храмъ обители воздвигнутъ былъ въ 1518 году Великимъ Княземъ Василиемъ, вмѣсто деревянной первоначальной церкви во имя Покрова Богородицы. Посѣщая обитель обогащенную его вкладами, онъ быть-можетъ имѣлъ въ виду и не одинъ молитвенный путь къ ея святынь Покрову Богородицы; глубокое раздумье овладѣло имъ и тяжкая борьба падала на сердце когда помышлялъ онъ вѣрить Покрову ея свою вѣнчанную, Богомъ данную подругу—неплодную свою княгиню Соломонію: долговременное безплодіе ея внушало мужу мысль о разводѣ съ нею, великимъ княземъ впервые осенью 1523 года по свидѣтельству исторіи заявленную близкимъ къ нему угодливымъ бояремъ и духовнымъ лицамъ.

Иоаннъ III Васильевичъ Великій вторично женатъ былъ на греческой царевнѣ Софіи, дочери деспота Марейскаго Θомы Палеолога, роднаго брата Константина Палеолога, послѣдняго императора Византіи. Этотъ бракъ придалъ особенно высокій, прямо царственный смыслъ особѣ Государя и своимъ примѣромъ требовалъ и на будущее время соотвѣтственныхъ ему по значенію брачныхъ связей, по крайней мѣрѣ для государевыхъ сыновей — наслѣдниковъ престола. Иванъ Васильевичъ успѣлъ (въ 1482 году) своего старшаго сына женить на дочери молдаваускаго воеводы и господаря Еленѣ Степановнѣ — православной по вѣрѣ, а дочь Елену въ 1495 году выдалъ за польскаго короля и литовскаго великаго князя Александра Казиміровича. Затѣмъ Московскій Государь много хлопоталъ о томъ чтобы поженить и другихъ своихъ сыновей на иноземкахъ изъ владѣльческихъ родовъ. Съ этою цѣлью онъ велъ переговоры съ дочерью своею Еленой, которая живя въ Литвѣ имѣла способы узнать гдѣ за границей есть невѣсты для ея братьевъ. «Сынъ мой Василій, а твой братъ говорилъ Иванъ дочери, — и мои дѣти Юрій и Дмитрій, а твои братья, далъ Богъ того досрости что ихъ пригоже женити гдѣ будетъ пригоже, и ты бы, дочка, отвѣдала у которыхъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, гдѣ бы пригоже мнѣ сына своего Василія женити, или у которыхъ и не у великихъ государей будутъ дочери, или у государскихъ дѣтей, которыя будутъ на государствѣ... Гдѣ извѣдаешь, и ты намъ пришли сказать съ нашими бояры». Великій князь указывалъ нѣтъ ли невѣстъ въ Венгріи у деспотовъ сербскихъ, ибо то были православные, искалъ невѣстъ въ Германіи у Маркабія Бранборскаго, присватывался за Датскую королевичну, но всѣ эти старанія и хлопоты были напрасны. Не успѣхъ отца въ исканіи Василю «пристойныхъ невѣстъ изъ дочерей королевскихъ» вынудилъ обратиться къ обычаю проявляющемуся и въ Византіи, гдѣ императоры ея не разъ собирали ко двору дѣвицъ для выбора изъ нихъ себѣ жены; Василю настала давно пора жениться: шелъ ему 27 годъ; по тогдашнимъ обычаямъ это былъ запоздалый бракъ. Грамоты, разсылавшіяся по этому случаю ко всѣмъ боярамъ, помѣщикамъ или служилымъ людямъ, знакомятъ съ порядкомъ предварительнаго выбора по разнымъ мѣстностямъ; въ областные и другіе города послали достовѣрныхъ людей изъ окольничьихъ или изъ дворянъ съ дьяками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были

пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа; между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для осмотра. Помѣщики собирались съ невѣстами, и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Должно полагать, что лицамъ, которыя пересматривали невѣсть на мѣстѣ, давался какой-либо наказъ словесный, а всего вѣрнѣе писанный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще; безъ сомнѣнія не маловажное мѣсто занимала здѣсь и мѣра возраста или роста, съ которою ѣздили осматривать невѣсть въ Византію. Затѣмъ, по осмотру, всѣ избранныя первыя красавицы области вносились въ особую роспись, съ назначеніемъ пріѣхать въ извѣстный срокъ въ Москву, гдѣ имъ готовился новый смотръ, еще болѣе разборчивый,—освидѣтельствованіе надежными сановниками и вѣрными боярынями, чрезъ осмотръ повитухами, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія (Павелъ Іовій. *Биб. Инос. Пис. о Росс.*). Привезли по приказу государеву къ нему во дворецъ на смотрины дѣвицъ; по свидѣтельству Герберштейна (*Зап. о Моск.* 41), полторы тысячи, съ общаго совѣта было собрано дочерей бояръ; а по увѣренію Франциска де-Коло (Карамзинъ. *Ист. Росс. Госуд.* VII, пр. 402), привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ, изъ нихъ выбрали 300, изъ трехсотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ этихъ десяти выбранныхъ наилучшихъ по тому понятію каковое имѣли въ то время о русской лучшей дѣвицѣ и о пригожествѣ для государевой невѣсты, изъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, отличавшихся красотою и добродѣтелью, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія, освидѣтельствовавшихся повитухами, Василій и выбралъ, едва ли можно выразиться древнимъ словомъ, «излюбилъ» себѣ Соломонида, дочь незнатнаго дворянина, даже не боярина Юрія Константиновича, роду Сабурова, по отцу прозвищемъ Сверчковъ, потомокъ ордынскаго выходца, татарскаго мурзы Четъ (*Долмор. Росс. Род. Кн.* IV, 197—204).

Чѣмъ могла Соломонида Юрьевна на себя обратить выборъ Василія ее себѣ въ жены изъ среды представившихъ лучшихъ русскихъ дѣвицъ?

Родоваго достоинства она не несла съ собою, сердце ея невѣдомо было ему, нравственныхъ ея качествъ онъ также не зналъ;

свидѣтельствовали ея тѣло и мѣряли ея ростъ, и при выборѣ себѣ жены такимъ стаднымъ способомъ, князь, не чуждый при перерѣломъ возрастѣ чувственныхъ побужденій и сладострастныхъ пресыщеній (Петрей. *Ист. о велик. княж. Моск.* 116), взиралъ исключительно на лицевую красоту, тѣлесную дородность, на общій внѣшній видъ; предъ этимъ ронялъ онъ свой платъ, какъ милостивый знакъ возгорѣвшагося желанія «поять себѣ излюбленную» на брачное ложе. При такомъ способѣ выбора себѣ подружки дней своихъ, Василий, женись на Соломонидѣ, не вкушалъ прелестей страстнаго шепота и горячихъ поцѣлуевъ, неизмѣнныхъ спутниковъ таинственныхъ свиданій, столь свойственныхъ порывамъ первой любви и пылкому юному сердцу; съ кѣмъ? предъ нимъ по заказу предстояла современная русская красота. У русской красоты было

Бѣлое лицо какъ бы бѣлый свѣтъ,
 Ягодицы (на щекахъ) какъ бы маковъ цвѣтъ,
 Черныя брови какъ соболи,
 Будто колесомъ брови проведены,
 Ясные очи какъ бы у сокола...
 Она ростомъ-то высокая,
 У ней кровь-то въ лицѣ словно бѣлаго зайца,
 А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки...
 Ходить она словно лебедушка,
 Глазомъ глянетъ словно свѣтлый день...

Сказанія современниковъ иноземцевъ выхваляютъ красоту русскихъ женщинъ, за то всѣ неодобрительно говорятъ о разныхъ прикрасахъ женскаго лица, которыя были въ большомъ употребленіи и, по ихъ замѣчанію, только безобразили природную красоту. Италіянецъ Барбарини, видѣвшій русскихъ женщинъ почти въ описываемое время (въ половинѣ XVI вѣка), отмѣчаетъ вообще, что русскія женщины чрезвычайно хороши собою, но употребляютъ бѣлилы и румяна, и притомъ такъ неискусно что стыдъ и срамъ! О притираньяхъ и прикрасахъ, неискусномъ употребленіи того и другаго, а паче всего бѣлить и румянить, повѣствуютъ всѣ послѣдующіе иностранцы-повѣствователи о Московскомъ государствѣ: Горсей, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, Коллинсъ, Корбъ; мажутъ рѣсницы, щеки, зубы, вообще лицо, даже и глаза, затѣмъ шею и руки, въ особенности когда ходятъ въ церковь или въ гости. Всѣ эти сказатели-иноземцы повѣствуютъ,

что Русскіе любятъ у женщинъ продолговатыя глаза, нѣжкія лбы (для чего стягиваютъ головныя уборы такъ крѣпко что носѣ не могутъ закрыть глазъ); толстоту считаютъ красотой женщины, причеъ худощавую признаютъ за нездоровую, а маленькую ножку и стройный станъ почитаютъ будто бы за безобразіе.

Соломонида безъ «прикрасть» была «красна» (красива);—по сказанію ея житія позднѣйшаго составленія (редакціи) и сохранившимся письма XVII в. образамъ, запечатлѣвшимъ ея иноческій обликъ; молодая (о годѣ и мѣстѣ ея рожденія извѣстій нѣтъ), видная, рослая, дебелая—по понятіямъ современнаго ей общества—была вполне русская красавица: крупныя, какъ черныя бархаты, глаза ея томныя, съ поволокой, осященныя темными бровями дугой и опущенныя длинными, густыми, темными же рѣсницами, съ милымъ ласкающимъ взглядомъ, выразительно сіяли на бѣломъ съ румянцемъ во всю щеку кругломъ лицѣ, котораго полныя, алыя, чувственныя губы обрамляли маленькій ростъ, складываясь въ прелестную улыбку. Густыя, черныя какъ смоль, съ отливомъ лоснящіеся волосы прятались подъ цвѣтною головною повязкой, низко облегалъ кругое чело, гдѣ уже безъ сомнѣнія гнѣздились любви высокія мечтанія. Пышная, высококовлующаяся грудь ея, при статномъ ростѣ и превосходно сложившихся стройныхъ формахъ роскошнаго упругаго тѣла, плавная, величавая поступь, съ овладѣвавшимъ пониманіемъ неотразимаго вліянія своей красоты, произведшей увлекательное впечатлѣніе на восхитившагося ею Василия.

Бракъ Василия съ Соломонидой вѣнчалъ митрополитъ Симонъ въ Успенскомъ соборѣ 4 сентября 1505 года, въ послѣдній годъ жизни его отца Ивана Великаго, скончавшагося 29 октября.

Государева невѣста, выходя на степень государыни великой княгини, тотчасъ же вводила за собою въ близость къ государю своихъ родичей и родственникововъ, и здѣсь за бракомъ слѣдовало возвышеніе: отцу великой княгини Юрію Константиновичу (†1512 г.) со вступленіемъ его зятя великаго князя Василия Ивановича на престолъ сказано боярство; ему же съ семьей, состоящей изъ четырехъ сыновей: Ивана-Василія, Андрея, Ѳедора и Аѳанасія, даны вотчины и быть-можетъ въ уѣздѣ Переславля-Залѣскаго, гдѣ либо вблизи отъ Слободы; братьевъ ея тоже ожидало счастливое будущее: старшій изъ нихъ Иванъ Юрьевичъ заступилъ даже

съ 1514 года почетный, впервые въ тотъ годъ учрежденный придворный чинъ кравчаго, а въ 1522 году состоялъ при князѣ рындоу (оруженосцемъ, *Др. Росс. Вивл.* изд. 2, XX, Карамз. *Ист. Росс.* VII, пр. 231). Не вскорѣ послѣ брака возвышались родичи Соломонида; такъ Андрей Васильевичъ Сабуровъ, сынъ боярина Василя Ѳеодоровича († 1485), роднаго брата дѣда Соломониды—сказанъ окольничьимъ только въ 1510 году.

Надобно полагать, что выборъ Василя себѣ въ жены Соломониды былъ вполне по вкусу и удаченъ, такъ какъ великій князь доживалъ съ ней почти въ доходѣ второй десятокъ лѣтъ мирной и счастливой супружеской жизни; только смущало супруговъ общее горе—неимѣніе дѣтей.

Какъ подданная по происхожденію она постоянно чувствовала себя рабой того, кто былъ ея супругомъ. Но будучи вѣчною рабой своего мужа, вмѣстѣ съ тѣмъ она была государыня, госпожа великая княгиня, и по возложенному на нее сану ей не было ровни между окружающими; такимъ образомъ она была всегда одинока и пребывала въ затворничествѣ. Соломонида хотя добрая по сердцу и ласковая по душѣ, но по своей застѣнчивости и даже робости не подходила къ бойкому нраву гуляваго Василя; воспитанная въ теремѣ сиротой (когда она выходила замужъ, матери ея не было въ живыхъ), дочь московскаго незнатнаго служилаго челоуѣка, переносила и во дворецъ свою замкнутую, теремную жизнь, со всею ея пустынною обстановкой: богомольемъ, переходившимъ въ ханжество полное суевѣрія, вычурными рукодѣліями въ неуспынномъ вышиваніи церковной утвари и священныхъ одеждъ, бесѣдой съ верховными боярынями, старухами-мамами и приживалками о новостяхъ на государевомъ дворѣ и въ стольномъ городѣ Москвѣ, и слушаніемъ баснословныхъ сказокъ, а также чтенія писаній духовнаго содержанія, такъ какъ знать грамоту въ то время особенно изъ среды женскаго пола было величайшею рѣдкостью. За то самовластный супругъ ея былъ также одинокъ на своемъ престолѣ, избранная жена не могла быть ему равной подругой; предъ Василемъ воздымался образъ его великой матери, хотя иноземки, но за то греческой царевны Софьи Ѳоминишны, пособлявшей его великому родителю Ивану III въ дѣлахъ государственныхъ, принимавшей даже чужеземныхъ пословъ и озарившей возрождавшуюся своимъ величіемъ Москву проблесками угасавшей Византіи. И эта рѣзнь между его

женой и женой его отца ему была безъ сомнѣнія очевидна и крайне чувствительна, притомъ Соломонида постоянно казалась то грустною, плачевною, то тоскующею и тревожною... да и наконецъ судьба неблагопріятствовала ей въ ея существенномъ призваніи, какъ государевой супруги, возводившемъ съ великою осмотрительностію изъ ничтожества на степень царскаго величія, призваніи заключавшемся въ чадородіи мужу и отечеству наслѣдника...

Василія въ видахъ государственныхъ поражало отсутствіе прямого законнаго наслѣдника, что могло породить смуты государству, «а братья не умѣли своихъ удѣловъ устраивати» (*Пол. собр. Лнт.* IV, 295); но не одни государственныйя цѣли держались въ помыслахъ Василія, посылавшаго поминать Соломониду «чадородія ради» не только по церквамъ и обителямъ московскаго государства, но и въ 1515 г. на Афонъ; всего сильнѣе поразила Василія вольная иноземка, приглянувшись ему ловкая дѣвица... юница-панночка... княжна Елена Васильевна нововѣзжаго рода Глинскихъ, богатаго да знатнаго и въ Москвѣ, и на Литвѣ.

Чуяло сердце Соломониды вѣсти недобрыя, тяжелая дума пала на сердце, и она все упованіе свое возлагала на Великаго Сердцевѣдца да преклонить Онъ сердце царево на безплодную Лію.

Вліяніе на Василія Елены было хотя уже съ 1523 г. (*Пол. Соб. Лнт.* IV, 295—296. VI 29—30. Карамз. *Ист. Росс. Госуд.* VII пр. 276), такъ какъ осенью того года Государь заявлялъ о своемъ намѣреніи отрѣшить супругу отъ своего ложа, и печальное извѣстіе объ этомъ навело тоску на Соломониду; множество грустныхъ мыслей таялось въ ея встревоженномъ умѣ, падавшемъ подъ тяжкимъ бременемъ сомнѣній и страха... но Василій не рѣшался терзавшую его мысль приводить въ исполненіе.... Слишкомъ даже чрезъ полтора года по свидѣтельству іѣпотисей въ 1525 г. «великій князь съ княгинею ѣздитъ съ супругою въ Ярославль и въ другіе города» (Карамз. *Ист. Росс. Госуд.*, VII пр. 377) поклониться, въ принятый «въ свой покровъ и соблюденіе» отъ притѣсненій мѣстныхъ вотчинниковъ, князей Засѣцкихъ—Толгскомъ монастырѣ (на рѣкѣ Тользѣ, состоявшемъ въ ихъ вотчинѣ)—иконѣ Толгской Богородицы въ Ярославлѣ, и Чудотворцамъ великаго Ростова и Переславля Залѣскаго; печаловался тамъ и Даніилу, котораго въ третій разъ навѣщалъ, и стоялъ вечернюю службу въ его монастырѣ, и услыжавъ что на эктеніяхъ поминаютъ игумена Іовя, а

не преподобнаго Даниїла (такъ какъ онъ жилъ еще въ Горицкомъ монастырѣ въ Переславѣ), то и счазалъ преподобному: «перейди въ свой монастырь и живи тамъ, а на эктеніяхъ веде помянуть игуменомъ себя и состави тамъ братское общежитіе; о потребностяхъ не скорби,—я самъ буду заботиться объ удовлетвореніи нуждъ монастыря». Преподобный повиновался слову Государеву, и послѣ 30-лѣтняго пребыванія своего въ Горицкомъ монастырѣ на 65 году своей жизни, перешелъ въ созданный имъ монастырь, гдѣ и установилъ житіе братское общежительное. А великій князь въ томъ же году грамотою 20 іюня пожаловалъ село Будовское около Переслава (Свирѣл. *Начал. и истр. пересл. Данил. монаст. при жизни пр. Даниїла*, стр. 63—65. Свирѣл. *Ист.-статис. опис. Пересл. Троиц.-Данил. монаст.*, стр. 67—112). Въ эту въ 1525 г. поѣздку князь заглянулъ и въ свою Новую Слободу; Соломонида же была въ ней и видѣла ее великой княгиней послѣдній разъ, такъ какъ и эта поѣздка князя съ ней была послѣдней. Лѣтописи не указываютъ на время года когда она совершена; но въ виду предыдущихъ и соображая съ посѣщеніемъ ими преподобнаго Даниїла—была въ срединѣ лѣта; осенью князь ѣздилъ опять въ Слободу въ этомъ же году.

Истекавшій годъ вносилъ въ княжескую чету событіе почти небывалое (за исключеніемъ чрезвычайнаго одного случая съ великимъ княземъ московскимъ Симеономъ Гордымъ). Остудило князя къ женѣ не одно общесемейное горе, а обольстительная красота Елены, очаровавшей князя обхожденіемъ дотошъ на Руси невѣданнымъ, воспитаніемъ своимъ рѣзко выдаваясь предъ тогдашними московскими боярынями, имѣя больше средствъ нравиться, чѣмъ искренно горевавшая и постоянно плакавшая на свое горе мужу Соломонида.

Соломонида догадываясь, что князь ее не любитъ, чрезъ посредство своего брата Ивана Юрьевича Сабурова безпрестанно отыскивала себѣ и «жонокъ и мужиковъ» для заговариванія и колдовства, чтобы какими-нибудь чародѣйственными средствами привлечь къ себѣ любовь князя. По суевѣрію вѣка, заботы помочь себѣ знахарствомъ,—волшбою, несмотря на то что были они и отречены и прокляты, шли рядомъ съ усердными молитвами и обѣтными богомольями. Но вліяніе Елены было на столь сильно, что князь рѣшилъ—отрѣшиться отъ своего ложа законную супругу, и прислушиваясь къ боярскимъ и нѣкоторымъ духовнымъ

совѣтамъ; «Что молъ неплодную де смоковину усѣкають и изме- щутъ изъ винограда» созвалъ для этого совѣтъ бояръ и духов- ныхъ, и предложилъ имъ на разсужденіе: слѣдуетъ ли ему разве- стись съ Соломоніей? Вопросъ заданный съ увѣренностью, что всѣ должны дать отвѣтъ согласный. Понятна эта увѣренность. Нѣ- которыя изъ духовныхъ особъ участвовавшихъ въ томъ разсуж- деніи были у князя неоднократно въ Слободѣ осенью того года; сохранившаяся выпись изъ грамоты къ Великому Князю Василю Ивановичу о разлученіи перваго брака и о сочиненіи втораго— творенія Паисія старца Оерапонтова монастыря (Карамз. *Истор. Госуд. Росс.* VII пр. 276. *Чтенія Имп. Моск. Общ. Истор. и Др. Росс.* 1847, книга мартъ), повѣствуетъ что Василій уѣхалъ въ село Александровское (выпись называетъ это село и слободой, Алек- сандровой) и къ нему туда пріѣзжали Досифей епископъ, Сарскій и Подонской, да архимандритъ Чудова монастыря Іона, и съ ними великій князь долго совѣтовался.

Опять представилось новое искушеніе для ея пугливой мысли; производилось тѣмъ временемъ розыскное дѣло о не плоди ея, ве- ликой княгини Соломониды и въ немъ сказка ея брата Ивана Юрь- евича (Акт. Ист. 1, стр. 192) отставленнаго въ 1524 году отъ при- дворнаго чина кравчаго, полна показаній безвредныхъ средствъ и нехитрыхъ приемовъ извѣстныхъ ему, и его женѣ Настасѣ, кото- рыми суевѣрная ко все-таки любящая жена, хотѣла привлечь къ себѣ сердце Василя. А Василій только и думалъ о разводѣ, мечтая о прелестной Еленѣ, съ которой быть можетъ короталъ не одинъ вечеръ въ домѣ матери—вдовы. Не помогло и волхованіе къ кото- рому такъ тайно обращалась великая княгиня, чувствуя свое без- выходное горе, свое положеніе, возстановляя любовь мужа; охла- дѣвъ къ Соломоніи, влюбясь въ Елену, для послѣдней Василій за- былъ все... рѣшился не только растерзать сердце любящей его жены, но даже нарушить уставъ церковный... «Ляшская (Ляцкая) дѣва стала святѣй!»

Митрополитъ Данилъ успокоивалъ совѣсть великаго князя въ столь жестокомъ именно въ смыслѣ нравственности дѣлѣ: не милосердно отринуть съ своего ложа невинную женщину, любя- щую супруга, глубокоскорбящую Соломониду, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастья; и ее то предать въ жер- тву горести, стыду, отчаянію, забывъ завѣтъ любви супружеской взаимности. Внимательный къ міру болѣе, нежели къ Духу Святу,

снисходительный, уклончивый Даниилъ бывшій игуменъ Іосифа Волоцкаго монастыря, и его ученикъ, вѣрный преданію этого монастыря воодушевленному безпредѣльною приверженностью къ Великому Князю Василю, утѣшилъ князя, сказавъ, что беретъ его грѣхъ на свою душу;—вопреки отрицаній развода, патріархами и старцами святой горы Афона и велерѣчиваго посланія Паисія старца Оерапонтова монастыря въ Заволжѣ, рѣзкихъ доводовъ инока Вассіана (въ мірѣ Князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, вмѣстѣ съ отцомъ Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, выходцы изъ Литвы, въ 1499 году неволею пострижены въ монахи—Кар. Ист. Гос. Росс. VII, 85), и богословскихъ толкованій знаменитаго инока Максима Грека, оставившимъ памятникъ великодушной своей защиты «слово къ оставляющимъ жены волею безъ вины законныя»; и изъ боярства слышался противорѣчащій голосъ почтеннаго благочестиваго старца великаго постника, князя Семена Оедоровича Курбскаго, нѣкогда доблестнаго покорителя Перми и Югры. Простолудіе осуждало Василя; одни по естественной жалости къ Соломонидѣ, пользовавшейся среди его добродѣтельной памятью, другіе поначитаніиѣ ссылаясь на номоканонъ, на слова Апостола, на завѣтъ Спасителя.

Пренебрегая всѣмъ, заручась одобреніемъ митрополита, а съ нимъ и большей части духовенства, Василій порѣшилъ постричь свою супругу.

Роковой вопросъ и угодливое его рѣшеніе, а равно и спѣшное его исполненіе, поразили надрывавшееся сердце Соломонины. Не алая заря по небу разгорѣлася; не тихая роса на сыру землю опускалася; горѣло, пылало лицо бѣлое, румяное, засверкала на очахъ слеза незваная; взгрустнулось бѣдной, ничѣмъ неповинной Соломонидѣ; овладѣло ею глубокое отчаяніе; вотъ уже почти два года не той Соломонидой выглядывала она: неусыпная молитва, постноядѣніе, семейное горе измозжили роскошь тѣла, лицо блекло и щеки не озарялись рдѣющимъ румянцемъ, тусклый взглядъ когда-то чудныхъ, а теперь затуманившихся очей, въ душѣ щемила боязнь еще неяснаго, недоумѣвающаго сомнѣнія, словомъ злонесчастная судьба снѣдала Соломиду.

Полная справедливаго негодованія, гордая своимъ великокняжимъ величіемъ и непреклонная въ своемъ сознаніи, что по сану ея ей не было ровни между окружающими ее, хотя и холо-

памі ся мужа, Соломонида (по разказу Герберштейна) отвергла не тольکو предложеніе добровольнаго постриженія, но даже съ понятнымъ ожесточеніемъ попрапа ногами и самый монашескій куколь, ей поднесенный угодливый ея мужу митрополитомъ, при насильственномъ постриженіи 3-го октября 1525 года въ Москвѣ въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Упиченная, оскорбленная, охваченная леденѣющимъ ужасомъ во все время пострига, убитая нежданымъ, негаданнымъ горемъ, несчастная мати инокиня Софія увлечена была въ ссылку будто бы сначала въ дальній монастырь въ Каргополь—въ Заволжѣ по одному извѣстію (*Хмыр. Перечень* № 178), а потомъ 2-го ноября (Семев., *Русс. Вѣстн.*, 1860 г., декабрь), перевезена была въ Суздаль, въ излюбленный супругомъ ея Покровский дѣвичій монастырь, навѣщавшійся надобно полагать не разъ Василиемъ съ нею, въ счастливые дни ея двадцатилѣтняго супружества, подъ сѣнію котораго Василій всегда находилъ тихую отраду и покой отъ трудовъ государственныхъ. Понудительно постригши Соломону, нарекиши ея въ инокиняхъ Софіей, именемъ мудрой своей матери;—въ упрекъ своей женѣ, за великую рознь между ея и той, хотя обѣими государевыми супругами; Василій, для вѣщаго себя оправданія, велѣлъ въ народѣ разгласить, что будто бы Соломонида видя свое неплодство долго умоляла государя облечь ея въ иноческій образъ, но онъ противился ея просьбѣ, указывая, что не можетъ нарушить бракъ; тогда великая княгиня обратилась съ моленіемъ къ митрополиту Даніилу, который со всѣмъ духовнымъ чиномъ и убѣдилъ государя исполнить ея непреклонное желаніе. «Постриже великую княгиню по совѣту ея, тягости ради и болѣзней бездѣтства», повѣствуетъ лѣтописецъ, указывая причину развода исключительно одно неплодіе, облекши его въ немощь, въ болѣзнь, о которой былъ даже розыскъ, слѣдственное дѣло (*Акты Арх. Экс. I, 339, Акт. Истор. I, 192*). Въ сказаніяхъ объ этомъ событіи, отразившемъ такой различный взглядъ на дѣло, правдивѣе всѣхъ разказъ Герберштейна. Народное чувство крайне впечатлительно отнеслось къ этому жизненному событію въ супружеской четѣ государя своего, на его отчемъ престолѣ; оно отозвалось пѣсенною памятью. «какъ царь царицу въ монастырь сослалъ» (*Пѣсни собранія Кирѣевскаго VI, 202—3, 207, также VIII, 106—113*). Это древнее пѣснотворчество (по всему вѣроятію пропѣтое для подражателя великаго князя Василя—Петра Великаго), по содержанію своему, или лучше сказать по поэтическому образу

царицыной участи, можетъ быть болѣе отнесено къ Соломонидѣ...; таковъ былъ о томъ глаголѣ времени!

Вмѣсто печалованія о совершившемся «блазні», обычнаго хожденія кромѣ соотвѣтственной одежды «въ волосахъ» Василій, за оскуднѣніемъ веселія въ государевомъ своемъ дворѣ, хаживалъ на бесѣду въ семью княгини вдовы Глинской, или ея деверя князю Глинскому, тоже вдовцу, и тамъ постоянно встрѣчалъ онъ ту, которая такъ жестоко отравила счастье его перваго брака. Василій разрѣшивъ его узы признавалъ себя свободнымъ, а очаровавшей его Еленѣ тѣмъ далъ широкій, безпрепятственный просторъ къ полному имъ обладанію.

Елена ¹ была красавица литвинка (литовка), въ которой струилась и восточная жгучая кровь; гордая, честолюбивая, воодушевленная полнымъ сознаніемъ своей обаятельной силы надъ мужчиной, чуждая дѣвственной стыдливости и женственной застѣнчивости московскихъ боярынь, вольная въ обращеніи—она соединяла въ себѣ женскую страстность съ демонскимъ даромъ очарованія своею дивною красотой. Черты ненагляднаго ея лица дышали всею юною прелестью восемнадцатилѣтней блонкуррой красавицы, только какъ бы явившейся для роскошной нѣги и палящей жажды сладострастія: глаза какъ небо голубые, кудри пепельныхъ волосъ затѣйливо завитые, падали какъ бы дымкой сквозь туманъ на открытое ея чело; изящный профиль, зардѣв-

¹ При домашнемъ бытѣ русскихъ царицъ XVI и XVII вѣковъ, сочиненіи И. Е. Забѣлина, имѣются иконописные рисунки и на ихъ таб. IV изображены: 1) великая княгиня Елена Глинскихъ, въ убрусь, ожерельяхъ и шубѣ—платнѣ; 2) одежда XVI столѣтія—волосникъ, убрусь и тѣлогрѣя; 3) боярыни сопровождающія великую княгиню Елену, въ шляпахъ и убрусахъ, и 4) онѣ же въ убрусахъ. Не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія на отсутствіе даже случайныхъ извѣстій о Еленѣ (ея мѣсторожденія, мѣстожительствѣ ея отца, воспитанія ея молодости), въ русскихъ лѣтописяхъ, и неизвѣстность (по крайней мѣрѣ намъ) о ней источниковъ въ литературѣ русской и польской, и вообще полную скудность свѣдѣній о ней, ея отцѣ, семьѣ, до вѣзда въ Московское государство. На непапечатанномъ спискѣ (именно листъ 21) рукописи принадлежащей Синодальной (бывшей Патріаршей) бібліотекѣ, писанной полууставомъ XVII в. (въ листъ на 625 листахъ—начинающейся 1535, заканчивающейся 1567 г.) изображено: «великая княгиня Елена Васильевна и малолѣтній великій князь Иванъ IV,—выслушиваютъ навѣгы на Старицкаго князя Андрея». Снимокъ этого рисунка приложенъ ко 2-й книгѣ Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи за 1859, изданія Н. В. Калачева.

шійся на ланитахъ румянецъ, тонкія подобранныя губы, придавали ея лицу какое-то презрительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердое выраженіе настойчивой рѣшимости и сознательной силы; полное игръ и жизни лицо ея отбѣнялось не столько аристократическою свѣжестью очертаній, сколько чувственнымъ характеромъ своей красоты. Это великолѣпное лицо не выражало ни особенной доброты, ни какого-либо другаго выдающагося качества, на немъ лежалъ скорѣе отпечатокъ страсти къ наслажденіямъ и нѣкоторой холодности; послѣднее выраженіе даже по временамъ выступало и съ рѣзкостью. Высокая ростомъ, стройно и роскошно сложенная, Елена обладала и гибкимъ станомъ, и игривою глубиною движеній, походка бойкая, полная искренней веселости и отсутствія всякой принужденности; она невольно привлекала и властвовала своимъ сверкающимъ соблазномъ.

Воспитанная въ семьѣ ея отца и вдовца дяди, людей западныхъ понятій, Елена безъ сомнѣнія усвоила себѣ отъ родныхъ иноземныя понятія и обычаи; и вѣроятно кромѣ личной своей красоты и привлекательнаго вида, своими свойствами представлявшими новизну для великаго князя, или напоминавшими ему его мать-иностранку, плѣнила Василія. Щеголеватая отбѣнность наряда, прихотливо изысканное но скромное обнаженіе бѣлой шеи и груди, прелестно ласкающій взглядъ вкрадчивыхъ глазъ, затѣйливость прически, манящая улыбка, скользящая походка, которой «каждый шагъ разчитанъ», мелькающая малютка-ножка, всѣмъ этимъ ловкая панночка владѣла въ совершенствѣ. Когда она была невѣстой, отца у ней не было въ живыхъ, и она привольно съ сестрой проживала въ хоромахъ матери - вдовы, которые безъ сомнѣнія чаще всѣхъ посѣщалъ великій князь; а не рѣдко туда къ ея братьямъ собиралась и тоглашняя молодежь, дѣти боярскія и княжьи, стольники, прочій молодой именитый по Москвѣ придворный чиновный людъ, встрѣчая любезный привѣтъ, радушное хлѣбосолюство, да веселую рѣчь и беззабѣдливый смѣхъ; и все это у вдовы, изъ семейнаго круга которой ни Елена, ни Настасья—ея дочери, не прятались по теремамъ и верхамъ съ приходомъ чужаго чело-вѣка. Эта жизнь «открытымъ домомъ», безпечность веселья, царившая красота Елены, манили молодежь покоротать вечерокъ, если только тамъ не сидѣлъ сиднемъ великій князь. Нова была на Москвѣ эта жизнь на распашку, и если любя она была старому князю, то понятно могла ли она не прельщать, окружавшую его молодежь.

Елена вѣрила въ свою звѣзду, и она для нея не померкла... сіяя, все болѣе и поднимаясь все выше и выше въ глазахъ влюбленнаго въ нее Васи́лія, Елена пренебрегала въ виду этого искательствами, и быть-можетъ приглянувшихся ей молодцовъ-удальцовъ красавцевъ сыновей князей, да сыновей бояръ-богачей.

Вокругъ красавицы панѣнки умѣвшей привлекать сердца поклонниковъ роился веселый кругъ волокитъ-обожателей, не щадившихъ приманить ея хотя одинъ взглядъ, увлеченіями современнаго щегольства, которое въ тогдашнемъ обществѣ такъ рѣзко обличаетъ митрополитъ Даниилъ въ своихъ посланіяхъ: «велий подвигъ твориши угожая блудницамъ, ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапоги вельми червлены и малы зѣло, якоже и ногамъ твоимъ велику нужду терпѣти отъ тѣсноты и гнетенія ихъ. Сице болтаеши, сице скачеша, сице рыгаеши и рзаеши, уподобляся жребцу... власы же твоя не точію бритвою и съ плотью отъемлеша, но и щипцемъ изъ корени изторгати и щипати не стыдились, женамъ позавидѣвъ, мужское свое лице на женское претворяеши, или весь хочешь жена быти... лице же твое много умываеши и натрываеши, ланиты червлены красны свѣтлы твориши, якоже нѣкая брашна дивна створена на снѣдь готовишися, устнѣ же свѣтлы чисты и червлены зѣло дивно уставивъ, якоже нѣкимъ женамъ обычай есть кознію нѣкоего ухищрати себѣ красоту. Сице же подобно имъ ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зѣло уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельсти... Каа тебѣ нужна сапоги шелкомъ шитыя носить, или каа ти нужна есть не точію выше мѣры умывати руцѣ, но и перстни златыя и серебряныя на персты твоя налагати... О юніи къ вамъ ми слово: не уподоблятися блуднымъ юношамъ, иже всегда веле мудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вѣще женѣ, умываніи различными и натираніи хитрыми, умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пуговицахъ, о иже подъ срачицей препоясаніи, о сапожѣхъ, о стриженіи главы, о повѣшеніи коемъ, о наlianіи ока, и о киваніи главѣ, о уставиленіи перстъ, о выставленіи ногъ, и иная многа понужаются творити». (Митроп. Даниилъ ст. Бѣльева въ *Чт. о язык. и словес.* 1856—57 гг. стр. 111—115). Честолюбивая княгиня Анна — мать Елены торжествовала, видя Васи́лія у ногъ ея дочери; но чтобы упрочить это счастье быть-можетъ было даже придумано и средство, дѣйствіе котораго по понятіямъ вѣка считалось неотразимымъ, и княжна Анна,

заклейменная современною народною молвой Москвы «знаніемъ волхованія», стала воспламенять страсть въ еще пылкомъ сердцѣ Василія волшебною силой чаръ. Подъ вліяніемъ тогдашняго суевѣрія была не одна скорбящая Соломонида, въ ворожбу вѣрила и греческая царевна Софія, жена Іоанна III; къ ней прибѣгала «бабы съ зельемъ» (*Пол. Сбор. Лѣт. VI, 179*); боялся мощнаго вліянія его и сынъ ея великій князь Василій—внесшій въ общую запись клятву «о зельѣ о лихомъ»... (*Собр. Госуд. Грам. № 162*). Но чего еслибы не достигла своими чарами мать, то совершила обаятельная красота самой дочери. Елена стала у Василія такою зазнобою на сердцѣ, что Василій въ присутствіи ея оживалъ, былъ добръ, веселъ; женская прелесть (совершенно справедливо говоритъ Полевой *Истор. Русск. Нар. VII*) заставила торопиться миромъ (въ 1524 г.) съ невзятою Казанью. Василью Ивановичу на столъ хотѣлось нравиться Еленѣ, что (какъ повѣствуютъ современники Герберштейнъ и посланіе митрополита Даніила) презрѣвъ уставъ искреннихъ обычаевъ какъ въ духовномъ отношеніи, а по народнымъ понятіямъ современнаго общества — «посягнувъ на брадобрѣйство», —нарушилъ образъ челоуѣка созданный по подобію Божіему. Это смѣлое поруганіе возродило обличенія благочистивцевъ старины; но они не сдерживали тогдашнихъ записныхъ щеголей: любопытны въ сообщенныхъ поученіяхъ митрополита Даніила указанія на нѣкоторые обычаи времени (*Сол. И. Р. др. в. V, 446*)—гдѣ и тогда въ современномъ описываемой порѣ обществъ Москвы и Новгорода и пограничныхъ городовъ чудилось сближеніе съ западомъ.

Василій, склонный къ усвоенію вкрадывавшихся обычаевъ запада, и вслѣдствіе удалявшейся давнымъ-давно отъ него молодости, началъ также щеголять передъ Еленою, а она замышляла положить конецъ этому ухаживанію почти пятидесятилѣтняго, обрюзглаго приземистаго и не дальнаго умомъ сердцеѣда ¹, объ-

¹ Почти дряхлый, сутуловатый старикъ съ изрытыми морщинами лбомъ, съ головою какъ бы приросшею къ плечамъ, почти безъ шевъ съ большимъ затылкомъ, съ короткии довольно рѣдкими свѣтлокаштановыми съ просѣдью волосами; длинный носъ его дѣлая ниже лба довольно значительное дугобразное углубленіе оканчивается въ нижней части также кривою линіей, такъ что вообще линія носа далеко уклоняется отъ правильнаго угла; глаза большіе, каріе; вѣтъ общій очеркъ живописныхъ образоподобій Василія наиконѣ надъ его гробомъ въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, и на угольномъ столбѣ внутренней западной

явить Василю рѣшительное требованіе обвѣнчаться не ней. Рѣшительное исполненіе, отъ податливаго и добраго Василя, было тѣмъ необходимѣе требовать, такъ какъ по уставу церкви—«чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отрѣшиться отъ свѣта»; но разъ поправленный законъ былъ вновь нарушенъ благословеніемъ княжьева угодника митрополита Данила.

Черезъ три мѣсяца послѣ постриженія своей первой жены «о свадебницахъ» такъ народнымъ говоромъ обозванъ Рождест-

стѣны, на сѣверной паперти Московскаго Благовѣщенскаго собора, расписаннаго Василю въ 1508 году (Иконные портреты русскихъ государей ст. Филимонова въ *Вѣстникъ Общества Древне-Русскаго Искусства*. М. 1875, № 6—10. О иконномъ портретѣ В. К. Василя ст. Снегирева въ *Русск. Истор. Сбор. изд. Им. Общ. Исторія Древ. Рос. т. I*). Сохранились и рѣзныя изображенія Василя, числомъ до 6-ти; изъ нихъ по предположенію златока рисовано по всей вѣроятности съ натуры приложенное къ разнымъ изданіямъ книги бар. Герберштейна. *Regum Moscovit. Commentar.* Годъ на рисункѣ означенъ 1551 г. (*Ровинскій Словарь Русскихъ Гравированъ Портрет.* Спб. 1872, стр. 205, 206 и 188). Многое въ лицѣ Василя было отпечаткомъ южнаго типа и понятно: мать его Софья Ѧоминиивна Палеологъ была Гречанкою по отцу, а Итальянкою по матери—дочери герцога Феррары; но насколько этотъ типъ очарователенъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, настолько почти нерѣдко онъ неказистъ въ старости, а тѣмъ болѣе въ дряхломъ ея состояніи. Въ крайне рѣдкомъ и цѣнномъ изданіи Д. А. Ровинскаго «Достоверные портреты Московскихъ Государей Ивана III, Василя Ивановича и Ивана IV Грознаго, и посольства ихъ времени». Спб. 1882 г. въ большой листъ, съ 45 рисунками (цѣна экземпляру 25 р., напечатано 125 экземпляровъ) портреты Великаго Князя Василя Ивановича представлены двухъ разныхъ типовъ: одинъ—профильный, другой—прямолинейный. Профильный награвированный извѣстнымъ нѣмецкимъ мастеромъ Гиршгогелемъ и помѣщенный при 1 изданіи «Записокъ» Герберштейна о Россіи должно-быть по предположенію г. Ровинскаго причисленъ къ портретамъ вполне достовернымъ, такъ какъ, при близости отношеній Василя къ Герберштейну, послѣднему не трудно было сдѣлать набросокъ для портрета съ натуры и позаботиться о полномъ его сходствѣ съ оригиналомъ. Другой типъ портрета В. К. Василя прямолинейный и еще болѣе замѣчательный по характерности лица Великаго Князя и вѣрности его наряда, помѣщенъ въ музей Павла Ювія. Въ достоверности этого портрета сомнѣваться тоже нѣтъ основаній, такъ какъ Павелъ Ювій рассказываетъ, что онъ самъ видѣлъ портретъ В. К. Василя у толмача Дмитрія Герасимова; конечно онъ озабочился срисовать съ него копию для своего изданія, тѣмъ болѣе что въ этомъ не могло ему представиться никакого затрудненія (*Истор. Вѣст.* 1882 г. № 3, стр. 723). По этому же предмету имѣется сочиненіе г. Собко (Николай) «Древнія изображенія русскихъ Царей и ихъ посольство за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ: I. изображенія Царей (съ таблицей рисунковъ) 96 стр. 80 Спб. 1881 г. *Типогр. Им. Ак. Наук.* (напечатано 35 экземпляровъ). См. *Россійск. Библіогр. жур.* Гартъе. 1882 г. годъ IV, № 102 (2) и 103 (3).

венскій мясоѣдъ. 28 января 1526 года, Великій Государь Василій Божією милостію Государь всея Руси,—обвѣнчанъ въ стольномъ своемъ градѣ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Данииломъ съ чужеземкою княжною Еленою Васильевной Глинской,—къ изумленію истыхъ русскихъ бояръ, никогда и не предполагавшихъ чтобы родъ въѣзжихъ чужеземныхъ измѣнщиковъ удостоился такой чести. Коварная Литва отдала православной Руси бѣглицу, удостоенную Государемъ Московскимъ стать супругой его и даже правительницей. Никакого выбора невѣстъ въ то время не было, что рѣшительно обнаруживаетъ, что Василій «удумалъ» еще прежде жениться на Еленѣ подчинившей его своимъ прихотямъ, и въ виду чего и спѣшилъ развестись съ Соломоніей. Выбора не могло быть въ столь краткій срокъ, да къ чему? Елена не говоря о красотѣ была по дядѣ своему Михаилу богатаго, знатнаго, княжьяго рода, извѣстнаго не только на Москвѣ, но и въ Литвѣ и смежныхъ государствахъ и земляхъ, и уже тѣмъ отличалась отъ своихъ сверстницъ и могшихъ ей быть соперницъ на Руси. Свадьба, со всѣмъ подобающимъ великолѣпіемъ и блестящею пышностью, праздновалась три дни: «оженися яко лѣпо бѣ царемъ женитися»; сохранившееся ея описаніе *Др. Росс. Вис.* 2 изд. XIII, 5—19) упоминаетъ о слѣдующихъ лицахъ обычнаго чина свадебнаго разряда: «тысячкимъ великаго князя» былъ его братъ князь Андрей, въ «большомъ мѣстѣ» сидѣлъ его братъ князь Юрій; важную должность «конюшеннаго» отправлялъ дворецкій и бояринъ князь Федоръ Васильевичъ Лопата-Телепневъ-Оболенскій, по какому званію обязанъ «быти у государева коня и ѣздити весь столъ и всю ночь кругъ подклѣта (ложницы новобрачныхъ) съ саблею голою или съ мечемъ»; сыну его молодому князю Ивану Федоровичу Овчинъ-Телепневу-Оболенскому, въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, находясь пришлось «колпакъ держать, у постели съ княземъ спать, и на другой день вѣнчанія съ княземъ въ мыльнѣ мыться»; князя Федорова дочь, а князя Ивана сестра, вдова Аграфена Федорова, послѣ мужа дворецкаго боярина Василя Андреевича Челядникова († 1518 года) занимала почетное мѣсто «у постели новобрачныхъ» вмѣстѣ съ прочими боярынями, въ числѣ ихъ ея невѣсткою Еленою ея мужа брата, вдовою бывшаго конюшеннаго боярина Ивана Андреевича Челядникова († 1515 года); и Марію, вдовою дяди ея мужа, Григорія Федоровича Челядникова.

Вознегодовавшиє на замышленіе этого брака, великіе старцы Вассіанъ и Максимъ Грекъ, порицая, называли его не иначе какъ прелюбодѣяніемъ, а іерусалимскій патріахъ Марко, въ духѣ пророческомъ вѣщалъ злоуполученіе въ случаѣ рожденія сына. Народная молва несочувственно отнеслась ко второму браку и установи лѣтописцевъ возвѣщала: «Великій князь постриже княгиню Соломонію, а Елену взять за себя, а все то наше согрѣшеніе... иже аще кто пуститъ жену свою, а оженется иною, прелюбы творить». (*Исков. Лѣт. Кар. Ист. Гос. Росс. VII пр. 279*). Обороняя отъ гласа народа свое вторичное супружество, будто бы въ видахъ государственныхъ „всея Руси дать наслѣдника“, великій князь спѣшилъ освятить гласомъ Божиимъ этотъ бракъ въ самомъ началѣ молитвою о чадородіи. Чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы 4 марта, назначая въ Новгородъ архіепископомъ своего любимца, архимандрита Можайскаго монастыря Макарія, Василій поручилъ ему какъ пріѣдетъ на паству «во ектеньяхъ молити Бога, и Пречистую Богоматерь, и чудотворцевъ, о себѣ, и о своей княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь Богъ далъ имъ плодъ чрева ихъ», о чемъ дѣйствительно и молились по всей епархіи въ церквахъ и монастыряхъ. (*Полн. Соб. Лѣт. IV, 296. Акты Ист. I, 532*). Въ концѣ того же года великій князь совершилъ богомольный походъ въ Тихвинъ къ Тихвинской Богородицѣ, куда пріѣхалъ, вмѣстѣ съ владыкою Макаріемъ, 24 декабря въ навечеріе праздника Рождества Христова, пробылъ тамъ три дня и три ночи, молился «о здравіи и о спасеніи и чтобы ему Господь Богъ даровалъ плодъ чрева... великую вѣру и умильное моленіе показалъ ко Всемиловитому Спасу и Пречистой Богородицѣ и къ угодникамъ; показалъ многую милость къ печальнымъ людямъ, которые въ его государевой опалѣ были, многіе монастыри милостынями удоволилъ»... (*Полн. Соб. Лѣт. VI, 283. Кар. Ист. Росс. Госуд. VII, пр. 383*).

Литовскіе бѣглецы, семья князей Глинскихъ измѣнившихъ своему природному князю, измѣнила было вскорѣ и Москвѣ въ лицѣ своего головы роднаго дяди великой княгинѣ,—не нашла себѣ искренняго привѣта, въ сердцахъ современнаго русскаго общества; какъ вѣзжій родъ, и притомъ именитый, онъ стоялъ для боярскихъ родовъ Московскаго государства на пути къ достиженію чиновъ и положенію, которые Глинскіе заняли съ перваго же дня вѣзда своего въ 1507—1508 году, изъ своего въ

Литвѣ древняго города Турова, въ Москву ко двору великаго князя Василя Ивановича. Три брата князей Глинскихъ: Иванъ, по прозвищу Мамай, Василій по прозвищу Слѣпой и Михаилъ, были потомки правнука Мамай-Скидыря, присягнувшаго въ подданствѣ великому князю литовскому Витовту, и получившаго отъ Витовта въ удѣлъ городъ Полтаву и Глинскъ, по коему и писался княземъ Глинскимъ. (*Росс. Род. Кн. Дол.* IV, 359. Карам. *Ист. Гос. Росс.* VII, пр. 25. *Энцикл. Словарь* Плюшара т. XIV, 275—6); сестра этихъ 3-хъ братьевъ князей Глинскихъ Анна была женою князя Ивана Васильевича Острожскаго (*Рус. Вѣс.* 1875 г. № 10, стр. 581). Съ ними же тогда выѣхали въ Москву Дмитрій и Иванъ Глинскіе (*Кар. Ист. Гос. Росс.* VII, стр. 12, пр. 40); но были ли то князья Глинскіе—того изъ извѣстій не видно, но что были родственники князю Глинскому, то несомнѣнно. Семья князя Василя Львовича, прозвищемъ Слѣпой или Темный, исповѣдывала греческую православную вѣру и состояла: изъ его жены Анны (*Слов. Ист. Росс. др. вр.* VI, 55), трехъ сыновей: князей Юрія, Ивана и Михаила Васильевичей и двухъ дочерей княгинь Елены и Анастасіи¹ Васильевны; старшей Еленѣ и выпадъ счастливый жребій стать великой княгиней и даже правительницей Московскаго государства. Въѣзжимъ братьямъ князьямъ Глинскимъ великій князь въ замѣнъ покинутыхъ ими въ Литвѣ ихъ городовъ Турова и Мозыря въ 1509 году пожаловалъ на Руси: «князю Ивану, да князю Василю вотчину Медыню, а князю Михаилу—Ярославецъ да Боровскъ въ кормленіе». (*Кар. Ист. Гос. Росс.* VII, пр. 40. *Полн. Соб. Русс. Лит.* VI, 248, VIII, 250). Когда (въ 1525 году) Елена стала невѣстой великаго князя, ея отца не было въ живыхъ, за то здравствовалъ знаменитый доблестью воинскою, родной ея дядя князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, но томился въ темницѣ за покушеніе подъ Оршей на гнусную измѣну его облагодѣтельствовавшему и высоко чествовавшему Государю

¹ (*Древ. Росс. Вис.* изд. 2, XIII, 6), въ описаніи свадьбы Василя и Елены упоминается въ 1526 году января 28 дня; для изслѣдователя остается загадкою—кто свояченица государя княжна Марія, на которой (по свидѣтельству *Полн. Собор. Лит.* VIII, 272. Карамзина VII, пр. 383) Василій въ 1527 году женился князя Ивана Пепкова; свояченица—значитъ сестра жены, и слѣдовательно въ 1527 сестра Елены, но у Соломонины (по *Дол. Росс. Род.* кн. IV, 197) не было сестеръ, а у Елены, хотя (*Дол. Росс. Род.* кн. IV, 358) и не значится сестеръ, но, вѣра описанію свадьбы ея, находимъ сестру у ней Анастасію.

Великому Князю Василию Ивановичу: понятно почему и русскій народъ долженъ былъ отнестись не отрадно къ супружеству Государя своего съ племянницею его, хотя и именитаго вельможи, но запятнавшаго себя двухкратною измѣной не только государямъ, но разъ даже и вѣрѣ отцовъ своихъ, исповѣдывавшихъ греческую вѣру.

Никто изъ вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей какъ маршалъ Литовскій, староста Бѣльскій Михаилъ Львовичъ Глинскій; воспитанный въ Германіи, проведши всю юность въ ней и въ Италіи, гдѣ даже принялъ латинство (католическую вѣру), Михаилъ заимствовалъ обычаи нѣмецкіе, долго служилъ Альбрехту Саксонскому, императору Максимилиану, Александру великому князю Литовскому и Сигизмунду королю Польскому, извѣстенъ былъ ихъ родственнику Владиславу королю Венгерскому и Чешскому, славился храбростью, гордился ею, умомъ и образованіемъ, зналъ многіе иностранные языки, словомъ былъ, равно какъ и братья его — людьми западныхъ понятій: слѣдовательно Еленѣ было отъ кого позаимствовать иноземныя понятія и обычаи и, ловко ихъ усвоивъ, блестящей ихъ новизною и свойствами своими плѣнила Великаго Князя предъ прочими женщинами Москвы, обладавшими другими качествами и воспитаніемъ. Несмотря на бракъ Василия съ Еленой, дядя ея Михаилъ Львовичъ, которому хотя въ 1524 году и было сказано боярство (*Древ. Рос. Вив.* изд. 2. XX, 22), сидѣлъ все еще за его измѣну въ опалѣ, гдѣ жизнь ему дарована только вслѣдствіе его возвращенія въ лоно православной церкви; и только слишкомъ черезъ годъ за поручительствомъ князей Пенковыхъ и пр., съ денежною ихъ отвѣтственностью въ 5.000 р. въ тогдашнее время по убѣдительной просьбѣ Елены, съ ея юныхъ дней, ея всегдашній добродѣй, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій въ февралѣ 1527 года былъ освобожденъ; но за то по освобожденіи все прежнее простилося Михаилу, и простилося искренно и болѣе не поминалось, онъ сталъ ближнимъ роднымъ человѣкомъ Василия. Обольстительная Елена все болѣе и болѣе овладѣвала мужемъ и забирала въ руки Василия; время шло, прошелъ годъ послѣ свадьбы; ничѣмъ не порадовалъ онъ Василия, хотя и посвященъ былъ Василиемъ пылкимъ восторгамъ медовыхъ мѣсяцевъ, и Елена горячо предавалась страстнымъ совокупнымъ удовольствіямъ озарявшейся супружеской жизни, но желанная цѣль

Василія имѣть наслѣдника не достигалась; прошелъ и другой годъ, рождалось опасеніе что Елена такъ же будетъ бесплодна какъ и Соломонида.

Про заточенницу Покровскаго въ Суздаль монастыря, въ теченіе года послѣ брака, въ средѣ народа, гдѣ ему не сочувствовали, разнесся слухъ, что инокиня Софія въ стѣнахъ обители разрышилась отъ бремени запоздалымъ сыномъ, названнымъ Георгіемъ.

Молва, облетѣвъ Москву и пригороды, достигла и до Государя; услыхавъ такую громовую для него вѣсть, назначилъ слѣдствіе, пославъ боярина и дьяковъ довѣреннаго Меньшаго Путятина и Третьяка Ракова развѣдать возраставшіе толки; за нихъ посѣкли по его приказанію, его государственнаго казначея Юрія Малова, Трахоніота вдову Варвару, что раньше не донесли ему о беременности Соломониды, если то дѣйствительно знали; удалили и двухъ боярынь первостепенныхъ его сановниковъ, эту вдову казначея Юрія Малаго, Трахоніота Варвару да жену постельничаго Якова Мансурова, увѣрявшихъ что изъ устъ самой Соломоніи слышали о ея беременности.

Сильно смущала Василія распространившаяся молва, и въ воспріимчивомъ его размышленіи воспріянулъ чудный образъ нѣкогда милой Соломониды; обладая пылкою и доброю душой, невольно вспоминалъ Василій про очи ея соколиныя, про брови ея соболиныя про высокую грудь лебединую, про станъ высокій да стройный, что твоя сосенка... что твоя сосенка... Такъ и осыплетъ его мурашками, трепетно, трепетно забьется горячее сердце, замретъ—и незванныя слезы на глаза запросятся... Непзвѣстно чѣмъ кончилось слѣдствіе, но Василій не совсѣмъ забылъ Соломониду и какъ бы на добрый о себѣ поминъ жаловалъ 19-го сентября 1527 года писанною въ Москвѣ грамотою старицу Софію въ Суздаль «своимъ селомъ Вышеславскимъ, съ деревнями и починки до ея живота» (Карамз. *Ист. Гос. Рос.* VII, пр. 280). Ранѣе сего слишкомъ за годъ 7-го марта 1526 года Великій Князь Василій Ивановичъ грамотою пожаловалъ въ Суздальскій Покровскій монастырь при игуменѣ Ульянѣ «село Повловское съ деревнями, что было князя Михаила Бабичева» (*Акты. Ист.* I, 131) ¹.

¹ Въ 10 верстахъ отъ г. Переславля-Залѣскаго до сего времени стоитъ село *Соломидино*, свидѣтельствуя своимъ наименованіемъ, происшедшимъ отъ Соло-

IV.

Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій.—Дворъ Великаго Князя; бояре и служилые чины его, вотчинники и помѣстья около слободы; обрядъ обыденной жизни В. К. Василя; богомольные объѣзды, иноческія обители около слободы: Махринская и Дерюзинская.—Осенованія въ слободѣ.—В. К. Василій—страстный охотникъ.—Псовая охота на Руси; русскія борзые собаки.—Слобода и Загѣсь; полевая потѣха псовая и соколиная: оглядъ ловчаго, выѣздъ, станъ и возвращеніе.—Живительный поцѣлуй.—Казанскаго Царя послы въ слободѣ.—Государевы хоромы въ слободѣ и Государевъ дворецъ въ Москвѣ.—Часы древняго Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ.—Государевы дворы подъ Москвою въ селахъ Великаго Князя.—Обычный пріѣздъ въ слободу.

Прошло два года какъ Василій женатъ, а дѣтей нѣтъ; тяжкое раздумье начинаетъ овладѣвать вступившимъ въ шестой десятокъ лѣтъ супругомъ; не менѣе озабочена его молодая жена, но понимаетъ она что вина не ея; по доходившимъ до нея слухамъ, въ долгое время своей холостой жизни, одрябшій теперь мужъ ея, проживъ, по сказанію иностранцевъ, въ большомъ распутствѣ и сладострастіи съ развратными женщинами и потаскушами (Петрей *Ист. о Вел. Кн. Моск.* 116), принесъ ей на брачное ложе распалюющее томленіе и грустную неудачу претворить въ дѣло пылъ желанія... Лицемерная Елена, расточая передъ мужемъ притворныя ласки, ласки безъ конца, по своему пылкому, страстному нраву, сама жаждала похотелюбивыхъ пресыщеній и легко вышла изъ затруднявшаго Василя положенія: приглянулся ей, быть-можетъ и съ первыхъ дней замужества, статный красавецъ, молодой князь Иванъ Ѳеодоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, тотъ самый, которому довелось въ званіи одного изъ дѣтей боярскихъ на свадьбѣ Василя, по его приказу, у великаго князя колпакъ держать и спати у постели и въ мыльнѣ мыться съ великимъ княземъ, что обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ сказать домашнимъ комнатнымъ людямъ. Сблизить ее съ Овчиной (какъ его обыкновенно называли, вѣроятно за курчавую голову, кудреватость волосъ) могла сестра его Аграфена Ѳеодоровна Челяднинова, состоявшая при ней ближней, дворовой боярыней, которая

мониды (простонародное званіе имени Соломонія) быть-можетъ и принадлежность онаго села великой княгинѣ Соломоніи, вѣроятно во имя ея названное въ одно изъ ея съ великимъ княземъ Василемъ описанныхъ посѣщеній г. Переславля.

сама способствовала приближенію къ государевой комнатѣ семьи своего отца и брата, такъ какъ Челядниновы занимали самыя почетныя, высшія должности въ государевомъ дворѣ: мужъ ея былъ государевымъ дворецкимъ, деверь конюшеннымъ, а отецъ ихъ тоже государевымъ конюшеннымъ еще при отцѣ Великаго Князя Василія и началъ рядъ сановниковъ этого учрежденнаго въ 1496 году великимъ княземъ Иваномъ III Васильевичемъ придворнаго чина; знатный чинъ конюшеннаго давался только самымъ близкимъ, любимымъ, заслуженнымъ и только боярамъ: значитъ таковы были Челяднины.

Отъ Василія ожидать проку было безнадежно, то Елена еще болѣе привлекала къ себѣ Аграфену, имѣя виды на полюбившаго брата ея князя Ивана, дѣйствительно быть можетъ обладавшаго ростомъ и дородствомъ, красотою и статью среди молодцевъ и бояръ дѣтей боярскихъ и при великой княгинѣ Московскаго двора Василія. Выборъ Елены, красавицы своего времени и потому безъ сомнѣнія и разборчивой въ выборѣ, свидѣтельствуетъ о выдающихся качествахъ ее всецѣло увлекшаго раба ея сердца.

Не могъ быть и самъ князь Иванъ равнодушнымъ предъ исканіями такой чарующей красоты, обаятельный взоръ которой воспламенилъ соблазнительнымъ помысломъ похвѣтка прожившаго Василія; дерзнулъ ли бы молодой князь отвергнуть обольстительную ласку своей государыни; нѣтъ, онъ палъ въ роскошныя ея объятія на лоно упоенія и восторга призывомъ первымъ охмѣленъ; и предался Еленѣ, этой русской женѣ Пентефрія, со всѣмъ пыломъ юнаго сердца, сталъ задушевымъ ея наперсникомъ, и подъ кровомъ взаимности благодушествовалъ со счастливой Еленой, торжествовавшей уже будущій успѣхъ брачнаго дѣла, затруднявшаго Василія въ благопріятномъ его разрѣшеніи.

Упавшій духомъ, понурый Василій, само собою разумѣется, не могъ искать этимъ путемъ осуществленія завѣтныхъ своихъ надеждъ имѣть наследника; скорбящій государь, по словамъ любимца его архіепископа Новгородскаго Макарія (*Степ. Кнж. II, 205*), опять искалъ утѣшенія въ молитвѣ, причемъ не унывалъ съ прилежаніемъ просить, не умалялъ ея подвига въ чествованіи родовой святыни, постѣ и вкушеніи освященныхъ питій и яствъ, доставляемыхъ московскими и нѣкоторыми его государства иноческими обителями, прославившимися древнею своею святынею и чудодѣйствующими угодниками Божиими въ нихъ почившими;

въ числѣ ихъ изъ Данилова монастыря въ Переславль присылалон братскій хлѣбъ и квасъ какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ... «ихъ вкушатъ Василій съ вѣрою... и сладостно и полезно вмѣняшеся имъ...» Василій, по словамъ къ нему пристрастной Степенной книги, не переставалъ расточать богатства нищимъ, путешествуя по монастырямъ, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монаховъ любезно упокоивая, всѣхъ на молитву подвизая, совершая богомольные походы по далечайшимъ пустынямъ, даже пѣшкомъ вмѣстѣ съ великою княгинею и съ боярами; всегда на Бога упование возлагая, вѣрою утверждаясь, надеждою веселясь желалъ бо по премногу отъ плода чрева его посадити на своемъ престолѣ въ наслѣдіе роду своему... а самое важное—не сомнѣвался отъ долгаго времени своего безчадства».

Лѣтописи занесли подъ 1528 годъ: «въ лѣто 7036. Осеновалъ князь великій въ Новой Слободѣ, и оттолѣ ѣздилъ по заволжскимъ монастырямъ (*Пол. Собр. Лѣт.* VII, 230; VIII, 6. Карамз. *Ист. Гос. Рос.* VII пр. 383, стр. 95. Солов. *Ист. Рос. древ. срем.* V, стр. 375. Щерб. *Ист. Рос.* V, 512. Костом. *Рус. Ист. въ жиз. глав. ея дѣят.* в. II, 365).

Осеновалъ великій князь разумѣется не одинъ, а съ своею великою княгинею женой Еленой, сопровождаемой безъ сомнѣнія ея матерью и братьями князьями Юрьемъ, Иваномъ и Михаиломъ, и входившимъ уже въ силу дядею княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Глинскимъ, ставшимъ съ первой же поры прощенія ему всей его прежней измѣны Василіемъ его ближнимъ человѣкомъ, совѣтникомъ и даже другомъ.

Въ Слободѣ у Глинскихъ, надобно полагать, еще тогда былъ свой дворъ съ хоромами для проживанія въ осенованіи Василія въ своей любимой Слободѣ; дворъ былъ очень близко около Государева дворца, на что указываетъ писцовая книга Александровой Слободы (*Влад. Собр. Тихон.* 168 и 174), «въ Новой же Александровѣ Слободѣ, что бывалъ *Глинской дворъ*, а по сказкѣ старожилъ... на томъ дворовомъ мѣстѣ построена церковь Богоявленія»; по той же писцовой книгѣ значится въ Новой Александровой Слободѣ подъ городомъ въ острогѣ слободка Мамонова и въ ней церковь во имя Богоявленія Господня. Церковь Богоявленія до сего времени существуетъ, и такъ какъ въ этой писцовой книгѣ значится, что она построена по благословенной грамотѣ съ

патріарша двора, то основаніе ея поэтому слѣдуетъ отнести къ XVII вѣку.

Дворъ князей Глинскихъ расположенъ былъ между Государевымъ дворомъ и Мамоновой Слободой, которой владѣльцевъ прозвѣщемъ Мамоновыхъ никого не было въ живыхъ, и занималъ, какъ и она, холмистый берегъ рѣки Сѣрой, которой разроссійся по немъ садъ придавалъ мѣстности Государева двора и хороминамъ Глинскихъ красивый живописный видъ.

Дворъ великаго князя въ тотъ годъ состоялъ изъ слѣдующихъ (*Др. Рос. Виз. 2 изд. XX, Дом. Рус. Род. кн. I—IV*) первостатейныхъ его чиновъ—*дворецкій*—бояринъ князь Ѳеодоръ Васильевичъ Лопата-Телепневъ-Оболенскій (съ 1519 г.), *край(в)чий*—князь Юрій Михайловичъ Голицынъ-Булгаковъ (съ 1525 г.), *казначей*—Иванъ Ивановичъ Третьяковъ-Ховринъ (съ 1526 г.), племянникъ Ивана Владиміровича Головы-Ховрина, перваго по знатности и богатству боярина В. К. Ивана III, бывшаго его крестнымъ отцемъ и милостивецъ Іосифа Волоцкаго, почтившаго его посланіемъ (*Хрущ. Изс. о Іос. Волоц. сочин. 216—232*), *оружничій* или оружейничій—Никита Ивановичъ Карповъ (съ 1523 г.), *постельничій* (ложничій)—Казаринъ Алексѣевичъ Глѣбовъ-Буруновъ (съ 1521 г.), *ясельничій*—Ѳеодоръ Семеновичъ Хлоповъ (съ 1518, † 1529 г.) и *ловчій*—Давыдъ Григорьевичъ Проѣстевъ (съ 1526 г.); онъ былъ великій ловчій или ловчій Московскаго пути и правилъ обязанности сокольничаго; всѣ они, несомѣнно, сопутствовали Василию и пребывали съ нимъ въ его осенованіи въ Слободѣ, помѣстившись по другую сторону Государева двора, по особымъ дворамъ¹ и службамъ, на плоскомъ верху крутой горы стоявшихъ рядомъ, отчего и та улица называлась дворскою (а теперь именуется дворянскою).

Во главѣ двороваго чина стоятъ дворскій князь Ѳеодоръ Лопата Телепневъ-Оболенскій, имѣвшій (какъ уже упоминали) сыновей князей Ивана Овчину да Ѳедора (Солов. *Ист. Рос. Гос. VI*,

¹ Каковы были тѣ дворы, то для ознакомленія съ полнымъ составомъ построекъ каждаго отдѣльнаго домохозяйства извлекаемъ изъ современной описи дворовъ XVI в.: *дворъ городской дворянской*, а на дворѣ хоромы: двѣ избы, два пристѣнка, да клѣть, да мыльня, да погребъ, да ледникъ съ напогребницами, а огороженъ дворъ заборомъ; *дворъ слободской*, а на дворѣ хоромы: изба да мыльня, да повалушка, да клѣть, да погребъ (*Забѣл. Дом. б. Рус. Цар. I, 30*).

16—18) и дочь Аграфену вдову Челяднина, да кромѣ того немалочисленную родню, носившую также фамилію князей Оболенскихъ, но съ разными прозвищами: Нагой, Нѣмой, Стрига, Хромой, Щетина, Овчина, Серебряной, толпившуюся при дворѣ великаго князя въ званіяхъ боярѣ и окольничьихъ.

Бояре и окольничьи, въ Слободѣ проживавшіе съ великокняжѣмъ дворомъ, входя въ его составъ, были многіе не только помѣщиками, но и вотчинниками помѣстьевъ какъ около Слободы, такъ и въ сосѣднихъ съ нею уѣздахъ: Переславль-Залѣскаго и Юрьевъ-Польскаго; поименовываемъ ихъ:

Князья Шуйскіе, два брата: бояринъ (съ 1505 г.) князь Василій Васильевичъ, прозвищемъ Нѣмой, женатый на родной племянницѣ Великаго Князя Василя Ивановича, царевнѣ Анастасѣ Петровнѣ (дочери Евдокии Ивановны, сестры Великаго Князя Василя Ивановича выданной замужъ за Казанскаго царевича Кайдакула, во св. крещеніи Петра), и бояринъ (съ 1531 г.) князь Иванъ Васильевичъ, ближніе къ Василью бояре и вліятельныя лица его двора имѣли около Новой Слободы значительныя помѣстья и въ нихъ въ 18 верстахъ отъ нея обширную усадьбу на правомъ берегу рѣки Шерны, въ 3 верстахъ отъ села Семеновско-Шуйское нынѣ именуемое, въ поминѣ о своихъ бывшихъ вотчинникахъ, изъ которыхъ по писцовымъ и межевымъ на оное село съ деревнями и пустошами книгамъ (1627—31 г.), послѣднимъ былъ ихъ правнукъ, князь Иванъ Ивановичъ. Шуйской (родной братъ царя Василя Ивановича Шуйскаго) бездѣтный, и со смертію его въ 1638 г. пресѣклось къ Россіи знаменитое имя князей Шуйскихъ, а оная Семеновская вотчина (село, деревни и пустоши) по духовной его грамотѣ, отдано въ 1638 г. іюля 11 дня на поминѣ его души, въ сосѣдній и смежный Троицкій монастырь Стефана Махрицкаго (Село Семеновск.-Шуйск. *Влад. Губ. Вѣд.* 1850, № 6. *Рос. Род. книга Доморук.* I, 231—6. Указъ Госуд. Кол. Эконом. апр. 5 д. 1767 г. за № 3459 съ копіями документовъ на дачи Махрицкаго и Семеновскаго монастырей).

Князьямъ Ростовскимъ, разныхъ прозвищъ, принадлежали тоже вотчины, сохранившія частью въ наименованіи своихъ селеній свѣдѣтельство о принадлежности ихъ тому, или другому изъ угасшихъ родомъ князей Ростовскихъ, такъ потомству князя Дмитрія Ѳеодоровича Принмокъ, родоначальнику угасшихъ князей Принмоковыхъ Ростовскихъ, принадлежало въ 30 верстахъ отъ Новой Слободы

на р. Буйнкѣ (впадающей въ Богрму) село Богородское, состоявшее въ ихъ владѣніи до XVIII в., потомству князя Ивана Андреевича Ростовскаго, родоначальнику угасшихъ князей Темкинѣхъ, быть-можетъ принадлежала въ 12 вер. отъ Новой Слободы деревня Темкина, братьямъ князьямъ боярину (съ 1514 г.) Александру († 1530), и боярину (съ 1517 г.) Юрію († 1529), Андреевичамъ Хохолокъ Ростовскимъ, быть-можетъ принадлежала подъ самою Новою Слободою деревня Хохловка (*Рос. Род. Кн. изд. Рус. Стар.* 29—30).

Хабаровъ Симскій бояринъ (съ 1524 г.) Иванъ Васильевичъ († 1534 г.), отъ отца воеводы Василя Ѳедоровича Симскаго († 1484 г.) прозваннаго «образцомъ» за образцовую храбрость, богатаго боярина (съ 1474 г.), воздвигнушаго для себя въ Москвѣ въ царствованіе Ивана III каменные палаты (Москва, наданіе Мартынова т. I, 106), наследовалъ, въ 60 верстахъ отъ Новой Слободы, обширную и богатую вотчину Симу съ многими селами и деревнями, по жалованію которой, еще дѣдъ его бояринъ Ѳедоръ Константиновичъ (сынъ боярина великаго князя Дмитрія Донскаго Константина Ивановича Добрынскаго) ¹ получилъ прѣзвище «Симскій» и сталъ родоначальникъ угасшаго рода Симскихъ (*Донор. Рос. Род. кн. IV, 55*). Доньинъ въ обширной дачѣ Симской вотчины Юрьевъ-Польскаго уѣзда запечатлѣлась память объ помѣщикѣ ея Иванѣ Васильевичѣ Хабаровѣ, въ названіи медалеко отъ этой вотчины с. Радованія земляной осыпи, до сего времени по мѣстному прозвищу именующейся Хабаровъ-Симскій городокъ, расположенной въ верховьѣ притоковъ рѣки Нерли, на берегу рѣчки Симки (впадающей въ рѣку Симкину, притокъ Нерми въ 3 верстахъ къ С. отъ сел. Симы). Раскопка (*Меряне и ихъ бытъ* Уварова ст. 668) этой земляной осыпи мѣстами показала слои угля, рыхлые кирпичи, сгнившій щебень, найдемъ желѣзный ножикъ и нѣсколько черепковъ отъ разбитыхъ горшковъ; словомъ найденное намекаетъ на существованіе жила, и быть-можетъ и усадьбы Ивана Васильевича Хабарова-Симскаго, въ виду красиваго мѣстоположенія и

¹ Но его ли вотчина с. *Добрынское* (въ Юрьевъ-Польскомъ уѣзд.) недалеко отъ с. Симы; деревня *Добрынская* есть въ Покровскомъ и Шуйскомъ уѣзд., а с. *Добрынское* во Владимірскомъ уѣзд.; въ этомъ уѣздѣ есть с. *Доброе* и д. *Добрынина*; а въ Юрьевъ-Польскомъ уѣзд. с. *Добрячево*; въ Переславскомъ уѣздѣ есть село *Добрылово*.

притомъ на берегу рѣки Сямки, любившаго строить церкви даже и каменные по имѣющимъся свѣдѣніямъ (*Ист. Опис. Тр.-Сер. Лав. М. 1865, ст. 180, пр. 14*).

Сабуровы, братья Ѳеодоръ, прозваніемъ Пиньѣмъ, Семень, прозваніемъ Вислоухъ, Ивановичи дѣти Ивана Ѳеодоровича Сабурова, роднаго брата, дѣда великой княгини Соломоніи Юрьевны, владѣли вотчиною отъ Слободы въ 25 вер. нынѣ сельцо Шихово съ деревнями Рябинина, Демьянова, состоявшей до пріобрѣтенія отцомъ (Н. И. Янишемъ) настоящей владѣлицы (Е. Н. Вокачъ) въ роду Сабуровыхъ именно въ потомствѣ Семена Ивановича.

Челяднины братья: Иванъ бояринъ съ 1510 г., въ томъ же году намѣстникъ во Псковѣ, посолъ въ Казань въ 1512 г., конюшій съ 1511 г. по 1515; въ этомъ году умеръ будучи взятъ въ плѣнъ подъ Оршей, въ войну съ Литвою; и Василій бояринъ и дворецкій съ 1513 г. по смерть † 1518, были сыновья Андрея Ѳеодоровича Челяднинова († 1503), боярина съ 1495 г., и перваго конюшеннаго при Иванѣ III Васильевичѣ по своей смерти † 1503 г.; проживаетъ (до 1510 г.) за Новой Слободой около Переславля-Залѣскаго въ своемъ помѣстьѣ селѣ Первятинѣ по сказанію житія преп. Даниіла Переславскаго (изд. Свирѣл. стр. 23—24) съ матерью, женами, именно: Ивана—Елена, Василя—Аграфена (дочь князя Ѳедора Васильевича Телепнева-Оболенскаго), участвовавшими будучи вдовами на свадьбѣ Великаго Князя Василя съ Еленою, въ январѣ 1546 г. вмѣстѣ съ вдовою, брата ихъ свекра, Марією, «боярынями у постели». Андрей Ѳеодоровичъ и братья его бояринъ Григорій Ѳеодоровичъ, воевода Петръ Ѳеодоровичъ, были сыновья Ѳедора Михайловича Челядни родоначальниковъ угасшихъ Челяднинныхъ; такъ Василій Андреевичъ не оставилъ по себѣ потомства (*Рос. Род. Кн. Домор. II, Карамз. Ист. Рос. Госуд. VII, пр. 36, 40, 94, 98, 110, 125*); а у Ивана Андреевича извѣстенъ только одинъ сынъ Иванъ Ивановичъ, что у великаго князя Іоанна IV Васильевича, во время его малолѣтства, при пріемѣ Польскихъ пословъ «ходилъ въ дяди мѣсто», иначе сказать былъ дядькою (*Сол. Ист. Рос. Др. Вр. VII, ст. 3*), и неизвѣстно имѣлъ ли онъ потомство. Села Первятина ни въ Александровскомъ ни Переславскомъ уѣздахъ не существуетъ; а вѣроятно, это находящееся нынѣ въ первомъ сельцо Пересвѣтово въ 25 в. отъ города Александра и 15 отъ г. Переславля.

Бутурлины, братья—бояре (съ 1513 г.) Ѳеодоръ († 1520 г.), да Иванъ, да окольничій (съ 1513 г.) Андрей († 1534) Никитичи, и ихъ дѣти, владѣли въ 3-хъ верстахъ подъ Новою Слободою, помѣстьемъ усадьба котораго высилась на красивомъ мѣстоположеніи по крутому берегу рѣки Сѣрой, давъ тѣмъ и селу Успенскому именоваііе Крутецъ до половины нынѣшняго вѣка, состоявшаго во владѣніи Бутурлиныхъ.

Нагіе; изъ этого рода занялъ учрежденную великимъ княземъ Васи́ліемъ въ 1509 г. придворную должность ловчаго, и первымъ ловчимъ Московскаго пути былъ съ 1509 по † 1525 г. сынъ боярина Ивана Семеновича Михаилъ Ивановичъ Нагой, и сынъ его Ѳеодоръ Нѣмой Михайловичъ, участвовавшій на свадьбѣ Васи́ля съ Еленой съ 1535 г., занималъ эту должность до пожалованія окольничьимъ въ 1539 г., они, безъ сомнѣнія еще при великомъ князѣ Васи́лѣ, владѣли помѣстьями около Слободы, тѣмъ болѣе что она была, послѣ Волока, любимымъ мѣстомъ псовой и соколиной охоты, для забавы которой ловчій имѣлъ существенное значеніе, стоя въ главѣ ея по своему званію. Доселѣ въ нѣкоторыхъ дачахъ Александровскаго уѣзда, сохранилось названіе мѣстностей: такъ около с. Богородскаго (имѣнія г-жи Тихменевой) есть въ лѣсу урочище называемое Нагуша, около села (нынѣ деревни) Каблухова, сохранились пруды и насыпи, остатки усадьбы Нагихъ; нѣкоторыя изъ роду Нагихъ погребены въ склепахъ подъ каменною церковью погоста Благовѣщенскаго. Быть можетъ, это намекаетъ на расширеніе владѣній Ѳеодора Михайловича Нагаго, съ той поры какъ внука его (*Рос. Род. книга изд. Русск. Стар.*, стр. 236—237). Марія Ѳеодоровна (дочь окольничаго Ѳеодора Ѳеодоровича Нагаго) стала въ сентябрѣ 1580 г. седьмою женою сына Васи́лія—Царя Ивана Грознаго.

Стромиловы; еще прадѣду великаго князя Васи́лія, —дьякъ Алексѣй Стромиловъ писалъ Московскому великому князю Васи́лію Дмитріевичу (сыну Дмитрія Донскаго) вторую духовную грамоту, относящую къ 1455 г. (*Изд. Гос. Росс. V*, пр. 227). Современниками же Васи́лія были: дьякъ Ѳеодоръ Стромиловъ сторонникъ Васи́лія, за что и обезглавленъ въ 1498 г. (*Ист. Гос. Росс. VI*, стр. 171—172 пр. 444), и Стромиловъ, дворцовый, дьякъ въ 1512 г. упоминаемый (*Акты. Археогр. Экспед. I*, стр. 125), Никифоръ Стромиловъ отецъ двухъ братьевъ Юрія (въ инокахъ Герасима) и Степана погибшихъ въ Муромѣ отъ Казанскихъ Татаръ

служба въ ратной службѣ. Строиловы владѣли землями, около Юрьева Польскаго въ 50 вер. отъ Новой Слободы, значительными вотчинами: Ильинскимъ, Кузнецкимъ, Жерославскимъ съ деревнями къ нимъ.

Топорковы; изъ роду ихъ былъ постриженникъ Іосифа Волоцкаго монастыря, любимецъ великаго князя Василя, рукоположенный въ 1525 г. апрѣля 2 дня во Епископа Коломенскаго, — Вассіанъ Топорковъ (а по инымъ Топорко); къ принадлежащимъ этому роду помѣстьямъ, можно отнести, отстоящую въ 35 вер. отъ Слободы донинѣ существующую деревню Топорково.

Князья Кашины, были вѣроятно тоже вотчинниками помѣстьи около Новой Слободы, гдѣ донинѣ въ 10 в. отъ г. Александрова сохранилась память о вѣроятной принадлежности имъ селенія (въ старину сельцо) — Кашино. Изъ роду князей Кашиныхъ, потомковъ князя Василя Владиміровича Оболенскаго Каши, сынъ князь Александръ Васильевичъ Кашинъ, на свадьбѣ Василя съ Еленой, стоялъ «у великой княгинѣ вголовѣ» и внукъ князь Юрій Ивановичъ Кашинъ тогда же «несъ съ прочими одинъ изъ королевъ Великаго князя» (см. *Росс. Род. книги изд. Русс. Стар.*, стр. 10—11); братъ Александра, и отецъ Юрія, — князь Иванъ Васильевичъ Кашинъ, упоминаются вмѣстѣ съ братомъ въ 1527 г., въ числѣ поручителей по князѣ Михайлѣ Львовичѣ Глинскомъ (*Древ. Рос. Висл.* изд. 2, т. III, 54 стр.).

Годуновы, родоначальникомъ ихъ былъ потомокъ (праправнукъ) Татарскаго Мурзы Золотой Орды Чета, во св. крещеніи Захарія, именно Иванъ Ивановичъ Годунъ, родъ котораго угасъ въ началѣ XVIII в. (*Росс. Род. книга Дом. IV*, стр. 76 и 197). Изъ этого рода, первымъ на историческомъ поприщѣ является и именно въ княженіе Василя, — Василій Годуновъ (быть можетъ сынъ родоначальника) воеводою въ войны Москвы противъ Литвы (*Ист. Гос. Росс.* VII, стр. 63). Отъ Новой Слободы въ 20 в. донинѣ стоитъ село Андреевское Годуново, названное Годуновымъ, по его вотчинникамъ, въ отличіе отъ другаго около Новой Слободы по большой дорогѣ въ г. Юрьевъ Польскій, почти въ томъ же разстояніи села Андреевскаго, Государево именуемое по исконной принадлежности Государю, входя въ составъ его дворцовыхъ вотчинъ. Полагаемъ съ большою достовѣрностью, что это село Андреевское, — Годуново, жаловано было сыномъ Василя, Царемъ Иваномъ Грознымъ, въ вотчину своему любимцу — Борису Фёдо-

равину Годунову (род. въ 1552 г.) ставшему при Грозномъ Царѣ въ 1578 кравчимъ, а въ 1580 г. бояриномъ, 1584. конюшимъ, и наконецъ въ 1598 г. Царемъ († 1605 г.). Отцомъ его былъ Федоръ Ивановичъ Годуновъ, а матерью его Степанида Ивановна (въ инокиняхъ Спандулія см. *Ист. Опис. Ипатьев. монаст.* Діева стр. 9 и 76. *Цер. Ист. Мѣсяц. Троиц. Сер. Л.* изд. 2, стр. 37), а слѣдовательно, и отъ владѣнія Борисомъ Годуновымъ и получило прозвище Годуново.

Князя Глинскіе, кромѣ своего дворца и хоромъ въ Новой Слободѣ, около нея тоже надобно подгадать имѣли вотчины; до сего времени сохранилось прозвище ихъ въ селѣ Глинскомъ¹, въ 38 вер. отъ Новой Слободы подъ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ (въ 2 вер.), гдѣ погребенъ князь Михаилъ Львовичъ Глинскій (*Цер. Ист. Мѣс. Троиц. Лавр.* 40), и вотчиной того монастыря было оное село еще въ 1536 г. (*Ак. Арх. Эк.* I, 154). Махринскому монастырю около Новой Слободы, хотя по юридическимъ актамъ и продана въ 1532 г. деревня Глинково² и сельцо Полосино, но они были имѣнія Копковыхъ. Глинскіе были вѣроятно вкладчиками Махринскаго монастыря, такъ какъ въ древнемъ свѣдѣніи его, вѣроятно въ XVI в., внесены роды: Василія (отца Елены),—жена его Анна (въ инокиняхъ Анисья), сыновья: Михаилъ (во инокахъ Лаваръ), его жена Анна, Юрій и Иванъ; и Михаила (дядя Елены), сыновья его Василій (во инокахъ Прокопій) и Иванъ.

Князя Бѣльскіе: Дмитрій († 1530), Семенъ и Иванъ Федоровичи, бояре, племянники Великаго Князя Василія Ивановича (Карамз. *Ист. Гос. Рос.* VII, 92—3, пр. 304, Долг. *Рос. Род. Кн.* IV, стр. 319—320) то же вѣроятно имѣли около слободы свои вотчины; донынѣ въ Александровскомъ уѣздѣ отъ гор. Александрова (бывшей Новой Слободы) въ 17 верстахъ на дорогѣ въ гор. Киржачъ расположена деревня Бѣльково (не сокращенное ли именованіе отъ Бѣльсково?).

¹ О с. Глинковѣ см. изслѣдованія іером. Арсенія: О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицко-Сергіева монастыря, стр. 12—14 (оттискъ изъ VII выпуска лѣтописи записки Археологической Комиссіи; упоминается принадлежащемъ монастырю въ 1462—63 гг.

² О д. Глинковой см. тамъ же прим. 3, на стр. 12 того же изслѣдованія.

Путятинны князья: Любимый дядя Василіа—~~мнѣшій~~ Путятинъ (Сол. Ист. Рос. др. ср. V, 379, Карамз. Ист. Рос. Глс. VII, 80, 81, 306 и т. д.), вездѣ ему сопутствовавшій, его домашній писмоводитель, сочинитель нѣжныхъ супружескихъ писемъ, посылаемыхъ Василіемъ къ Еленѣ (Древ. Рос. Висл. изд. II, т. III, 99), вѣроятно былъ тоже поземельнымъ собственникомъ около слободы; близъ Государевыхъ селъ, и донынѣ есть въ Александровскомъ уѣздѣ въ 25 верстахъ отъ слободы Новой (нынѣ гор. Александровъ) селеніе Путятино. Если это селеніе не было достояніемъ Путятинныхъ, то могло принадлежать князьямъ Путятиннымъ (Путятичи), изъ коихъ упоминается (Долг. Рос. Род. кн. I, 136—7) въ княженіе Василія при битвѣ у Орши въ 1514 году взятыми Литовцами въ плѣнъ Русскіе воеводы: князь Петръ и его племянникъ князь Семень Ивановичъ (Карамз. Ист. Рос. Глс. VII, пр. 125). Родня князей Путятинныхъ—~~князья~~ Бабичевы—потомки князя Ивана Семеновича Бабы, имѣли помѣстья около слободы Александровой; остатками ихъ была существовавшая въ XVIII в. деревня Бабина (нынѣ пустошная пашня) въ 5 верстахъ отъ гор. Александрова, смежно съ дачами сельца Курганихи, Соколова и деревень Романовой и Машковой.

Шейны: Дмитрій Васильевичъ Шейнъ (Долг. Рос. Род. кн. IV, 217), бояринъ Іоанна III Великаго, а въ началѣ княженія Василія Ивановича убитъ въ Казанскомъ походѣ въ 1506 г.; дѣзъ сыновей его Юшка Шейнъ (въ послѣдствіи бояринъ при Царѣ Иванѣ Грозномъ) былъ довѣренный посолъ отъ Великаго Князя Василія Ивановича къ митрополиту и женѣ его Еленѣ, какъ означено въ патрѣ его письма къ ней (Древ. Рос. Висл. изд. 2, т. III, 100); въ Александровскомъ уѣздѣ въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Путятино есть смежное съ нимъ селеніе Шейно.

Князья Скопини-Шуйскіе, именно: Иванъ Васильевичъ Скопа и сынъ его Федоръ (Рос. Род. кн. II. Рус. стр. 84) были бытъ-можетъ, какъ ихъ однофамильцы, владѣльцами селенія Скопино, расположеннымъ отъ Новой слободы (нынѣ гор. Александровъ) въ 25 верстахъ, въ противномъ же случаѣ происходить это названіе селенія отъ водившихъ тамъ «скопъ», отъ которыхъ дали наименование и гор. Скопину.

Темкинны князья. Въ Княженіе Василія извѣстны потомки князя Темкина-Ростовскаго Ивана Андреевича (Долг. Рос. Род. кн. I, 207), именно князья Иванъ, Василій и Григорій Ивановичи Темкинны.

Ростовские (Карамз. *Ист. Рос. Гос. Рос.* VII, пр. 49, 123; *Курбск. сказан.* I, 125, II, 93); не было ли ихъ, или потомковъ ихъ, достояніемъ ~~нынѣ~~ существующее въ 10 верстахъ отъ слободы (нынѣ городъ Александровъ) селеніе Темкино.

Переименовываемъ перечень селеній Александровскаго уѣзда, около слободы доннынѣ существующихъ и получившихъ свое названіе быть-можетъ отъ прозвищъ; противъ каждаго указываемыхъ лицъ ихъ предковъ или потомковъ: 1) деревня Истомино—въ княженіе Василя былъ при его дворѣ толмачъ Истома малый или Григорій Истома, не разъ ѣздившій въ этомъ званіи и къ иностраннымъ дворамъ, и сообщалъ много свѣдѣній Герберштейну (Герберштейнъ. *Соч. Студ. въ Сборникъ Студ. Спб. Универ.* вып. I, стр. 16; Карамз. *Ист. Рос. Гос. Рос.* VII, пр. 172, стр. 125. Въ древнемъ синодикѣ Махринскаго монастыря (въ 16 верстахъ отъ слободы) внесенъ въ XVI вѣкѣ родъ Мамонова Истома.; 2) село Долматово—въ княженіе Василя былъ извѣстенъ богатый дьякъ Третьякъ Далматовъ (Карамз. *Ист. Рос. Гос. Рос.* VII, пр. 64, стр. 106); 3) деревня Аксенова—нѣкто Иванъ Оксеновъ, былъ посланъ отъ Великаго Князя Василя въ 1505 году извѣстить Великаго Князя Литовскаго Александра о своемъ вступленіи на престолъ (Карамз. *Ист. Рос. Гос. Рос.* VII, пр. 17); Лыкова пустошь—нынѣ (въ 215 дес.) называемъ въ княженіе Василя князя Лыковы—потомки князя Ивана Владиміровича Лыко-Оболенскаго; его сыновья, современники Василя, князья: Василій, Михаилъ, Федоръ, Иванъ Желой, Иванъ Бѣлоглазъ Ивановичи Лыковы; ихъ дѣти князья: Иванъ, Андрей Курана, Юрій (бояринъ князя Владиміра Андреевича Стародубскаго) Васильевичи, князь Романъ Михайловичъ Черныи, князь Осипъ Ивановичъ, князь Иванъ Ивановичъ Бѣлоглазовъ-Лыковъ; были и не княжескаго рода бояре Лыковы, изъ ихъ роду современники Василю: Иванъ Ивановичъ Лыковъ, воевода противъ пришедшихъ въ Рязань Татаръ и Матеей Ивановичъ, намѣстникъ въ (1535 г.) Радегостѣ *Рус. Род. кн. изд. ред. Рус. Стар.* 7—10). Не думаемъ, чтобы прозвище пустоши Лыково взято отъ лыжа, которое дерутъ съ береговъ и дннмъ.

Еще въ XIV вѣкѣ, при Великомъ Князѣ Симеонѣ Ивановичѣ, именитаго боярина Андрея Ивановича *Кобылы* (сынъ знатнаго выходца «отъ Пруссъ») —сынъ Гавріилъ, прозваніемъ *Гавша*, и его внуки: Григорій Семеновъ, прозваніемъ *Ладина* (родоначальникъ *Ладимониныхъ*), Федоръ Александровичъ, прозваніемъ *Колычъ* (родо-

начальникъ Колычевыхъ) и Иванъ Александровичъ, прозваніемъ *Хлудень* (родоначальникъ Хлуденевыхъ) безъ сомнѣнія, какъ сами, такъ въ лицѣ ихъ потомства (*Рос. Род. кн. Долгор.* III, 494—498) и именно современнаго Великому Князю Василию, имѣли вотчины въ окрестности Александровой слободы, что свидѣтельствуется сохранившимися именованиями селеній въ предѣлахъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда, именно: дер. Кобылина въ 9 вер., дер. Колычиха въ 13 вер., дер. Ладожина въ 25 вер., дер. Гавшина въ 12 вер., село Хлуденево (иначе называемое Ивановское Хлуденево) въ 20 вер. отъ гор. Александра. Колычевы, Ладыгины и Хлуденевы стояли въ числѣ служилаго люда при дворѣ Великаго Князя Василя Ивановича.

Съ водвореніемъ Василя въ слободѣ, безъ сомнѣнія, окольнее происходило и въ предѣлахъ древняго уѣзда Переславля-Залѣскаго—наибольшее приобрѣтеніе имѣній и самая раздача земель Великимъ Княземъ; всѣ поименованныя селенія сохранили въ названіяхъ своихъ прозвища (фамиліи) своихъ владѣльцевъ тамъ, если не при Василіѣ, то еще при отцѣ, и никакъ не позднѣе его сына, Царя Ивана Грознаго.

Среди этого многочисленнаго общества вотчинниковъ, входившихъ если не въ полномъ составѣ, то черезъ главъ своихъ семей въ составъ Государева двора, Великій Князь Василій Ивановичъ и проводилъ въ слободѣ время. День обычной его тамъ какъ и всегда жизни былъ хотя разнообразенъ занятіями, но онѣ-то были ежедневно одни и тѣ же. Обрядъ Государевой комнатной жизни посвящался: раннимъ утромъ молитвѣ въ крестовой, затѣмъ слѣдовалъ пріѣздъ бояръ ко двору, выходъ къ обѣднѣ въ слободскую церковь; возвратясь Великій Князь, какъ говорили тогда, «судилъ и радилъ землю» съ боярскою думою до самаго столоваго кушанья (обѣда), послѣ котораго слѣдовалъ отдыхъ до вечеренъ; послѣ обѣденнаго сна князь дѣлами уже не занимался, а шелъ, если подѣ праздникъ, то къ церковной службѣ, и послѣ вечеромъ до вечераго кушанья проводилъ время въ семействѣ или съ самыми ближними людьми. Нѣтъ сомнѣнія, что Василій и раннимъ утромъ или при сборѣ въ храмъ къ обѣднѣ оповѣщалъ или самъ навѣщалъ свою Великую Княгиню, сходясь съ нею къ столовому кушанью. Но любимое препровожденіе времени Великаго Князя Василя въ слободѣ, а тѣмъ болѣе осенью, была охота; эта потѣха начиналась перѣдко съ самаго утра и потому измѣняла обыкно-

венный порядокъ дня; ею тоже измѣняли церковныя празднества и дѣйства, а также богомольные выходы, столь верѣдкіе во время пребыванія Василія въ слободѣ, въ объѣздахъ близинѣ къ ней монастырей (Карамз. *Ист. Гос. Рос.* VII, стр. 109—110; Забѣл. *Дом. быт. Рус. Цар.* I, 289—345)

Великій Князь ѣздилъ изъ Новой слободы, по свидѣтельству лѣтописей, по заволжскимъ монастырямъ, но до далекой поѣздки за Волгу, въ свое осепованіе въ слободѣ, онъ посѣтилъ и вѣроятно неоднократно ближнія, даже сосѣднія съ ней иноческія обители; ихъ было немного, не болѣе пяти (Махрицкая, Дерюзинская, Воскресенская, Пречистенская и т. д.) около слободы; но среди этихъ монастырей, монастырьковъ и пустынь, получившихъ начало отъ подвижниковъ-инокъ Троицко-Сергіева монастыря, вліявшаго на дальнѣйшую судьбу ихъ существованія, знаменателемъ былъ *Троицкій монастырь пр. Стефана Махрицкаго*, отстоящій отъ Новой слободы (нынѣ гор. Александровъ) въ 12 верстахъ, а отъ Троицко-Сергіева монастыря въ 35 вер., на берегу рѣчки, именуемой Махрица (*Ист. опис. Махр. монаст.* 1852, стр. 1—13). Основатель его пр. Стефанъ, современникъ пр. Сергія Радонежскаго, постриженникъ Кіево-Печерскаго монастыря, прибылъ на то мѣсто во второй половинѣ XIV вѣка, гдѣ по жалованной грамотѣ Великаго Князя Московскаго Ивана Ивановича (1353—1359) и по собраніи пустожительствующей братіи, воздвигъ деревянную церковь, освятивъ ее во имя Св. Троицы, по благословенію митрополита Московскаго Алексія, рукоположившаго Степана во пресвитера и утвердившаго его же настоятелемъ учрежденной имъ иноческой обители. Въ ней пр. Стефана посѣтилъ пр. Сергій изъ Троицкаго своего монастыря и взявъ въ проводники одного изъ учениковъ Стефана, отбылъ отъ Махрицкой обители, за 15 вер., на рѣкѣ Киржатѣ, основалъ монастырь въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, оставивъ настоятелемъ онаго ученика своего Романа.

Преподобному Стефану сподобилось прозрѣть около Махрицкаго монастыря въ сосѣднемъ селеніи Юрцовѣ, подвижника благочестія, въ обывателѣ онаго Григоріѣ, съ которымъ около 1370 г. въ 60 верстахъ отъ гор. Вологды основалъ монастырь Авнежскій, гдѣ Григорія оставилъ настоятелемъ, а самъ по глаголу Великаго Князя Дмитрія Ивановича (Донскаго) прибылъ въ Москву. Промыслъ Божій споспѣшествовалъ пр. Стефану, во время пребыванія

его въ Москвѣ, обрѣсти великаго подвижника, постника и молитвенника Русской церкви; у знаменитаго окольничаго Донскаго—Тимофея Васильевича, былъ родственникъ, именемъ Козма, который по смерти своихъ благородныхъ родителей жилъ у него и былъ казначеемъ его имѣнія. Козма еще въ отрочествѣ (род. въ въ 1337 г.) возжелалъ житія иноческаго и подъ мірскою одеждою скрывалъ достоинства строгаго подвижника. Узнавъ о прибытіи пр. Стефана въ Москву и неоднократномъ его собесѣдованіи съ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, приходитъ Козма къ нему и со слезами проситъ сподобить его чина иноческаго. Стефанъ, прозрѣвъ въ немъ сосудъ благодати Божіей, рѣшился вопреки воли Тимофея, облечь Козму въ малый чинъ иночeskій и преднарекъ ему имя Кириллъ. То былъ преподобный Кириллъ Бѣлозерскій чудотворецъ († 1427 г.), основатель и игуменъ (въ теченіе 30 лѣтъ) Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, пріобрѣтавшаго въ княженіе Василія вліятельное значеніе въ духовной и государственной жизни Московской Руси, а Василія, прельщавшаго строгаю иноческою жизнью, такъ, что онъ выражалъ желаніе постричься въ немъ (*Ист. Рос. др. вр. V, 376*). Стефанъ преподавъ благословеніе глубоко его чтившему Великому Князю Дмитрію, пожаловавшему Махрицкому монастырю многія урочища, озера и рѣки, возвратясь въ обитель и подвизаясь десятки лѣтъ въ глубокомъ иноческомъ житіи, предчувствуя смертный часъ, благословя братію обители, облекся въ великую схиму, предалъ духъ свой Господу 14 іюля 1406 г., причемъ отъ тѣла его «изыде благоуханіе». Преемники Стефана начали приводить обитель въ оскуднѣніе; въ концѣ XV в. случился въ ней пожаръ, истребившій церковь, трапезу и келліи. Монастырь владѣлъ въ этомъ вѣкѣ уже вотчинами около слободы Новой, въ предѣлахъ уѣзда Переславль-Залѣскаго, такъ въ 1433 году Великій Князь Юрій Дмитріевичъ жаловалъ Махрицкаго монастыря игумена Феогноста съ братією, «что имъ далъ къ монастырю Александръ Владиміровичъ, мой бояринъ, свое село Зеленцыно въ Великой слободѣ, уѣзду Переславля-Залѣскаго (*Ак. Юр. Быт. др. Рус. I, 92; Биб. Тр. Серг. Лав. отд. III, сбор. № 531, стр. 747*). Великій Князь Василій, благоговѣя предъ памятью преподобнаго Сергія Радонежскаго, постоянно нарочно или по пути посѣщая его монастырь, чтилъ память и его собесѣдника пр. Стефана въ его княженіе, просвѣтившагося чудеснымъ видѣніемъ; въ Махрицкомъ монастырѣ жилъ нѣкій сто-

лѣтній старецъ инокъ Горсланъ, проводившій дни и ночи въ молитвѣ. Возставъ отъ молитвы, однажды ночью онъ увидѣлъ подъ дровомъ надъ могилою пр. Стефана воспламенившійся огонь; усумнясь подошелъ ближе къ мѣсту видѣнія, долго онъ молился, но свѣтъ не исчезалъ среди мрака; пойдя къ игумену своему Іонѣ повѣдалъ ему видѣніе; и тотъ взглянулъ въ оконце и воззрѣлъ огонь и вокругъ сильнѣйшій свѣтъ; собравъ братію, игумень пошелъ въ церковь и совершилъ молебное пѣніе Св. Троицѣ; а прибывшій Троицко-Сергіевскаго монастыря игумень Арсеній призналъ сіе явленіе дѣйствіемъ благодати Божіей, прославляющей праведника и надъ могилою Стефана велѣлъ поставить гробницу, покрыть покровомъ и возжечь свѣчу и повелѣлъ чтить память преподобнаго. Василиій оберегалъ Махрицскій монастырь, чествовалъ память его основателя, положившаго начало иноческому бытію пр. Кирилла и бывая въ слободѣ посѣщалъ оный, а въ знакъ своего къ нему благоволенія далъ Махрицкому монастырю по челобитію его игумена Михаила жалованныя грамоты: въ 1506 г.—на всѣ владѣнія монастыря въ Переславскомъ уѣздѣ, въ Великой слободѣ и другихъ станахъ съ освобожденіемъ отъ пошлинъ и о смѣсномъ судѣ; и въ 1508 г. запретилъ боярскимъ людямъ безъ зову прѣзжать на праздники въ монастырь и монастырскія села и деревни, такъ какъ они приходили только для бражничанія и далъ монастырю своего пристава Гридю Семенова, чтобы такихъ богомольцевъ выгонять изъ монастыря, которые по праздникамъ «учнутъ бражничать и чинить лихо» (*Опис. Махр. мон.*, стр. 15 и 28). Какъ добрый поминъ Махрицкаго монастыря о благодѣтельствовавшемъ ему Великомъ Князѣ Васильѣ, сохранилась въ синодикѣ его записъ: «Братія Махрицкаго монастыря почтили кончину Великаго Князя Василя († 1533) панихидою и обѣднею соборомъ и тогда же данъ на братію кормъ большой».

Стояла еще на древнемъ пути изъ Троицко-Сергіева монастыря въ Новую слободу, въ 30 верстахъ отъ второй и въ 10 верстахъ отъ перваго, обитель иноческая имъ завѣдываемая—*Никольскій Дирюзинскій* монастырь. Историческая лѣтопись его кратка: село Дерюзино дано въ Троицкій Сергіевъ монастырь Андреемъ Тарбѣевымъ, какъ значится въ кормовой книгѣ, и котораго прозвище донынѣ сохранилось въ названіи озера, лежащаго близъ того села. При Великомъ Князѣ Василю Васильевичѣ Темномъ, въ Дерюз(г)инѣ былъ монастырь, зависѣвшій отъ Троицко-Сергіевой

обители и его сынъ, Великій Князь Іоаннъ III, обольготилъ Дерюзинскій монастырь грамотами, данными Троицко-Сергіева монастыря игумену Спиридону (1467—1474 г.). Слѣдуя предшественникамъ и самъ покровительствуя довольно скудному состоянію Дерюзинскаго монастырька (такъ онъ называется въ грамотахъ); Василій, безъ сомнѣнія, на пути въ Новую слободу, заѣзжалъ въ него поклониться древнимъ иконамъ Николая чудотворца, да Дмитрія Селунскаго и пожаловалъ грамоты Дерюзинскому монастырю на нѣкоторыя льготы (*Цер. Ист. Мѣс. св. Тр. Серг. Лав.* изд. 2, стр. 112; *Опис. св. Тр. Серг. Лав.* М. 1865 г., стр. 170; *Ратш. Полн. собр. о монаст.*, стр. 47—48; *Акты Ар. Экс.* I, № 182 и 330 *Библ. Тр. Серг. Лав.* отд. III, сб. № 530 и 531, № 171 и 185 по описи 1854 г.). Тяготѣвшая скорбь Василія побуждала для душевнаго развлеченія и молитвеннаго ободренія надеждой, объѣзжать и въ этомъ (1528) году за Волгой монастыри: Петропавловскій, Спасо-Преображенскій и Толгскій, и около Углича Покровскій, Никольскій и Богоявленскій (*Кор. Мер. и Рост. Княж.* 212, 213, 214). Безъ сомнѣнія, въ это осенюваніе въ слободѣ, Василій ѣздилъ въ Троицкій монастырь, въ день чудотворцовой памяти (25 сентября) помолиться съ Великой Княгиней, такъ какъ любилъ монастырь и читилъ пр. Сергія, у раки коего онъ былъ крещенъ, да и посѣщать любилъ его обитель почти ежегодно и при всякомъ случаѣ. Чѣмъ порадовалъ Василія и наступившій новый годъ (1529)? Наступалъ третій годъ его супружеской жизни, а дѣтей не было, Елена упоеннаго кипучаго восторга, счастливая своимъ любовникомъ «свѣтъ князь Иваномъ княжъ Ѳеодоровичемъ», казалась Василю еще пышнѣе, роскошнѣе чѣмъ за годъ до того, когда она еще не познала князя Овчину-Телепнева Оболенскаго; Елена тогда томная роза, теперь являлась Василю вспрыснутой живительною росой. Василій и не подозрѣвалъ, что тотъ кто въ свадебномъ пиру держалъ его колпакъ, ловко теперь приставлялъ ему рога. Не тѣ помыслы осаждали Василя, никакое не только сомнѣніе, но и намекъ, не могли въ нихъ проскользнуть; онъ видѣлъ Елену веселой, еще болѣе ласкающей, постоянно его обнадеживающей родить сына и самъ глядя на нее невольно ободрялся, ждалъ возлагая все упованіе на Великаго Сердцевѣдца и Жизни подателя, порѣшивъ зимою ѣхать съ Великою Княгиней на дальній сѣверъ своего Государства, въ тамошнія иноческія обители, на поклоненіе чтимыхъ въ нихъ святыхъ и угодниковъ Божиимъ: преп. Кириллу и Ферапонту на Бѣлоозерѣ, и въ Спасо-Каменный мона-

стырь на Кубенскомъ озерѣ, и на Вологдѣ въ Вологодскихъ монастыряхъ.

Пахнуло сентябрьемъ, и также какъ въ прошломъ (1528) году, поѣхалъ съ Великою Княгиней и дворомъ осеновать Великій Князь Василій въ своемъ селѣ въ Новой слободѣ. Лѣтописи занесли такъ это извѣстіе: «Въ лѣто 7037 (1529) осеновалъ Князь Великій въ своемъ селѣ въ Новой слободѣ, а заговѣвъ по чудотворцамъ въ Переславль, да въ Ростовъ, да въ Ярославль, да на Вологду, да на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь (*Помн. собр. лѣт.* VIII, 272; Карамз. *Ист. Рос. Рос.* VII, стр. 95, пр. 383; Солов. *Ист. Рос. др. вр.* V, стр. 375; Татищ. *Ист. Рос. кн.* V, стр. 196; Арцыб. *Повѣст. о Рос.* I, стр. 111; *Русская лѣтопись по Никонову списку* ч. VI, 234). Второй годъ подъ рядъ заносили лѣтописи, «что Великій Князь осеновалъ въ своемъ селѣ Новой слободѣ»; но въ чемъ же проходило осенованіе? Осень—дорогая пора для псового охотника, а таковъ былъ Василій; до него не было ни одного Государя на Руси, который съ тою горячностью, любовью и знаніемъ, предался соколиной и псовой охотѣ.

Еще въ 1410 г. въ духовной князя Владиміра Андреевича упоминается впервые (*Собр. Гос. Гр.* I, № 30, стр. 51) въ числѣ письменныхъ памятниковъ древней Руси, званіе одной изъ прислугъ князей—псари. Черезъ сто почти лѣтъ въ духовной 1504 года грамотѣ Великаго Князя Московскаго Ивана III, находимъ уже завѣщаніе его сыну Семену Ивановичу: «на Москвѣ сельцо Луцинское и съ мельницею и со псарнею» (*Собр. грам.* т. I, № 123); значитъ у Великаго Князя Ивана подъ самой Москвой была псарня и именно въ сельцѣ Лучинскомъ, и даже не «въ сельцѣ Воронцовѣ на Яузѣ, гдѣ былъ загородный княжій дворъ Іоанна III» (какъ видно изъ той грамоты); само собою разумѣется, что псарня не могла быть въ Кремлѣ на княжемъ дворѣ, по положенію палатъ князя между священныхъ соборовъ Кремля Москвы. Слѣдовательно заключать изъ этого смѣло можно (*Что желат. для Русск. Ист.* 76) что Великій Князь Московскій Василій Ивановичъ, сынъ Ивана III, не первый завелъ псовую охоту, какъ предполагаетъ Карамзинъ (*Ист. Рос. Гос.* VII, 182; Реут. *Псов. охот.* I, 50); когда уже отецъ его Иванъ III, быть-можетъ подражая западу, гдѣ въ средніе вѣка въ цѣлой Европѣ псовая охота была одною изъ важныхъ забавъ современныхъ ему Государей, и самъ расши-

рѣлъ псарный дворъ свой, увеличилъ составъ псарни, предаваясь на досугѣ и псовой охотѣ; тѣмъ болѣе, что въ царствованіе Іоанна встрѣчаемъ уже званія слѣдующихъ придворныхъ чиновъ: ловчаго, конюшеннаго, сокольничаго, ясельничаго и т. д. (*Ист. Рос. др. вр.* V, 197; *Ист. Рос. Гос.* VI, 214); подражая своему господину Великому Князю и бояре его двора держали при себѣ псарей и прочую прислугу для охоты; такъ въ завѣщаніи важнаго при немъ сановника князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, упоминаются слѣдующія названія служащаго при немъ люда: стрѣлка, трубника, псарей, угятника, сокольника и т. д. (*Ист. Рос. др. вр.* V, 197).

Василій Ивановичъ Великій Князь и Государь Московскій, въ лѣтописяхъ исторіи древней Руси и Московскаго Государства, по истинѣ являетъ собою образецъ страстнаго, истаго, исключительно псоваго охотника, и съ нимъ уже въ быту древне русской жизни и въ сохранившихся ея памятникахъ, почти исчезаютъ слова: ловъ, ловля звѣрей и ловчій путь, замѣняясь словами: травля звѣрей и псовая охота; имъ же къ составу существовавшихъ и при немъ придворныхъ чиновъ увеличенныхъ его отцомъ, прибавленъ чинъ оружейничаго (*Ист. Рос. др. вр.* V, 391).

Собаки употребляемыя Василиемъ для охоты были и борзые, и по имѣющимся свѣдѣніямъ наиболѣе другихъ имъ любимыя (что жел. для *Рус. Ист.* 75). Русскія борзые собаки были извѣстны тогда и въ Европѣ, имѣясь при дворахъ знаменитыхъ его современниковъ; такъ Христіанъ II король Датскій въ 1519 г. послалъ королю Французскому Франциску I борзыхъ собакъ Русской породы, вывезенныхъ изъ Россіи или точнѣе по тогдашнему выраженію—Московскаго Государства (что желат. для *Русск. Истор.* 77, 79—80). Обычай дарить птицъ отъ Московскаго Государя иностраннымъ былъ, вѣроятно, съ Василія примѣненъ и къ собакамъ; это тѣмъ болѣе становится вѣроятнымъ, что въ то время псовая охота была существенно и пріятнѣйшею забавою вѣнцеславцевъ тогдашней Европы, къ тому же Василию представился случай: въ 1517 г. онъ заключилъ съ этимъ Датскимъ королемъ Христіаномъ II торговой договоръ (*Ис. Гос. Рос.* VII, 56), при предъявленіи котораго послалъ вѣроятно съ Датскимъ посланникомъ въ знакъ дружбы, на прославленіе своей любезной утѣхи породистыхъ борзыхъ собакъ; собака и тогда принималась какъ символъ дружбы. Охотничьи лошади для выѣзда и гоньбы при

псовой охотѣ были статные аргмаки и пригоняемые Нагайцами и Татарами.

Княжья потѣха разнообразилась: *псовой охотой* на зайцевъ, чаще всего, нерѣдко на медвѣдей и волковъ и другихъ звѣрей, безъ сомнѣнія содержавшихся въ великокняжескомъ *зѣтриницѣ*; были у князя въ обычаѣ *заячьи садки*, выпускомъ ихъ при незадолговой охотѣ; охота на зайцевъ производилась кромѣ того и соколами; *медвежь поле* бой охотника съ медвѣдемъ, потѣха, нерѣдко переходившая въ *травю медведя*, громадными собаками, употребляемыми наблюдательными иностранцами—меделянскимъ волкодавамъ; и все это происходило, кромѣ псовой (разумѣется полевой) охоты, въ нарочитыхъ *затренихъ зѣтринныхъ* огороженныхъ мѣстностяхъ, то гладкой, то поросшей, смотря по роду той потѣхи, которою Великому Князю хотѣлось себя повеселить.

«Послѣ жатвы» повѣствуетъ Герберштейнъ (*Запис. о Моск.* пер. Анон. 119) «князь тѣшился охотой на поляхъ около Переславля» точнѣе выражаясь около слободы, состоявшей въ Переславскомъ уѣздѣ; Новая Слобода возникшая, быть можетъ изъ нѣкогда стана ловчаго пути, была весьма благопріятнымъ, обильнымъ для таковой потѣхи, мѣстомъ пригожимъ ухожіемъ.

Завечерѣло. Въ лощинѣ недалеко отъ Слободы, среди дикаго величія мѣстной природы, разлилось большое круглое озеро (Дичковское); водяная зыбь его была словно изъ вороненой стали, отъ него широкимъ клиномъ вдавилось болото въ вѣковой боръ. Надъ болотомъ всплываетъ и стелется тонкій вечерній паръ... тихо, тепло, пустынно, таинственно... кругомъ ни звука, ни шороха... только заблѣкъ время отъ времени затянетъ свою печальную заревую пѣсню, да запоздалый чирокъ просвиститъ крылами надъ чащей и свалится опукой въ темную гладь озера. Выглядывать сталъ мѣсяцъ лѣпясь къ макушкамъ сосны... Сидитъ княжій ловчій Борисъ Васильевъ Дятловъ на пиѣ, и прислушивается, но, чу.... направо у плѣса, что-то шуркнуло, преснуло... чу, зарычала «старуха» волчица, грызнула одного, пискнулъ другой... разсыпались, зашлепали, взвизгнувъ еще одинъ тонкій голосокъ и, вслѣдъ затѣмъ мирная хода, словно телокъ побрелъ по мелководью, ближе и ближе... прилпъ ловчій къ соснѣ, глядитъ, чуть дышитъ... вышла! встряхнулась, постояла, прислушалась, пошла... «незамай обси-дятся» думаетъ ловчій и садится у сосны. Просидѣвши свое время, онъ приложилъ ладони ко рту и воетъ «старухинимъ» голосомъ;

у плеса заворошились волчата, одинъ взбрезнулъ, двое отозвались, а на той сторонѣ болота (гдѣ нынѣ роща Волковоина въ дачахъ сельца Курганихи къ сельцу Струнину) загудѣлъ пересторокъ «ладно» взвылъ опять, подхватили всѣ въ разъ и зашлепали по болоту прямо на голосъ... вотъ, одинъ по одному вышли на луговину и принялись кататься и играть, теребить другъ друга... а ловчій глядитъ да шепчетъ разъ, два, три, первой, другой, семеро! ладно! Поиграли волчаты и ушли; пошелъ и ловчій Дятловъ кругомъ болота оглядывать по зорѣ тропу.

Залѣсье отъ самой Слободы тянулось на десятки, доходившіе до сотни поприщъ, разверстываясь къ Переславлю, Ростову, Угличу и рѣкамъ Волгѣ, Дубнѣ, Клязьмѣ и Нерли сплошнымъ густымъ лѣсомъ—боромъ. Черезъ непроходимую чащу его, только просвѣчивала большая дорога въ Переславль, и далѣе на Бѣлоозеро, да мѣстами торныя пути въ ближнія селы и деревни разлившихся на его окраинахъ, или раскинувшихся посреди его значительнымъ жиламъ. Природа Залѣсья отличается вообще скромною красотою, величіе лѣсовъ его заключается въ простотѣ формъ, нѣкоторой правильности, бросающейся съ перваго раза въ глаза; тутъ мало рѣзкаго, необыкновеннаго; сочетаніе размѣровъ, начертаній не представляетъ сложности. Дремучій лѣсъ, являя тамъ красоту мѣстной природы, изобилуя какъ хвойною, такъ и лиственной порослью. Скучна, вѣчно однообразна мрачная зелень преобладавшего тамъ краснолѣсья или сосны да пихты развѣивающаго здоровый воздухъ насыщенный смолистымъ запахомъ; казистѣе развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза; попригляднѣе ея росла стройная, кудрявая, круглолистная, сладкодушистая въ цвѣту, не ярко, а мягко зеленая липа, прикрывавшая своими лубьями и обувавшая своими лыками окольный сельской людъ. Особенно въ немъ коренасть, крѣпокъ, высокъ, и могучъ въ нѣсколько обхватовъ толщины вѣковой дубовой лѣсъ. Чернѣя издали, стоялъ высокій, вѣковой, темный, почти дѣвственный лѣсъ; глушью какой-то вѣяло отъ этого зеленого могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ мракѣ и тиши и поражающаго дикою красотою своего величія. Пуста и безмолвна эта лѣсная глушь. Невольно въ тяжеломъ раздумьѣ остановится въ немъ прохожій, затуманится помысль, и въ памяти оживаютъ всѣ страшныя преданія и суевѣрныя сказы... да не безопасенъ былъ и путь... На дорогѣ между Москвою и Переславлемъ (по сказанію житія пр. Данила Переславскаго)

грабилъ атаманъ разбойничьей шайки какой-то Воронокъ. Въ иномъ мѣстѣ, среди этого вѣковаго лѣса, медленно струящійся ручей, неожиданно пересѣкаетъ и безъ того уже трудно проходимую тропинку. За ручьемъ на большомъ пространствѣ тянется вязкая топь, а между тѣмъ нѣтъ ни мостика, ни жердочки, идти дальше нельзя; а по свѣжесодранной корѣ съ близъ стоящаго дерева видно, что очень недавно посѣтилъ это затишье медвѣдь, котораго чего добраго снова заманить сюда чутье лакомой добычи.

Изрѣдка небольшая поляна пересѣкаетъ сплошную гущу лѣса. Пустынно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весело, разстилается она зеленымъ испещреннымъ дикими цвѣтами ковромъ, путнику приходится пробираться цѣликомъ, держась береговъ рѣкъ, и съ величайшею осторожностью переходить отъ одной изъ нихъ къ другой; ничего нѣтъ легче какъ тамъ заблудиться, особенно если неосмотрительно пускаться по тропамъ протоптаннымъ и промятымъ медвѣдями—главными обитателями этихъ дремучихъ лѣсовъ.

Отраденъ путнику видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителинъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина, и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ; но зато мракъ его имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное: голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняется въ лѣсу, звучитъ какими-то страшными отголосками; жутко было въ томъ бору во время бури, хотя внизу и стояло затишье: деревья скрипятъ, стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ падаетъ на душу и заставляетъ застигнутаго путника спѣшить къ жилу или въ домъ.

Въ томъ бору гнѣздилась разноголосая пернатая тварь: токовали глухари да тетерева, пищали рябцы, ворковали вяхири и виттѣтюны, долбили дерево дятлы, и разныя пѣвчія птички, водилось немало гаю, залегали медвѣди, волки и зайцы, сновали бѣлки, норились лисы, куницы и горностаи, выплаживались лоси, а по протекавшимъ черезъ Загѣсье рѣкамъ водились бобры и выдры.

Вся эта сплошная лѣсная округа, рѣдѣла только за Нерлю, къ городамъ Юрьеву и Суздалю, средоточіямъ Ополецны, мешенной, за малыми исключеніями обширныхъ лѣсовъ и вѣковаго бора, представляя ширь—гладь полевого простора. По дорогѣ изъ Загѣсья къ Ополецнѣ со слободы къ Юрьеву, лѣсъ поросталъ бе-

резовыми рощами: зеленая его чаща перемежалась то вычищенною подь сельбище вырубкою, то ополцею засѣянною или хлѣбомъ, или поляною уставленною пасѣкою пчелиною, то просто пустыремъ, покрытымъ пнями и буреломомъ, топалищемъ.... на этой окраинѣ Залѣся, первобытную его дѣвственность еще въ глубокую пору сѣдую старину, порушила предприимчивость и нужда вселившаго его люда. Этотъ дремучій, пустынный лѣсъ Залѣся, служилъ не разъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей, когда бывало Татарская орда нагрянетъ къ Юрьеву или къ Переславлю.

Зимою же снѣгъ заносилъ и лѣсные тропы и поляны, тяжелыми хлопьями ложится онъ на раскидистыя вѣтви сосенъ. Въ эту пору чарующую лѣтнюю прелесть лѣса замѣняетъ печальная сонливость; все притихло, все мертво, и только иногда по бѣлой пеленѣ снѣга прослѣдить волкъ.

Докладываетъ княжій ловчій Дятловъ Государеву ловчему Московскаго пути Давыду Григорьевичу Проѣстеву, что подвыто имъ съ десятокъ гнѣздъ волчьихъ, да огляжено пять лисьихъ выводковъ, да и запримѣчено зайца-русака не мало, повѣстя притомъ и прочимъ товарищамъ ловчимъ.

Государева потѣха охоты соколиная и псовая завѣдывалась въ этотъ пріѣздъ Василя въ Новую Слободу Государевымъ ловчимъ Проѣстевымъ, въ вѣдомствѣ котораго состояли ловчіи (Кар *Ист. Гос. Росс.* VII пр. 321 и *Древ. Рос. Виз.* XX изд. 2, ч. XX) Въ ту же пору званіе Государева сокольничаго соединялось съ должностію Государева ловчаго.

Государевъ потѣшный дворъ въ Новой Слободѣ вмѣщалъ въ себѣ: сокольню съ бѣлыми и яркочерными соколами, скопами, бѣлыми и яркочерными кречетами, и сѣрыми кречетами—дикомытъ, копчиками, ястребами не рѣдко бѣлыми, и проч. хищною пернатою тварью расцредѣлявшеюся на статьи и на разряды; и псарню съ рослыми большими собаками (въ родѣ медіо(е)ляпскихъ) волкодавами, и другими красивыми съ пушистыми хвостами и ушами, вообще смѣлыми, но неспособными къ долгой гонкѣ, употребляемыми только для травли зайцевъ и курцами (не куртинки ли?) именуемыми (Гербешт. *Запис. о Моск.*, стр. 197; а Гамель въ своемъ сочин. *Англичане въ Россіи* въ XVI и XVII столѣтіяхъ Спб. 1865 г. стр. 14, полагаетъ, что слово kurtzi есть искаженное börsu).

Вокругъ нихъ жили въ отдѣльныхъ избахъ сокольники, ставейщики, кречетники, орловщики, ястребники, помытчики, щечешки и пр. по одной вескѣ, а по другой: псовники, охотники, псары, трудники, стрѣлки-лучники, утятники, вьютчики, сѣдельникъ, сапожный мастеръ, каблучешники, колоколѣшники, кузнецъ и частью брововники, словомъ, вся прислуга наряда охоты соколиной и псовой; да кромѣ того, въ ближнемъ городѣ Переславлѣ Залѣсскомъ на посадѣ жило сокольниковъ сокольникаго — пути двадцать человекъ, да для Великаго князя на звѣриную ловлю, на медвѣдей, лосей, волковъ и пр. обложены съ сохи посылать крестьяне черныхъ (его княжьихъ), вотчинниковыхъ и монастырскихъ (съ нѣкоторою льготою) селъ и деревень определенное число людей (*Ак. Ар. Эксп. I, 18, Ак. Ист. I, 172*), разверстка которыхъ въ мѣстахъ охоты дѣлалась Государевымъ ловчимъ чрезъ волостелей и посельскихъ. Вблизи на особыхъ дворахъ помѣщался Государевъ стремянной и ловчій Проѣстевъ; стоялъ дворъ Государева сокольникаго Кляпика-Яропкина, и ловчихъ: Начова, Датлова и Боблицера—Пушкина.

Со временъ великаго князя Василя Ивановича, именно въ 1509 г. выразилась въ числѣ чиновъ Государева двора должность Государева ловчаго и Государева сокольникаго: первымъ Государевымъ ловчимъ былъ Михаилъ Ивановичъ Нагой съ 1509 по 1526 г., а первымъ Государевымъ Сокольникимъ Михаилъ Кляпикъ-Яропкинъ (*Древ. Росс. Вивл. изд. 2, т. XX. Карамз. Ист. Росс. Гос. VII пр. 14 и 40*). Чинъ ловчаго равнялся съ стряпчимъ съ ключемъ, хотя и доходилъ иногда до окольникаго; но только въ лицѣ ловчаго Московскаго пути,—какъ Государева стремяннаго, въ вѣдѣніи котораго состояли городовые ловчіе, такъ былъ ловчій Рязанскаго пути въ бывшемъ Рязанскомъ княжествѣ; былъ, безъ сомнѣнія, и ловчій въ бывшемъ Переславскомъ княжествѣ Залѣсскомъ, но кто именно—неизвѣстно, думали Ѳеодоръ Михайловичъ Нагой, какъ мѣстный помѣщикъ и даже вотчинникъ; въ то время сокольникій чиномъ преимуществовалъ передъ ловчимъ, хотя это званіе и совмѣщалось въ одномъ лицѣ выше стольниковъ, а эта честь принадлежала исключительно Московскаго пути Государеву сокольникѣ; были и городовые сокольничьи, такъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ (*Акты Арх. Эксп. I, 118*), которые безъ сомнѣнія, имѣли свои ставки около Новой Слободы, и именны въ селеніяхъ усвоившихъ себѣ искони именованія птицъ соколиной

охоты, такъ полагаемъ ставки въ селѣ Соколовѣ, сельцѣ Соколовѣ, сельцѣ Копценѣ, сельцѣ Скопинѣ и проч.

Повѣдалъ Государевъ ловчій Великому князю «что молъ-де звѣрья много, да измышляю и потѣхъ быть въ раздольѣ». Приказанъ княземъ—за утро и выѣздъ.

У Василя гостилъ, въ ту пору въ Слободѣ, его постоянный нахлѣбникъ, порушенный Царь Казанскій Шахъ-Али, тоже какъ и Великій князь страстный охотникъ.

Неоднократный свидѣтель великокняжьей охоты потѣхи Василя, наблюдательный путешественникъ, и правдивый повѣствователь, Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи (Пер. Аноним. въ Спб. 1866 стр. 195—199) описалъ торжественный на охоту Великаго князя выѣздъ, въ которомъ самъ былъ участникомъ; пользуясь этимъ очеркомъ, расскажемъ хотя про одинъ день охотничьей жизни Василя Ивановича, постоянно потѣшавшагося ловлею соколами и травлею собаками, въ свое оселованіе въ Новой Слободѣ.

Легкая прохолода сѣренькаго осенняго дня, при тускломъ солнцѣ на пасмурномъ небѣ, съ бродячими облаками; въ воздухѣ какая-то изгарь; судя по утреннему легкому туману, день обѣщалъ быть хорошимъ съ легкимъ бодрящимъ морозцемъ, днемъ, въ которой невольно манитъ цесоваго охотника въ отъѣзжее поле; а тамъ давно и вездѣ просторъ, и по живнѣ, и лугамъ, и въ лѣсахъ; день самый подходящій для полевой охоты къ тому и поршилъ голелянами легкій снѣжокъ,—первый пушистый ноябрьскій снѣгъ.

На Государевомъ дворѣ еще съ ранняго утра все оживилось, сновало... ѣхалъ Великій князь на любимую потѣху, въ даль отъ Слободы не то въ Залѣсье, не то въ Опольщину, того не было повѣщено.

Государевъ ловчій Проѣстевъ верхомъ на нагайскомъ конѣ, у краснаго крыльца великокняжьихъ хоромъ, съ Государевою въ скрынѣ рукавицей въ одной рукѣ и сворой въ другой—на которой рвались любимыя его борзые собаки—ожидать выхода Великаго князя Василя; для него у самаго крыльца, Государевъ конюшій князь Ѳедоръ Васильевичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій сдерживалъ горячившагося, красиваго, бѣлаго аргамака, съ

сѣткою пряденнаго золота по гривѣ, въ драгоцѣнной блестящей сбруѣ, ржавшаго и нетерпѣливо выбивавшаго копытами глыбы земли, слегка охваченной утреннимъ заморозкомъ.

На дворѣ по одной сторонѣ ожидали верхомъ на горскихъ коняхъ въ черныхъ кафтанахъ ловчіи, доѣзжачіи, стаенники, псовники, охотники, псары, грубники—съ собаками борзыми, гончими и волкодавами; а въ кафтанахъ желтыхъ: сокольники, ястребники, статейщики, помытчики и т. д. съ соколами, кречетами, ястребами, копчиками; а на другой сторонѣ держали конюхи: нагайскихъ коней, татарскихъ лошадей и горскихъ аргамаковъ, для спутниковъ Великаго князя на охоту: Казанскаго царя Шахъ-Али, бояръ и окольничихъ; и тѣснилась боярская челядь, съ собаками и соколами, содержимыми почти каждымъ изъ бояръ въ угоду Государю и на потѣху себѣ.

Вотъ вышелъ изъ своихъ хоромъ съ Шахъ-Али и боярами князь Великій свѣтелъ и ясенъ; окинувъ взоромъ собравшійся людъ, почтилъ поклономъ. На немъ ¹ опушенный бобромъ терликъ вышитый золотомъ; на головѣ его высокая шапка, по виду колпакъ, украшенная сзади и спереди ожерельями и осыпанная драгоцѣнными камнями съ развѣвающимися въ разныя стороны перьями «золото съ алмазы»; на поясѣ висѣли по обычаю два продолговатые ножа и таковой же кинжалъ; сапоги цвѣтные кожаные, расшитые золотомъ. Великій князь ловко сѣлъ на ретиваго аргамака, красиво загнувшаго свою шею, и чуя сѣдока топалъ передними ногами съ серебрянными подковами по сырой землѣ; въ рукѣ у князя была мѣрная украшенная золотомъ нагайка съ серебрянною на концѣ наголовницей; двое рындѣ, съ ногъ до

¹ Нарядъ князя такъ описанъ Герберштейномъ (*Записк. о Моск.* пер. Аноним. стр. 196 и сл. Замысловск. о Гербер. въ *Древ. и Нов. Рос.* 1875 г. № 10 стр. 142): На Великомъ князѣ былъ одѣтъ терликъ вышитый золотомъ; такъ называлась одежда похожая на узкій кафтанъ, только съ перехватами, съ короткими петлями и съ короткими рукавами; на поясѣ висѣли два продолговатые ножа и такой же кинжалъ. Сзади подъ поясомъ висѣлъ кистень, украшенный золотомъ; такъ называлась палка нѣсколько длиннѣ локтя, къ которой былъ прикрѣпленъ ремень, длиною въ двѣ пяди, на концѣ висѣла мѣдная или желѣзная шишка; «а по моему мнѣнію, соображаясь съ описаніемъ, кистень не что иное какъ то, что нынѣ называется *ногайкой*, затыкаемая за поясъ при ѣздѣ верхомъ, а при употребленіи ея надѣваемая на ручною веревочкою на кисть руки.

головы одѣтые въ бѣлое, подѣхали къ нему и встали по обѣ его стороны у стремянъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ сѣкиру съ золотой насѣчкой, а другой шестоперъ¹.

Величавъ былъ Василій на статномъ скакунѣ, не смотря на свою старообразность, при украшавшемъ его пышномъ убранствѣ; совершенно противное изображалъ подѣхавшій съ праваго его боку порушенный Казанскій царь, толстый Шахъ-Али на красивой, приземистой татарской лошади, короткошеей, и съ большою головой; сгорбясь сидѣлъ онъ, по обычаю кочевыхъ инородцевъ, въ высокомъ сѣдлѣ на короткихъ стремянахъ, подобравъ ноги въ цвѣтныхъ кожаныхъ расшитыхъ сапогахъ съ загнутыми носками. Одѣтъ онъ былъ въ халатъ яркой цвѣтной ткани, толстый, неуклюжій, съ остроконечною шапкой на головѣ, съ своеобразнымъ восточнымъ лицомъ, узкими глазами, приплюснутымъ носомъ и бородою клиномъ. За спиною у него висѣли на перекосяхъ съ лѣвой стороны налучъ, съ правой колчанъ съ стрѣлами, и кромѣ того оба саадака пристегнуты были къ опоясью.

Съ лѣваго боку давно стоялъ Государевъ стремянной и ловчій Московскаго пути Давыдъ Григорьевичъ Проѣстевъ. За Государемъ Великимъ княземъ, разсѣлись на коней вышедшіе съ нимъ: дворецкій и конюшій бояринъ князь Ѳеодоръ (Лопата) Васильевичъ Телепневъ—Оболенскій, бояре князь: Михаилъ Васильевичъ Глинскій, князья Василій да Иванъ Васильевичи Шуйскіе, князь Михаилъ Ивановичъ Кубинскій, князь Иванъ Ивановичъ Барбашинъ, князь Иванъ (Нѣмой) Васильевичъ Телепневъ-Оболенскій, князья Иванъ да Семенъ да Дмитрій Ѳеодоровичи Бѣльскіе, да Иванъ Васильевичъ Хабаровъ-Сиженскій; кравчій князь Юрій Михайловичъ Голицынъ; оружничій Никита Ивановичъ Карповъ, окольничьи: Андрей Никитичъ Бутурлинъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Карповъ и Михаилъ Васильевичъ Тучковъ.

Удумалъ ѣхать князь Великій «поглумиться» полевою потѣхой въ Залѣсѣ, и по ближнимъ около Новой Слободы Госуда-

¹ Два молодыхъ князя—одинъ держалъ въ правой рукѣ топоръ изъ слоновой кости похожій на бердышъ. (По лезу и обуху топора дѣлались серебряныя и золотыя насѣчки. *Отис. стар. Цар. ут. Саввейт. 284*); а другой держалъ шестоперъ, т. е. булаву, у которой головка была сдѣлана въ видѣ перьевъ стрѣлы (см. Гербер. *Запис. о Моск. 196* и *Замысл. 143* стр.).

ревнымъ селамъ, а въ Слотинѣ быть стану; тотчасъ посланы туда окольныйчій, постельничій да стольники съ дорожной укладной, кузницей, ставить шатры для Государева стана и ожидать его прибытія къ обѣденному столу.

Василій тронулъ коня, и за нимъ послѣдовалъ многочисленный блестящій поѣздъ (по свидѣтельству Герберштейна) доходившій до 300 всадниковъ, разумѣя, въ томъ числѣ безъ сомнѣнія и боярскихъ дворовыхъ притѣшниковъ полевой охоты.

Великій князь отъѣхалъ, — Елена осталась одна въ своемъ княжьемъ терему. Проводивъ съ верха притворнымъ ласковымъ взглядомъ горячо ее любящаго мужа, она вдалася въ думу..... Что-то заманчивое носилось въ ея воображеніи и скользящая улыбка на устахъ обличала сладостную мечту. Елена думала о «свѣтѣ князѣ Иванѣ князь Ѳедоровичѣ»; а онъ счастливецъ былъ тутъ, близъ нея, во дворцѣ, подъ однимъ съ ней кровомъ... Изъ ближнихъ боярынь Елены, — наперстница ея тайны, Аграфена Ѳедоровна Челяднина, его сестра, въ тотъ день одна только снаряжала Великую княгиню, и быть-можетъ и сообщила Еленѣ, что братъ ея остался для домашняго обихода....

Обрадованная вѣстью спѣшить Елена въ брусняную столовую избу, и застаётъ тамъ его одного, птенца изъ «дѣтей боярскихъ», быть-можетъ состоявшаго уже при великой княгинѣ... Сердце сердцу вѣсть подаетъ... и два молодыхъ влюбленныхъ существа, полныхъ жизни и огня, слились въ горячій поцѣлуй.

Елена, у себя въ постельной избѣ, покоится на лебяжемъ пуху, вся словно въ тряпавицѣ, то холодаетъ, забѣгаетъ мурашками по бѣлому тѣлу, то словно огнемъ его опалить... Таинственный полумракъ постельной избы невольно навѣваетъ томящую тоску; не недугомъ одержима Елена, — немоготно ей ожиданіе милаго дружка.

Насталъ въ государевыхъ хоромахъ обычный часъ послѣобѣденнаго отдыха; и старъ и младъ и верховая боярыня — сѣнная дѣвушка спѣшать вздремнуть; осталась у княгини дневать Аграфена, и ту обычное время клонить ко сну.

Горя нетерпѣніемъ, Елена мечется на ложѣ, полуобнажена, полуприкрыта, полна кипучаго восторга и ненасытной жажды наслажденій... Тихо крадется красавецъ князь къ воркующей го-

лубкѣ, тѣню мелькнулъ онъ въ сѣняхъ, опасаясь зоркихъ глазъ, быть-можетъ еще несмежившихъ очей, боярыней и дѣвицъ, татью проскользнулъ онъ въ ложницу, и замеръ на ложѣ страсти и стыда въ объятіяхъ той, чье сердце вѣдомо только ему, и чье гордое чело поникло только передъ нимъ.

Иstekъ порывъ восторженныхъ мгновений... задолго до сумерекъ разстались влюбленные... Постоянный возвратъ жужа къ вечеру съ полевой потѣхи, лишалъ счастливецъ прокоротать ночь эту вѣрную подругу, и таинственную спутницу любовныхъ свиданій.

Проѣхавъ три и даже до пяти поприщъ, начиналось обычное Великаго Князя отѣзжее поле. Прибывъ на мѣсто, Государевъ стреминной и ловчій Проѣстевъ, по приказу Василія вдѣвъ ему рукавицу, вручилъ и свору съ парюю борзыхъ, примѣру его послѣдовали рядкомъ ставшій Шахъ-Али, бояре, окольничьи державшіе по многу собакъ, не смотря на увѣщанія духовенства (современныя обличенія митрополита Даніила) «кый ли же прибытокъ ти есть надъ птицами дни изнуряти, каа жъ ти нужда есть псовъ множество имѣти, каа жъ тебѣ похвала будетъ на позорища ходити»... Длиннымъ рядомъ стали около ста приспѣшниковъ, половина псарей, а другая сокольничьяго наряда. Тихомоломъ за порослью лѣсною разиѣстились всадники, наблюдая, чтобы не ушли добычи. Никому не позволялось спускать прежде Шахъ-Али.

Князь крикнулъ Проѣстеву начинать полевую потѣху, и тотъ стремглавъ скачетъ во весь опоръ къ ловчимъ: Дятлову, Бобрищеву и Нагому съ Государевымъ словомъ. Пошла доподлинно потѣха: звучными переливами позывистаго охотничьяго рога огласилось Залѣсье, и стая паратыхъ гончихъ съ чуднымъ созвучіемъ повела звѣря извилистыми лазами на обширныя поля, съ крикомъ, гайканьемъ, мчались страстные охотники на рѣзвыхъ коняхъ, со сворами удалыхъ борзыхъ псовъ, по гонамъ шири-глади необозримой опольщины; крикъ, гайканье людское, тявканье гончихъ, порсканіе все дружно несло за утекавшимъ волкомъ.

Обрамленная, съ обѣихъ сторонъ двумя отрогами лѣса, поляна, вдавалась мысомъ въ непроницаемую чащу ельника, подъ сѣнью котораго поставлены были шатры; большой, просторный, пестрѣвшій заметомъ подбитымъ цвѣтнымъ ковромъ для Великаго Князя, другой для Шахъ-Али, третій для Государева ловчаго и сокольничаго; остальнымъ столько же для бояръ и окольничьихъ

и Государеваго путевого обихода: постельнаго, кормоваго и сытнаго. То былъ Государевъ станъ подъ его селомъ Слонинымъ. Утомившійся, раздобръвшій Василій, при полуденномъ зноѣ, вовсе не осенняго дня, радъ былъ проникнуть подъ прохладную сѣнь шатра.

Когда всѣ обычнымъ порядкомъ разошлись по шатрамъ, Князь, вошедши въ свой, переѣнилъ одежду и приказалъ созвать на столованье Царя, Шахъ-Али и ближнихъ бояръ.

На высокомъ, столѣцѣ обложенномъ слоновою костью, возсѣдалъ Василій; вправо отъ него сидѣлъ сгорбась тучный Шахъ-Али, а съ лѣвой ближніе бояре; на столѣ стояли сласти и питья: варенья изъ кишнеца, анису и миндалю, орѣхи, миндаль и цѣлая пирамида изъ сахару; сыченый медъ и бархатное пиво, да праздничная брага; столъники подавали яства Государю да Царю, чашники разносили питья. Государевъ крайчій, князь Юрій Михайловичъ Голицынъ подносилъ Государеву чашу Великому Князю, милостиво посылавшаго ее Шахъ-Али да князьямъ Шуйскому, Оболенскому да Бѣльскому. Послѣ столованія слѣдовалъ отдыхъ, и вмѣсто столѣца отодвинутаго въ уголъ про Государево здоровье приготовлена постель на лебяжемъ пуху, его Государевымъ ложничнымъ или постельничнымъ Буруновымъ; на стражѣ у входа въ шатеръ стали спальники.

Кое-гдѣ виднѣлись на опушкѣ, еще нѣсколько шалашей наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей и соломы, попонъ и войлоковъ; около нихъ на разосланной въ разныхъ мѣстахъ соломѣ лежали борзые или туго свернувшись, или на всемъ боку нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталые ноги. Весь станъ полевой потѣхи замеръ крѣпкимъ сномъ.

Недологъ былъ отдыхъ. Оповѣщенъ трубнымъ гласомъ выѣздъ.

Пробудилось кочевье. Псари и конюхи поочередно выползали, то изъ среды борзыхъ, то изъ чашей; лошади потихоньку ржали, постукивая копытами; собаки тоже учуяли рогъ; то вдругъ какая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ сдѣлавъ нѣсколько круговъ на мѣстѣ, ложилась снова, и свертывалась клубкомъ; эти перекладки на другой бокъ, сопровождались неизбѣжнымъ рычаніемъ одной или обѣихъ сосѣдокъ, иныя изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ явнымъ намѣреніемъ къ грызнѣ; за-

тѣвалось общее ворчаніе и только голосъ псовника: «Но! въ свалку» водворялъ спокойствіе. Изъ шатра Проѣстева вышла красивая борзая, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре ноги, мощно встряхнулась, загремѣвъ серебрянымъ наряднымъ ошейникомъ, и замотала хвостомъ, направляясь къ Государеву шатру. Этотъ песъ весь въ завиткахъ половой масти Государевъ любимый густопсовой борзой кобель, ладистая, молодая, пылкая собака, осаживавшая матерую лису съ первой гонки.

Мгновенно ожилъ станъ, поляна покрылась всадниками со сворами борзыхъ собакъ; Проѣстевъ подлавливалъ съ псарями Государевыхъ борзыхъ на свору; полсотни гончихъ Государевой стаи въ кучкѣ, три ловчихъ съ рогами на перевесяхъ, стояли поодаль; а впереди тѣ всадниковы, что держали на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ серебряныхъ муромскимъ кляпышахъ—соколиный нарядъ—охочую пернатую тварь: нарядныхъ соколовъ, кречетовъ, ястребовъ, кончиковъ, въ вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками бархатныхъ кlobучкахъ съ бубенчиками и колокольчиками на шейкахъ.

Вышелъ Великій Князь и указалъ потѣху соколиною ловлею да концовою добычею въ обычныхъ ставкахъ Соколовъ и Концовъ, на обратномъ пути въ Слободу.

Красное солнышко закатилось на ночной отдыхъ. Быстро гасла вечерняя зоря на верхахъ деревьевъ, и подходящія украдкой сумерки наполняли лѣсъ сгущающеюся мглою; а полный мѣсяцъ высоко стоялъ на темноглубомъ небѣ, обливая серебристымъ свѣтомъ, Слободу да Государевъ дворъ, который и при наступившей ночной темени затѣйливыхъ зодчествомъ своихъ хоромъ, казался какимъ-то причудливымъ, сказочнымъ... Всѣ зданія и самая гора, облитые звѣздочнымъ и луннымъ свѣтомъ кажутся яркѣлыми и выдѣляются какъ-то особенно рѣзко въ темной синевѣ неба.

Шумно, весело близился Князь Великій изъ своей полевой прохлады, натѣшившись въ раздольи по своимъ Государевымъ вотчинамъ въ волю и псовую травлю и соколиною добычею; слышно было, какъ дружная ватага приспѣшниковъ ловчаго и сокольниковъ пути, тѣшили Василя съ лихимъ присвистомъ, и удалымъ выгаркиваніемъ, пѣсней разухабистою; тонкіе подголоски ея долго еще развилисто звенѣли, и дрожали въ чуткомъ, ночномъ, морозно

ясномъ воздухѣ, и все дальше... все тише... уходило, теряясь и тая гдѣ-то тамъ за горой.

Все тихо, все мертво, рѣка несетъ плавно и спокойно свои воды, лишь тамъ гдѣ-то около мельницы слышится легкій водопадъ. Ни души не видно; ни въ одномъ дворѣ, на дворской улицѣ не видно и свѣта, все спало... за то въ Государевыхъ хоромахъ не смыкала очей все еще взволнованная Елена, и въ постельной избѣ теплился для Василя привѣтный огонекъ.

Не въ одной охотѣ съ соколами, и травлѣ собаками, протекло «осенованіе» въ тотъ годъ въ Слободѣ.

«Осенью того лѣта (7037) придоша къ Великому Князю послы Казанскіе отъ царя Казанскаго Сафа-Гирея въ Нову Слободу, отъ Табай-князь да Дана-князь, да Обреимъ-Бакшей¹, и говорили и били челомъ Великому Князю о томъ.... что царь хочетъ «передъ Великимъ Княземъ исправится.... и Князь Великій.... Казанскихъ пословъ отпустилъ» (*Пол. собр. Лѣт.* VIII, 272; VII, 222. *Истор. Росс. Госуд.* VII, пр. 302 и 306. Татищ. *Ист. Росс.* V, стр. 196; Арцыб. *Повѣст. о Рос.* I стр. 111; Щерб. *Ист. Росс.* V, 512 *Рус. Лѣт. по Ник. Спис.* VI, стр. 234). Въ Москву были отпущены лукавые Татары, ждаты исправы вѣроломнаго царька ихъ передъ добрымъ и для нихъ великодушнымъ Великимъ Княземъ Василюмъ. Въ какую именно пору осени были послы въ Слободѣ? По повѣствованію лѣтописей и выводовъ историковъ (Карамз. VII, пр. 306) съ достовѣрностію можно полагать въ первыхъ числахъ ноября 1529 г.

Посѣщеніе Великаго Князя въ его Новой Слободѣ архіереемъ Сарскимъ Досифеемъ и Чудовскимъ архимандритомъ Іоною (Карам. VII, пр. 277 и *Чтенія Имп. Моск. Общ. Истор. и Др. Росс.* 1847 г. кн. мартъ) и приходъ къ Василю въ Новую Слободу Казанскихъ пословъ, Татарскихъ князей, наводитъ на мысль что княжій дворъ для приѣма тѣхъ и другихъ, вышелъ изъ скромныхъ размѣровъ

¹ Около Новой Слободы (нынѣ г. Александровъ) смежно съ с. Старой Слободой, есть доннынѣ бывшее дворцоваго вѣдомства село *Бакшеево*. Поминъ ли случайный объ этомъ Ибрагимъ Бакшѣ или татарское прозвище села, слѣдъ нашествія татарщины на Переславское княжество въ XIII—XIV в. опредѣлительно нельзя выразиться. *Бакша* по словарю живаго Русскаго языка Дала татарское слово—значить старшина.

временнаго или обыденнаго пристанища княжова двора; далѣе продолжительное осенованіе по лѣтописямъ двукратное, въ дѣйствительности могло быть и ежегодное, въ особенности въ послѣднее время (такъ какъ къ записямъ таковыхъ поѣздокъ, лѣтописцы относились не съ тщательностью, внося извѣстія о нихъ случайно), осенованіе, почти побываніе, на три мѣсяца въ Слободѣ, положительно побуждаетъ подразумѣвать подѣ княжьимъ дворомъ: *хоромины*, въ которыхъ кромѣ *избъ* углубленныхъ и выдававшихся, соотвѣтственно своему назначенію, и по домашнему обыходу обыденной жизни великокняжеской четы, и мѣстахъ званія; *постельной*, *средней* да *малой повалуши*, *сѣтлицъ* да *горницъ*, *теремовъ* да *верху*, были обширныя не покоевыя палаты: *большая передняя*, *средняя* пріемная, и *столовая* древняя *тридня*, свѣтлая *тридница*, что были впоследствии: *большая повалуша* для посѣщеній пріѣзжихъ, пріемовъ пословъ, думы боярской, застольныхъ пировъ и княжьего веселья: затѣмъ далѣе были *спни*, *спинники*, *сѣтелки*, *клати*, *чердаки*—княжьи лѣтніи жилые покои; нѣкоторые изъ теремовъ имѣли быть-можетъ пристрой небольшія выимки *смотряльны*, и крытыя и огороженныя *гульбища*, съ которыхъ видна была вся красивая окрестность слободы, такъ какъ князь помѣщался *въ верху*, *въ среднемъ* *жилъ*, то для хозяйственнаго обихода помѣщеніями служили, большей частью хороменные *подклѣты*; въ нихъ были: *кладовыя* (казенки) *поварни*, *погреба*, *ледники*, *медуши* и *мыльни*; и то только тогда въ подклѣтахъ это располагалось, если тамъ не жила дворовая челядь и служилыя людишки князя.

Домашній бытъ русскихъ князей, преданія житія-бытія которыхъ завѣтно хранили, и наши цари, превосходно описаны И. Е. Забѣлинымъ, имъ и изслѣдованы постройки и составныя части дворцовъ и дворовъ.

Слободской дворецъ былъ построенъ по приказанію Василія, хотя ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ объ этомъ; ни одинъ лѣтописецъ не оставилъ потомству подробнаго описанія древняго русскаго жилища, такого описанія, которое по своей самобытности могло бы замѣнить полнѣйшій сводъ извѣстій по этому предмету; лѣтописцы не имѣли въ виду нашего любопытства и нисколько не занимались современнымъ имъ домашнимъ бытомъ по той единственной причинѣ, что этотъ бытъ былъ такъ близокъ къ нимъ, такъ извѣстенъ всѣмъ, что его не стоило и описывать.

Но по тѣмъ лѣтописямъ извѣстно, что въ 1499 г. Великій Князь Иванъ Васильевичъ вторично заложилъ дворъ свой каменный, палаты каменныя и кирпичныя и подъ ними погребы и ледники; но онъ не дождался достройки палатъ, дворецъ былъ готовъ черезъ три года послѣ его смерти, въ маѣ 1508 г. сынъ его Великій Князь Василій Ивановичъ переѣхалъ на житье въ эти новыя хоромы; званія составлявшихъ ихъ жильевъ извѣстны изъ описанія (*Древ. Рос. Вио. XIII, 5—19*) свадьбы въ 1526 г. Василя съ Еленой Глинской, именно: брусная изба столовая, съ крыльцомъ отъ нея, къ набережной палатѣ; рядомъ съ нею середняя палата (вѣроятно каменная) съ дверями сквозь къ хоромамъ великой княгини, и направо въ сѣнникъ; каменные сѣни съ дверями; въ среднюю палату, въ столовую избу и еще противъ средняго лѣстницы у рѣшетки мимо средней палаты на площадь; западная палата съ дверями, въ сѣни и на постельное крыльцо; постельная изба съ постельнымъ крыльцомъ и съ дверями: съ онаго крыльца на переднѣе переходы съ краснымъ крыльцомъ, и противъ сѣней, и къ нижней лѣстницѣ; съ постельнаго крыльца рѣшетка на дворецъ; другіе хоромы великой княгини съ крыльцами: къ Рождеству Пречистые, и заднимъ, и рѣшеткою къ хоромамъ съ повареннаго дворца; далѣе мыльня, подъ переходами нижняя рѣшетка, съ воротами подъ ними; на площадь съ дворца мимо столовой избы, другая рѣшетка, что къ Рождеству Пречистыхъ изъ дворца отъ Спаса. Кромѣ упоминаемыхъ дверей еще двери къ Благовѣщенью съ площади на паперти, другія въ паперти на крыльцо, и къ казеннымъ дверямъ, и наконецъ двери къ чердакамъ (*Доп. къ Ак. Ист. I, № 24. Роспись, кому гдѣ быти по крыльцамъ и въ дверяхъ во время свадьбы Василя*).

Шесть лѣтъ строился каменный дворъ и каменныя да кирпичныя палаты, а быстротой выстройки деревянныхъ поражаемся: такъ въ 1493 г. Великій Князь Иванъ Васильевичъ 29 іюля выѣхалъ изъ опустошеннаго пожаромъ Кремля, на Яuzu къ Николѣ Подкопаеву, поселился на крестьянскихъ дворахъ и стоялъ тамъ до ноября, а въ этомъ мѣсяцѣ переѣхалъ въ Кремль, въ новыя хоромы, выстроенныя для него на пожарищѣ; въ три мѣсяца готовы были хоромы для жилья Великаго Князя Московскаго, Государя всея Руси Ивана Васильевича, достойно именуемаго современниками и историками великимъ и великоважнымъ. Сынъ его Великій Князь Василій Ивановичъ, достойный преемникъ всѣхъ начи-

наній отца, особенно въ отношеніи новыхъ построекъ, *довершилъ* (1506) *неоконченный дворецъ*, великолѣпно украсилъ его (1508) вмѣстѣ съ церковью Благовѣщенія *на сѣняхъ*, воздвигъ два каменные храма: въ 1514 г. во имя Рождества Богородицы *на сѣняхъ*, въ 1527 г. во имя Спаса Преображенія *на дворцѣ* (посреди своего двора); въ 1516 г. *расширилъ хозяйственныя постройки*—выкопалъ по теченію Неглинной за Баровицкими воротами пруды и поставилъ каменную мельницу (Забѣл. Дом. Быт. Рус. Цар. I, 45—46).

Изложенныя свѣдѣнія о дѣятельности Василя, служатъ прочными данными къ заключенію, что Василій, безъ сомнѣнія, расширяя княжій дворъ въ Новой Слободѣ въ хоромины, позаимствовалъ изъ предшествовавшихъ: постройки въ 1505—6 г. дворца для слободскихъ хоромъ въ 1510—14 г., а изъ возсозданія (1508—14 г.) церквей на сѣняхъ и для слободской Покровской церкви въ 1514 г., которая также вѣроятно была, если не на дворцѣ (то посреди княжьей усадьбы и двора), то на сѣняхъ навѣрное. Остатками бывшаго велелѣпія княжьихъ хоромъ можно признать, хотя и съ неполною достовѣрностію, какими-то непонятными для изслѣдователя случайностями уцѣлѣвшіе въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, что въ Новой Слободѣ Александровой (нынѣ г. Александровъ) *древніе часы*. Выражаемся уцѣлѣвшіе, такъ какъ Новая Слобода Александра, по смерти Грознаго, ознаменовавшаго ее на страницахъ исторіи, печальною извѣстію, въ смутное время междоусобицъ, вытерпѣли осаду Поляковъ и грабежи Черкассъ, а потому и удивительно, что какъ могли сохраниться до нынѣ эти древніе часы. Видѣвшій ихъ еще въ ходу ученый путешественникъ (Шевыревъ. *Попѣдка въ Кур. Бѣлоз. мон.* М. 1848, кн. I, стр. 37 и 43) о нихъ сообщаетъ: надъ церковью Покрова въ башнѣ устроены часы, которые въ монастырѣ слывутъ *Русскими*; а по счету часовъ, начиная отъ заката солнечнаго, обличаютъ *Итальянское* происхожденіе; механика ихъ по наружности и устройству должно быть первоначальная; счетъ времени бываетъ какъ заходитъ солнце, значить 24 часа, а по заходженіи идетъ первый часъ, затѣмъ второй и далѣе; такъ и бьютъ они Въ старину часы дня и ночи считались отъ восхожденія до заходженія солнца и обратно. Такъ до сего времени считаютъ часы въ Римѣ. *Итальянскіе часы въ Александровѣ* въ монастырѣ, древность должна быть непременно отдаленная и даже современная Великому Князю Василю, и созданнымъ

въ Новой Слободѣ государевымъ хоромамъ, добавимъ къ очерку часовъ просвѣщеннымъ знатокомъ старины. Признавъ ихъ *Итальянскими*, онъ еще болѣе утверждаетъ наше предположеніе ихъ современности Василю, сыну, какъ выражаются лѣтописцы, Грекини или Римлянки Софїи Ѳоминышны Палеологъ, Греческой царевны воспитанной въ Италїи, и потому вкусъ ея и любимаго сына первенца Василя внесли въ новой дворецъ Московскій, а потомъ и слободской много такихъ вещей, которыхъ не знала простая жизнь прежнихъ великихъ князей, и которыя были необходимы при новомъ значенїи Московскаго Великаго Князя, какъ Государя самодержца всея Руси. (Забѣлинъ. *Дом. Б. Рус. Цар.*, I стр. 24, 42—49). Заимствованіе отъ угасавшей Византіи и вліяніе Италїи проявлялось въ княженїи Іоанна III, особенно съ бракомъ его на Софїи въ зданїяхъ соборовъ и церквей, палатъ государевыхъ, городскихъ воротъ, стѣнъ, стрѣльницъ, башенъ съ тайниками; все это быстро воздвигалось при помощи и безъ сомнѣнїя подъ руководствомъ Итальянскихъ зодчихъ, нарочно для того вызванныхъ. Слѣдовательно это проявленіе Итальянскаго вліянія могло также выразиться и заводомъ и Итальянскихъ часовъ, сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ Новой Слободѣ въ государевыхъ хоромамъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы часы въ дворцѣ Московскихъ государей были совершенною новостью въ то время: лѣтописецъ описываетъ чудные часы, можетъ-быть единственные въ то время во всей Древней Руси, поставленные въ Москвѣ во дворѣ Великаго Князя въ 1404 г.: «Князь Великій Василій Дмитріевичъ замысли часникъ, и постави его на своемъ дворѣ за церковью за св. Благовѣщенїемъ. Сей же часникъ наречется часомѣріе; за всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитывая часы ночные и денные, не бо человекъ ударяше, но человекъ видно самозванно и самодвижно, страннолѣпно нѣвако; створено естъ человекескою хитростью, преимечтано, и преухищрено» (Кар. *Истор. Гос. Рос.* V, пр. 249). Другой лѣтописецъ присовокупляетъ: часы были «чудны велики и съ луною» (*Пол. Собр. Рус. Лѣт.* VIII, 77), иначе съ луннымъ теченїемъ, какъ выражались о подобныхъ часахъ позднѣе. Мастеромъ и художникомъ этихъ знаменитыхъ часовъ былъ черпецъ Лазарь, родомъ Сербъ, пришедшій въ Москву съ Аѳонской горы. Часы стоили болѣе полутора ста рублей на тогдашнія деньги; сумма по времени весьма значительная. Лѣтописцы потому только и сохранили объ нихъ извѣстіе, что они, выходя изъ ряда обыкновенныхъ предме-

товъ, очень удивляли современниковъ. Сохранившіеся въ Новой Александровой Слободѣ въ Успенскомъ монастырѣ¹ древніе часы несомнѣнно древняго фряжскаго дѣла, искусство котораго обогащало каменный дворъ Іоанна III и сына его Василя Ивановича въ Москвѣ, а послѣднимъ безъ сомнѣнія употреблено было и въ воздвигнутомъ имъ въ Новой Слободѣ храмѣ Покрова и вѣроятно въ примыкавшихъ къ нему государевыхъ хоромахъ, въ которыхъ часникъ съ итальянскимъ часомѣріемъ напоминалъ Василю рассказы его матери о чудесахъ Италіи, а дядѣ его по женѣ князю Михаилу Глинскому—о странѣ запечатлѣвшей еще съ юныхъ лѣтъ поминъ о лучшей порѣ его преклонной жизни, полной походовъ и приключеній.

Великій Князь большую часть лѣта проводилъ по своимъ подмосковнымъ загороднымъ дворамъ, и продолжительность пребыванія въ нихъ Василя обуславливалась мѣстными праздниками въ тѣхъ селеніяхъ или ближнихъ около нихъ иноческихъ обителей, съ храмовыми праздниками въ государевыхъ селахъ, гдѣ стояли его дворы, и въ монастыряхъ наиболѣе посѣщаемыхъ Василемъ, тѣсно связаны и его по нимъ разъѣзды; по крайней мѣрѣ по извѣстіямъ лѣтописей видно, что пріѣздъ его въ села, въ свой Государевъ дворъ, и посѣщеніе монастыря приурочивалось къ мѣстному празднику, или если задолго до него прибылъ Великій Князь, то все-таки считалъ какъ бы обязаннымъ дождаться тамъ этого сельскаго или храмоваго праздника и памяти чествуемой въ ближнемъ монастырѣ, если срокъ непродолжителенъ, а къ годовымъ, двенадцатымъ, Господнимъ и Богородицынымъ возвращался въ Москву, такъ: въ селѣ Островѣ въ 1519 г. пробылъ до Петрова дни, праздника въ сосѣднемъ (въ 3 вер.) монастырѣ Никола-Угрѣша, куда въ томъ году въ маѣ и выѣхалъ изъ Москвы, а по возвращеніи въ нее жилъ все лѣто до самой осени въ селѣ Воронцовѣ на Яузѣ, гдѣ былъ только загородный княжій дворъ его отца, а Василемъ построена 1514 г. и церковь во имя Благовѣщенія

¹ Подобные древніе часы сохранялись въ монастыряхъ: Серпуховскомъ Высотскомъ и Антоньево-Сійскомъ (Строева *Царскіе выходы*, стр. 103). Если часы эти въ Успенскомъ монастырѣ въ Александровѣ несовременны Василю, то въ Слободѣ они остались памятникомъ временъ Грознаго, заботившагося великолѣпно украсить храмы своего Государева моленія и свой Царскій дворецъ; свидѣтельствомъ чего сохранилось въ Слободѣ и памятники искусствъ и художествъ ему современные, имъ въ ней введенные и въ нее собранные.

(*Ник. Лѣт.* стр. 219. Карамз. *Истор. Госуд. Рос.* VII пр. 349 и 383. *Собр. Госуд. Грам. и Договор.* I); черезъ два года, въ 1521 г., потѣшное великокняжеское село Островъ и сосѣдній съ нимъ Угрѣшскій монастырь сжегъ ханъ Крымскій Махмедъ-Гирей, подступившій къ Москвѣ (Карамз. *Ист. Рос. Госуд.* VII стр. 66, пр. 219); любимое Василиемъ мѣсто для охоты около Волоколамскаго, гдѣ былъ пользовавшійся его расположеніемъ монастырь Іосифа Волоцкаго, Великій Князь началъ Волокъ посѣщать для этой цѣли однако не ранѣе 1515 г. (т.-е. черезъ два года послѣ смерти послѣдняго Волоцкаго князя Федора Борисовича) и тамъ 1519 г. онъ пробылъ на охотѣ и возвратился въ Москву на Дмитровъ день (*Сол. Ист. Рос. др. вр.* V, 375); въ 1527 г. Великій Князь жилъ въ своемъ государевомъ селѣ Воробьевѣ до Успенья (Кар. *Ист. Рос. Госуд.* VII пр. 383). Любимыми подмосковными дворами его были въ селахъ: Воробьевѣ, Воронцовѣ и Островѣ; предпочитаемыми мѣстами его богомольныхъ походовъ, кромѣ трехъ пользовавшихся особымъ расположеніемъ Василя монастырей: Троицко-Сергіева, Іосифа Волоцкаго и Кирилла Бѣлозерскаго, были Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Ростовъ, Никола на Угрѣшѣ, Тихвинъ, Ярославль, Вологда и Кирилловъ монастырь и обители около нихъ Никола Зарайскій (Зарайскій), Можайскъ; въ послѣдній ѣздилъ и на полевую потѣху (*Сол. Ист. Рос. др. вр.* V, 375).

Въ отношеніи слободы изъ лѣтописей видно, что Великій Князь ѣздилъ туда «осеновать» и, какъ повѣствуютъ лѣтописи, основалъ въ 1528 г., а въ 1529 г. послѣ Филипповскихъ заговѣвъ, поѣхалъ на сѣверъ: значить онъ всю осень проводилъ, а можетъ-быть проѣзжая въ слободу, и послѣ чудотворцовой памяти, въ Сергіевъ монастырь (25 сентября), которую онъ посѣщалъ постоянно, по свидѣтельству лѣтописей; и иногда даже и за недѣлю или двѣ до нея посѣщалъ монастырь Троицкій «помолиться» въ немъ въ этотъ день, и послѣ сего ѣхалъ на свою потѣху или въ Волокъ и Можайскъ, или въ слободу. Въ слободѣ онъ праздновалъ мѣстный сельскій храмовой праздникъ Покрова Богородицы, въ честь коего и выстроена имъ въ слободѣ и церковь освященная въ 1514 г.; судя по сообщенію лѣтописей можно полагать, что Василій праздновалъ Покровъ день въ слободѣ въ 1528 и 1529 г., и даже можетъ-быть нарочно пріѣзжалъ Василій въ 1533 г. въ слободу, чтобы отпраздновать Покровъ день въ слободѣ (*Пол. Собр. Лѣт.* VIII, 280. *Русск. Лѣт. Ник. Спис.* VI, 250. Карамз. *Ист. Госуд. Рос.* VII пр. 383).

V.

Елена «непрадна». — Богомольные объѣзды по Заволожью и около Бѣлоозерья. — Рожденіе первенца. — Предсказанія и значенія. — Троицкій монастырскій дворъ въ Слободѣ. — Поминъ о Переславль-Залѣскомъ и Юрьевъ-Польскомъ. — Слобода забыта. — Въ Покровъ день Василиі въ Слободѣ. — Тогдашній видъ Новой Слободы. — Слобода — Государева вотчина и великокняжье хозяйство. — Селѣ Троицко-Сергіева монастыря около нея. — Инокня Софія Елена правительница и князь Овчина ея наперсникъ. — Житіе ихъ бытъе. — Смерть Елены.

Торжественный мигъ насталъ; Елена въ концѣ ноября почувствовала, что «затяжелѣла» и повѣдала мужу: что «зачревотѣла». Возрадовавшійся Василиі «заговѣвъ» (т.-е. послѣ Филиппова заговѣнія 15 ноября) спѣшить съ нею совершить заветную поѣздку на дальній сѣверъ, и лѣтописи повѣствуютъ: «въ лѣто 7037 (1529) декабря поѣхалъ Князь Великій Василиі Ивановичъ всея Руси со Великою Княгинею со Еленою по чудотворцамъ и монастырямъ молиться: въ Переславль, да въ Ростовъ, да въ Ярославль, да на Вологду и въ монастырѣхъ у чудотворцевъ въ Кирилловѣ на Бѣлоозерѣ, и въ Ферапонтовѣ монастырѣ, на Каменномъ у Спаса, къ Денисію святому на Глушницѣ, на Прилуцѣ къ Дмитрію у Спаса, въ Корнилевѣ, въ Павловѣ пустыни, и пріѣха на Вологду до Рождества Христова; а въ монастырь ѣздилъ четыре дня до Кириллова, а Рождество взялъ на Вологдѣ, назадъ ѣдучи изъ Кириллова, и милость то велию давалъ и потѣшеніе по монастырямъ и въ градъ (Вологда) попалъ, а велѣлъ молится о чадородіи, чтобы далъ Богъ *отрокъ* у него былъ, и назадъ идучи къ Москвѣ былъ въ Ярославль» (*Пом. Собр. Лѣт.* VI, 265, VII, 272, Кар. *Ист. Рос. Гос.* VII стр. 63 и 95 пр. 308 и 383. Солов. *Ист. Рос. древ. врем.* V, стр. 375. Полев. *Ист. Рус. Нар.* VI, стр. 126 и 136 *Дом. бытъ Рус. Царик.* II, 285). На пути изъ слободы въ Переславль-Залѣскомъ Великій Князь посѣтилъ въ четвертый разъ пр. Данила, какъ повѣствуетъ его житіе изд. Смирѣлина стр. 67 и 68 (*Истор. Опис. Данил. мон.* его же стр. 103), и съ княгиней, оказалъ ему особенную любовь, посадилъ его близъ себя; освободилъ, на радости, что жена зачала и по ходатайству Данила, многихъ приговоренныхъ на смертную казнь и завѣщалъ поставить его въ монастырѣ каменный храмъ во имя Живоначальной Троицы. Великій Князь тогда посѣтилъ и самаго преподобнаго въ его келіи, вкушалъ братскаго хлѣба и пилъ монастырскій простой квасъ (*Жи-*

тіе преп. Даниїла, лист. 99—100). Печаловался и въ эту поѣздку, какъ и до того неоднократно о безплодіи своемъ преп. Даниїлу, поклонился въ томъ и преподобному Кириллу чудотворцу Бѣло-озерскому; въ его монастырѣ ему такъ полюбілось, что даже располагалъ тамъ и иноческій образъ принять (*Опис. Троиц. Лавры* 80); молился и въ Троицкой обители великому предстателю за Русскую землю угоднику Божию и чудотворцу Радонежскому преподобному Сергію, устраивалъ братіи этихъ обителей «велие утѣшеніе», раздавалъ щедрую милостыню по монастырямъ, уповавшая подъ молитвенною сѣнью ихъ обрѣсти исцѣленіе все еще лежащей на его душѣ скорби и чудодѣйственнаго знаменія въ исполненіи своего съ княгиней горячаго желанія. Молилась и вся православная Русь, во всѣхъ церквахъ возносились молитвы о чадородіи Василию, который съ особенною вѣрою прибѣгалъ въ своихъ молитвахъ къ чудотворцу Боровскому преподобному Пафнутію (*Костом. Рус. Ист. жиз. мав. дѣят. в. II*, 365. *Забѣлинь Домаш. быт. III*, 286). Молитва была услышана; провидѣніе вияло стенамія и слезамъ Великаго Князя и «разверза союзъ неплодства ихъ» (*Акты Ист. I*, № 216). Пришло время Еленѣ разрѣшиться отъ бремени, и радость Великаго Князя не имѣла предѣловъ.

Еще не родился ребенокъ, а уже объ немъ заранѣе составлялись предзнаменованія. Духовные твердили, что «когда отроча во чревѣ матери растяше, то печаль отъ сердца чловѣкамъ отступаше; когда отроча во чревѣ матери двигалось, то стремленіе иноплеменной рати на царство низлагалось». Одинъ юродивый именемъ Дементій на вопросъ беременной Елены: «кого она родить»? отвѣчалъ: «родится сынъ Титъ широкій умъ» (*Карамз. Ист. Рос. Госуд. VII* стр. 95, пр. 308). За 9 дней до рожденія въ Успеневъ день служили іереи обѣдню, вовсе не вѣдая, что Великая Княгиня уже непраздна; когда на эктеніи среди обычныхъ моленій о Великомъ Князѣ и его Великой Княгинѣ слѣдовало произнести: «еще подати имъ плодъ чрева»; одинъ клирикъ внезапно, яко сномъ объятъ, возгласилъ: «и о благородномъ чадѣ ихъ», и въ изумленіи оглядывалъ другихъ служащихъ, желая узнать о имени отрока, затѣмъ опомнившись произнесъ уже обычныя слова (*Степен. книг. II*, 209, 237). Наконецъ Елена въ 7 часу ночи 25 августа 1520 г. родила сына, молитвенный плодъ—думалъ Василій, не знаемъ, такъ ли понимала Елена....; и въ часъ его рожденія, рокоталъ потрясающій, неумолкающій громъ, блистала непрерывная ослѣпительная молнія, какъ бы поколебалась земля. Небо и земля,

но свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, ужасающими знаменіями, гадательно привѣтствовали новорожденного, нареченнаго Іоанномъ «еже есть Усѣкновеніа Честныя Главы» въ честь ближайшаго ко времени его рожденія праздника Усѣкновенія Іоанна Предтечи (29 августа). Никто не вспомнилъ слово Святительское, вѣщаніе въ духѣ пророческомъ Василию патріарха Іерусалимскаго Марка: «если женишься вторично, то будешь имѣть иное чадо; царство твое наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, падутъ главы вельможъ, грады занылаютъ» (*вытисъ изъ творенія Паисія старца Оеранонтова мон. Читанія Импер. Москов. Общ. Истор. и Древ. Росс. 1847. Кн. 3, мартъ*). Не только Василій, но и вся Москва, вся его держава, по словамъ лѣтописца, была въ восторгѣ; Василій словословилъ Бога, вторила ему и Елена.. Мамкою къ новорожденному приставлена Еленой ея подручица ближняя боярыня, Аграфена Осодорова вдова Челядникова, сестра ея любовника князя Івана Федоровича Овчины - Телепнева Оболенскаго, къ которому благоволилъ и ликовавшій мужъ, не дозрѣвая въ князѣ Иванѣ тайнаго пособника брачному дѣлу... а онъ все болѣе и болѣе входилъ въ милость, такъ что въ слѣдующій (1531) годъ Великій Князь пожаловалъ его бояриномъ (*Древ. Росс. Висф. XX, 25*). Василій, памятуя, что самъ былъ крещенъ въ Троицкой обители, у мощей пр. Сергія, чрезъ десять-порожденіи дней повезъ сына въ первыхъ числахъ сентября въ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ оного игуменъ Іоасафъ Скрипичи съ благочестивѣйшими иноками окрестили младенца. Воспреемниками были монахи-освященныя: Кассіанъ Босой, собесѣдникъ Іосифова Волоцкаго, отогнѣтній старецъ его монастыря, и пр. Даниилъ Игуменъ Переславскій, прибывшій нарочно изъ Залѣся для таковой Государевой радости. Таковымъ выборомъ Василія воспреемниковъ еще болѣе утверждается увѣренность въ ходатайствѣ и моленіи предъ Господомъ пр. Пасхутія о дарованіи чада, такъ какъ оба духовные подвижники были ученики пр. Пасхутія. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку пр. Сергія, моля угодника да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ жизни. Пр. Даниилъ во время литургіи держалъ младенца на рукахъ и носилъ къ причастію св. Тѣлн. Василій не зналъ, какъ изъяснить благодарность Провидѣнію за столь великую неизреченную радость ему, Великой княгинѣ и всему Московскому государству; сыпалъ золото въ церковныя казны и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить

всѣ темницы и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ по подозрѣнію въ недоброжелательствѣ къ Гленѣ. Троицкой обители, пользовавшейся по вышеизложеннымъ событіямъ въ жизни Василя и по святости и государственному значенію ея основателя особеннымъ уваженіемъ Великаго Князя, онъ отвелъ вѣроятно тогда въ любезной ему Слободѣ мѣсто подъ дворъ монастырской, о которомъ чрезъ полтораста лѣтъ писцовая 1677 года книга Александровы Новой Слободы такъ упоминаетъ: «мѣсто пустое что бывалъ Троицкой дворъ; на томъ мѣстѣ построены дворы посадскихъ людей» (*Влад. Сбор. Тих.* 174). Не оскудѣла десница Василя и передъ притекшимъ на его радость преп. Даниломъ, совершенъ обѣтъ въ послѣднее посѣщеніе его Великимъ Княземъ данный: посреди его монастыря въ 1530 г. начать воздвигаться обширный соборный каменный храмъ, оконченный въ 1532 г. и освященный во имя Живоначальной Троицы съ придѣломъ въ память Предтечи и крестителя Іоанна, усѣкновенія честныя его главы, тезоименитаго дни первенцу сыну Василя (*Истор. опис. Данил. монастыря* 21; *о началѣ и устройствѣ Данил. монастыря* Свирѣл. 69). Не забыть въ эти дни счастья и радости и Юрьевъ градъ: и тамъ среди обители Архангела Великій Князь Василій построилъ церковь деревянную во имя Архистратига Михаила съ придѣломъ въ честь дивнаго Пророка Ильи (*Влад. Сбор. Тихон.* 92). Залѣсье и Олощина славословили Василя. Если въ нихъ воздвигались храмы, то Москва, украшалась ими мгновенно: Василій, исполняя свой обѣтъ, данный передъ рожденіемъ сына первенца, въ 1531 г. поставилъ въ августѣ обידенную церковь обѣтную на старомъ Ваганьковѣ, въ память усѣкновенія главы Іоанна Предтечи тезоименитому дню его сыну Іоанну; Василій самъ первымъ началъ работать, «заложилъ ее собственными руками», а за нимъ плотники; церковь выстроили въ одинъ день и въ тотъ же самый день освятили; Великій князь присутствовалъ съ семействомъ, боярами и множество народа (*Ист. Гос. Росс.* VII, пр. 383. *Ис. Рос. д. вр.* V, 437). Забыта была одна только любимая его Слобода, ее не почтилъ онъ никакимъ поминкомъ, ни даже и посѣщеніемъ; и три (1530—2) года сряду ѣздилъ осеивать на мшлую свою потѣху псовую и соколиную охоту въ Можайскъ да на Волокъ-лазскій, въ ставшіе ему любезными ухажья и гоны ловчаго пути около села Колпи и прочихъ смежныхъ государевыхъ вотчинъ, куда постоянно приглашалъ въ отъѣздное поле сосѣда тѣхъ мѣстъ, брата своего князя Старицкаго

Андрея Ивановича; хотя въ эти три года и ѣзжалъ въ осеннюю пору къ чудотворцевой памяти (25 сентября) въ Сергіеву обитель, въ лѣтописяхъ читаемъ подъ «7040 (1531 г.) сентября въ 12 день Князь Великій поѣхалъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь въ день чудотворцевой памяти помолиться съ Великою Княгинею Елемою и сыномъ своимъ княземъ Іоанномъ сентября въ 17 день, въ недѣлю, и оттолѣ на свою царскую потѣху, на Волокъ, въ Можайскъ, а въ Москву прибылъ ноябрю въ 19 день (*Ист. Рос. Гос. VII, пр. 383; Татищ. Ист. Рос. К. V, 203 Арцыб. Пов. о Рос. т. I, 115; Рус. Лѣт. по Ник. Спис. ч. VI, 241*); казалось, такъ близко бывши можно бы завернуть въ Слободу. Черезъ годъ, какъ бы мелькомъ, заглянулъ онъ въ Слободу, но безъ сомнѣнія съ облюбованнымъ Великимъ Княземъ новымъ конюшеннымъ—княземъ Иваномъ княжъ Ѳедоровичемъ Овчиною - Телепневымъ-Оболенскимъ, которому «сказанъ» былъ въ тотъ годъ (1532) этотъ важный первостатейный чинъ; о побываніи этомъ лѣтописи свидѣлствуютъ: «Въ лѣто 7040 (1532) Сентября 22, въ недѣлю, выѣхалъ князь Великій съ Москвы въ Сергіевъ монастырь къ чудотворцевой памяти, Сергіевъ помолиться, а оттолѣ былъ въ Слободѣ, а на Москву пріѣде октября 3 (*Полм. Соб. Рус. Лѣт. VIII, 280; Ист. Рос. Гос. VII, пр. 383 Рус. Лѣт. по Никон. спис. ч. VI, 250; Щер. Ист. Рос. V, 529*). Княгиня не сопутствовала ему, такъ какъ ходила въ томъ мѣсяцѣ послѣдніе дни своей беременности другимъ дѣтищемъ; а потому и торопился «къ женѣ своей Оленѣ», о здоровьѣ которой «крѣпко держалъ вѣсть» и о «Иванѣ сынѣ, какъ его Богъ милуетъ» Князь Великій. изъ Слободы, отпраздновавъ по обычаю своему ея сельскій и престольный праздникъ Слободской церкви—Покровъ день (1 октября) черезъ день прибылъ въ Москву. Покидая Слободу, чуяло ли сердце Василія, что это его побываніе въ ней было послѣднее.

Минуло почти двадцать лѣтъ съ той поры какъ ее Князь Великій своей усадьбой облюбовалъ, и стала Слобода теперь выглядывать поприѣтливѣе среди живописнаго мѣстоположенія, и даже нарядною, причудливою, красивою... Въ небесной синевѣ издалека виднѣлись на верху крутой горы бревенчатая *церковь Покрова* съ шатровымъ верхомъ звонницы, и чешуйчатая съ затѣйливыми выступами и крутыми выемками кровля деревяннаго *Великокняжескаго дворца*, уже ширившагося въ палаты да хоромны, скрадывавшагося въ клѣти да горницы, суживавшагося въ крытые переходы да рѣшетчатые сѣни и высившагося въ теремкахъ,

чердакахъ и верхахъ съ вычурною рѣзбою повѣтнаго гребня, маховицъ, коньковъ, подзоровъ и вѣтреницъ. Передъ дворцомъ и одною его стороною по отлогому къ рѣкѣ склону горы разросся обширный и густой садъ, такъ что купы деревъ его въ знойный день обдавали отрадною прохладою и раскидистыми вѣтвями своими касались зеркальной зыби рѣчной запруды, разлившейся въ круглое озеро. За садомъ у кручи поветшала запустѣлая *Мамонова Слободка* съ забытыми окнами боярскихъ хороми, своихъ вымершихъ владѣльцевъ нѣкогда именитой семьи Мамонъ. На противоположной сторонѣ дворца раскинуты были дворы съ жилыми избами для Государева двора чиновъ, служилаго люда, и среди ихъ выдавался и вѣщностью и обширностью *дворъ семей князей Глинскихъ*, стоя ближе къ дворцу; между дворами лѣпились и прочія дворовыя постройки, и службы для Государевой «челюди и люднцекъ и всякаго Государева обихода и домоводства». Наконецъ за всѣмъ этимъ на горѣ цѣлый посадъ княжскихъ и боярскихъ дворовъ: дворецкаго, конюшаго, да околычмыхъ и пр. чиновъ пышнаго и наряднаго двора Василя, перенимавшаго великолѣбье и блескъ инеземныхъ государей; за рядомъ этихъ домовъ, именовавшихся *Дворскою улицею*, составляя окраину княжьей усадьбы, стояли просторные *коровій и воловій дворы*, отъ которыхъ, и около княжьей усадьбы въ сторону къ Старой Слободѣ, широко и далеко развѣтывалась *Государева десятичная пашня*, а за нею снѣжное темя уходившихъ въ даль лѣсовъ Залѣсья. Подъ горой, омываемая ея водами своими съ двухъ сторонъ, въ сѣромъ глинистомъ руслѣ невозмутимо струилась извиваясь *рѣка Стрѣя*, перехваченная для запруды не далеко отъ окраины сада, высокою плотиною у *мелницы*, мѣрный стукъ въ которой только и нарушалъ пустынное затишье по временамъ только бойко оживавшей Слободы.

Въ красивый день лучи закатывающагося солнышка золотили храмовой крестъ да верхи княжьева дворца; играли разноцвѣтными отблескомъ въ его слюдяныхъ оконцахъ косячатыхъ и узорчатыхъ и ярко отбѣняли роскошную листву липъ и березъ дворцоваго сада за *красную рощу* заповѣдную подъ звѣрнью садку. По обоямъ берегамъ Сѣрой стлался во всю ширь-гладь цвѣтнымъ ковромъ травки-муравки—поѣмные луга; отъ нихъ по взгорью *слободкою* жили *стадные кеноты*, стоялъ обширный *конюшенный Государевъ дворъ*, да его же *охотный дворъ съ сокольнею и псарнею* и избами сокольниковъ, кречетниковъ, ястребниковъ, помытниковъ, щегликовъ и т. п. по одной вескѣ, а по другой избами дов-

чихъ, псарей, псовниковъ, охотниковъ, трубниковъ, доѣзжачихъ, выжлятниковъ и т. п. За этими дворами, для обереженія на случай опаса, въ сторонѣ отъ жилья, стоялъ рядъ житницъ, амбаровъ клѣтей съ закормами, образуя Государевъ *житный дворъ*, на самой дальней окраинѣ княжеской усадьбы.

Противъ Новой Слободы и княжескаго дворца, на той сторонѣ рѣки, по крутымъ изгибамъ горы, выступалъ густою, темною чащею вѣковой сосновый боръ, сплошь росшій на нѣсколько поприщъ—поражалъ своимъ *дикимъ* величіемъ и страшнымъ, таинственнымъ, неумолкаемымъ гуломъ грохотавшаго въ немъ вѣтра глушью обдавало входившаго въ лѣсъ; жутко въ немъ становилось... Солнечные лучи, проникая въ него, причудливо и мрачно; отбѣняли его густую и безъ того темную зелень. Среди лѣснаго бора тянулся глубокий и широкий оврагъ съ живописно по немъ растущими вѣковыми соснами и развѣсистыми березами; въ немъ журчатъ холодные, свѣтлые ключи, и день и ночь въ тѣни огромныхъ деревьевъ кишитъ ихъ таинственная жизнь; все тихо, пустынно и это уединеніе, затишье обдавало невольно молчаливымъ раздумьемъ. Спускъ смежной съ оврагомъ горы обрывался осыпью-*кручей*, почти отвѣсно нависшею надъ водою. Зарѣчье, въ общемъ очертаніи, на гористой мѣстности, по красивому положенію, казалось живописнымъ видомъ.

Мимо лѣснаго бора, съ полудня на ночь, изъ стольнаго города Москвы чрезъ Новую Слободу пролегала на Великую (старую) Слободу большая дорога въ Переславль-Залѣсскій, Ростовъ Великій, теряясь въ непроглядной дали Залѣся; торный путь этотъ въ самой Слободѣ, у плетня огородовъ княжескаго дворца расходился, минуя вправѣ Государевы Коровій дворъ и воловню, другой дорогой въ Юрьевъ-Польской, древній городъ Суздаля, по шири-глади необозримой опольщины.

Выѣзжая изъ Слободы Московскою большою дорогою, взглянулъ Великій Князь въ остальной разъ на Слободу, на сельскій ея храмъ и, оѣнвивъ чело свое крестнымъ знаменіемъ, погрузился въ глубокую думу... Все, съ чѣмъ разставался онъ въ Слободѣ, церковь, дворецъ, и службы, все возникло державною его волею, ● его раченіемъ...

Василій любилъ строиться и былъ домовитъ; лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Василій не только строилъ каменные храмы да

деревянные церкви, росписывалъ ихъ, поновлялъ иконы, оклаживалъ ихъ серебромъ и золотомъ, ставилъ города, закладывалъ каменные, т.-е. стѣны вокругъ нихъ, и обносилъ срубленными стѣнами, но даже приказываетъ дѣлать вокругъ Москвы *ровъ* «каменъ и кирпичемъ» и чинить пруды, отстраиваетъ въ ней *кирпичный дворъ* и въ него переходитъ жить, копаетъ въ Москвѣ вновь *пруды* и устраиваетъ даже каменную *мельницу* на рѣкѣ Неглинной (*Пол. Собр. Лѣтоп.* III, 198; VI, 53, 247, 287; VIII, 249. Кар. *Ист. Росс. Гос.* VII; Солов. *Ист. Рос. и др. вр.* V).

Мраченъ былъ Великій Князь; вспомнулъ ли Василій объ первой своей хозяйкѣ въ Слободѣ или 'о удаломъ раздолѣ прежнихъ его въ Слободѣ осенованій, любимой его потѣхѣ, востосковался ли про нѣкогда и милую Соломониду, или тревожился за жизнь «свѣтъ Оленушки», долженствовавшей съ часу на часъ въ болѣзни *родить чадо*,— «то вѣдаетъ его грудь да подоплѣка», говоря родною поговоркою.

Семнадцать лѣтъ мирно и спокойно прожила монахиня Софія въ Суздальѣ у Покрова Пречистыя въ дѣвичьемъ монастырѣ; порывы страстей скоро стихли въ сердцѣ невольной постриженницы; женщина своего вѣка, она была благочестива, строго соблюдала уставъ иноческаго житія, безропотно переносила всю тяготу невольно принятаго обѣта, едва ли не съ подвижническою цѣлью вырыла своими руками колодезь, который до сихъ поръ указываютъ на мѣстѣ ея заточенія и, переживъ своего мужа-гонителя, его Олену—ей злую лиходѣйку, мирно почилъ сномъ праведниковъ 18 ¹ декабря 1542 г. Современники почитали ее преподобно-мученицею (*Сказ. кн. Курбскаго* изд. 2, стр. 4). Мощи ея (говоря словомъ требника) погребены въ склепѣ подъ созданною ею мужемъ Покровскою соборною монастыря церковью, и надъ ними, какъ надъ св. мощами, были разрѣшены молитвословія и служба патріархомъ Іосифомъ въ 1650 г. ² и образа ея писа-

¹ По другому источнику (Разсказъ изъ *Ист. Русск. церкви*. Гр. Толстаго стр. 375) скончалась 16 декабря.

² Грамота патріарха Іосифа, Серапіону архіепископу Суздальскому и Тарусскому въ 1650 г. о великой княгинѣ Соломонидѣ—инокинѣ Софіи, въ томъ «что Серапіонъ мощи ея свидѣльствовалъ по указу онаго патріарха, который и указалъ Серапіону надъ нею: пѣть панихиды и молебны какъ ведется по чину». Указъ этотъ хранится въ ризницѣ собора г. Суздаля (*Рус. Стар.* за 1876 г.)

лись ¹ повсемѣстно, какъ иконы святой въ 1674 г. и позже (Карамз. *Ист. Рос. Рос.* VII, стр. 132—135, 145—153, прим. 279—280; Сол. *Ист. Рос. др. вр.* V, 393—395, пр. 372—375; Полев. *Ист. Рус. Нар.* VI, 116—128; Щербат. *Ист. Рос.* IV, ч. 2, стр. 506—507; Влад. *уб. вид.* 1842 № 50; 1844 ст. Борисова; 1849 № 6; 1852 № 48; Хлеверовъ *Переч. Госуд. Русск.* № 178). Повѣствуютъ, что отъ гроба преподобной истекали чудеса (числомъ до двадцати одного) (*Сказаніе о житіи и чудесахъ благовѣрной в. к. схимонахини Софіи Суздальскія новоя чудотворицы* помѣщено въ *Истор. описан. о градѣ Суздали*; соборнаго ключаря Ананія Ѳедорова во *Временникъ Импер. Моск. Общ. Ист. и древн. Рос.* кн. 22, стр. 182—186).

Ожидаемое чадо, второе послѣ первенца Ивана, черезъ два года слишкомъ, родилось 30 октября 1532 г. въ седьмомъ часу дня, имя дано Юрій. Но въ память кого? неужели Василиій нарекъ сына въ память его дяди, а своего брата—Юрія Ивановича князя Дмитровскаго, которому Василиій долженъ былъ оставить престолъ въ случаѣ неимѣнія дѣтей, и онъ же былъ старшій изъ двухъ оставшихся въ живыхъ братьевъ Юрія Дмитровскаго и Андрея князя Старицкаго. Младенецъ крещенъ на третьей недѣлѣ у Богоявленія на Троицкомъ дворѣ Троицкимъ игуменомъ Іосифомъ и Даніиломъ Переславскимъ. На пиру были Государевы братья и всѣ вельможи (Карамз. *Ист. Госуд. Рос.* VII, пр. 312).

Василія не стало 3 декабря 1533 г., инокомъ Варлаамомъ предсталъ онъ въ міръ загробный. Новая слобода—княжья усадьба какъ и вся Русь наслѣдована его первенцомъ—сыномъ Великимъ Княземъ Иваномъ, по малолѣтству котораго правительницею стала его мать Великая Княгиня Елена, которая хотя и бывала и въ Троицко-Сергіевой обители и въ Можайскѣ на поклоненіи иконъ св. Николая чудотворца, но ни лѣтописи, ни историки не упоминаютъ, чтобы она посѣщала знакомую ей и даже быть-можетъ ею любимую Слободу; но не была она забыта, и отъ первыхъ дней княженія Ивана и правительства Елены сохранился касающійся хозяйственнаго быта Слободы—княжьей усадьбы и Госуда-

¹ Иконы благовѣрной великой княгини инокини Софіи имѣются: въ Покровскомъ дѣвичь монастырѣ (въ Суздали) въ соборѣ съ надписью на вѣнцѣ: «Софія новоявленная Суздальская чудотворица», надъ колодеземъ въ томъ монастырѣ ею вырытомъ, и во многихъ приходскихъ церквяхъ г. Суздаля, вмѣстѣ съ прочими чтимыми мѣстно святыми Суздальскими.

ревой вотчины указъ: «отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси въ Переславскій уѣздъ сытнику Ѳедкѣ Пашикову: «веле-
но тебѣ за-Кубежскую волостью крестьяны всѣми безотмѣны въ
Переславскихъ же селахъ лѣса сѣчи и въ слободу вести; и тыбѣ
тѣми крестьяны всѣми безъ отмѣны лѣсъ сѣклъ и въ слободу от-
везъ по первой моей грамотѣ, а Троицкихъ селъ крестьяны Сер-
гіева монастыря лѣсу не сѣклъ и ими не наряжалъ; а что было
Троицкими крестьяны лѣсу высѣчи и вывести въ Новую слободу,
и ты бы тотъ лѣсъ высѣкъ, и въ Новую слободу отвезъ бускутов-
скіе же волости крестьяны повытно отвезъ». Писанъ на Москвѣ
лѣта 7042 (1534) марта въ 12 день, а назади написано: Князь Ве-
ликій всея Руси. Печать на черномъ воску (Троиц. Серг. Лавры
Библиот. отд. III; Вотчин. Арх. сборн. № 531, по Пересл. Замѣтск-
грам. 144, 122 лис. Жалованная грамота Великаго Князя Ивана
Васильевича всея Руси «Троиц.-Серг. монаст. крестьян. лѣсу сѣчи
и въ Александрову слободу возить не велѣно»). А какихъ Троиц-
кихъ селъ крестьяны Сергіева монастыря этой грамотой обольго-
чены, то видно изъ другой грамоты, черезъ два гола данной отъ
14 іюля 1536 г.: «отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всея
Русіи въ Переславль прикащикомъ городовымъ Третьяку Раткову,
да дичку (?) Ярцову... Троицы Сергіева монастыря, въ Переславскомъ
уѣздѣ въ волости въ Кинель села и деревни монастырскіе, село
Снятиново (и нынѣ), да село Едигево (нынѣ деревня Гидѣво), да
село Дерюзино (и нынѣ), да село Тарбѣво (села не существуетъ,
а есть Тарбѣвское озеро и Тарбѣвскія десятины, принадлежащія
Троицко-Сергіевой Лаврѣ), да село Плясцево (не существуетъ), да
село Слабнево (нынѣ деревня), да село Бобошино (нынѣ деревня),
да село Шаратово (и нынѣ), да село Воскресенское (нынѣ деревня),
да село Вяхорево (не существуетъ), да село Воронино (нынѣ де-
ревня), да село Зубачево (нынѣ деревня), слободка Чечевкина
(нынѣ деревня Слободка, Ново-Слободка), да село Глинково (и нынѣ)
и деревни тѣхъ селъ; о неотягощеніи крестьянъ тѣхъ селъ и де-
ревень именно Кинельской волости излишними работами, какъ тянув-
шими по городовому дѣлу къ Переславлю «городни городить, да
плетень плести около города» (Ак. Арх. Экс. I, 154). Всѣ эти села
и деревни находятся нынѣ въ Александровскомъ уѣздѣ, отъ гор.
Александрова (бывшей Новой слободы) въ разстояніи 20—35 вер.

Другой конецъ былъ другой жены Василя, хотя сопровож-
давшей его гробъ съ обычнымъ плачемъ и воемъ... Жестокосер-

дая и несострадательная правительница Елена была только нѣжною, дѣтски уступчивою съ женственною страстью, въ объятіяхъ своего наперсника «свѣтъ князя Ивана князь Ѳеодоровича Овчины Телепнева...»; въ нихъ находила она самый приличный для себя отдыхъ отъ козней и злодѣйствъ. Около отрока Великаго Князя Ивана, кромѣ сестры наперсника его матери, мамки Аграфены Челядниной, «ходилъ въ дяди мѣсто», такъ-сказать дядькой, былъ ея племянникъ Иванъ Ивановичъ Челяднинъ, который даже «былъ въ кравчихъ у Великой Княгини Государыни» въ пріѣздъ къ ней въ 1536 г. царицы Казанской Фатмы-Салтанъ (жены Шахъ-Аліевой), при пріемѣ которой участвовала и Челяднина мать Елена. Елену Государыню не удержалъ отъ грѣха ни женскій стыдъ, ни санъ правительницы, ни имя матери-вдовы Государевой....., бѣгая Литвинка и осталась Литвинкой, и выѣстъ съ сердцемъ вся позорно отдалась князю Оболенскому, вручивъ ему и судьбу сына Великаго Князя, и даже державу Государеву.... До той поры происки—связь преступная (интрига), явленіе весьма обыкновенное въ западныхъ государствахъ того времени, на Руси было рѣдкостью, чтобы не сказать небывальщиной... Великія Княгини до Елены были въ глазахъ Русскаго народа образцами супружескаго цѣломудрія, дѣвичьей стыдливости, всѣхъ добродѣтелей женскихъ и такимъ образомъ эти избранницы были всегда совершенствомъ въ естественномъ и нравственномъ отношеніи.

Позорная жизнь Елены возбуждала негодованіе народное.... 3 апрѣля 1538 г. правительница, Великая Княгиня Елена Васильевна, юная лѣтами (не было вѣроятно и 30 лѣтъ), цвѣтущая здоровьемъ, вдругъ скончалась... Подозрѣвали въ отравленіи ея князя Василя Васильевича Шуйскаго, но этому вѣрить трудно. Подозрѣвать отраву въ смерти нашихъ Великихъ Князей—это отличительная черта нашихъ древнихъ лѣтописей; такъ онѣ повѣствуютъ (*Полн. Собр. Лѣт. VI, 186*), что отравлена «смертнымъ зелиемъ» первая жена Іоанна III Васильевича Марья Борисовна; рѣдкой изъ женъ князей (исключая кончающихъ жизнь инокинями) не приписываютъ смерть отъ отравы. Елену могъ постигнуть и мгновенный ударъ (апоплексія) отъ разгульной, хмѣльной жизни, крѣпко связанной съ блуднымъ ея направленіемъ засвидѣтельствованными и отечественными лѣтописями, и сказаніями иноземцевъ (Герберштейнъ, *Зап. о Москов. 165* и Петрей *Истор. о Вел. Кн. Моск. 120*). Подросталъ Иванъ, державный князь вся Руси; не

забылъ онъ Слободы; если Москва была его колыбелью, то не чужда ему была Слобода: здѣсь впервые «выигрался онъ въ утробѣ матери», въ ней, Слободѣ, было въ 1529 г. его «зачатіе», воплотившее для древней Руси и Московскаго государства Государя дотолѣ небывалаго, Царя **Ивана Васильевича Грознаго!**...

Н. С. Стромилловъ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Откуда</i>	<i>строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Читай.</i>
4	снизу	5	Челядину	Челяднину.
5	сверху	4	17	VI.
—	снизу	2	горье	волье
11	сверху	5	Непише	Нетши
15	сверху	1	Туригина.	Турыгина
16	сверху	6	Приату	Приапу
—	снизу	11	его	по
—	—	2	быта	быка
19	сверху	2	Срда	Орда
20	снизу	18	князя и князей; именно	князей и князей; такъ
21	сверху	20	Марина	Маринина
23	сверху	17	Великаго	Великая
28	снизу	6	на селеніе	поселенія
34	сверху	1	щечники	щеглки
—	снизу	7	въ	въ ихъ
35	сверху	8	загѣсьѣ	Загѣсьѣ
—	—	11	тянувшій	тянувшійся
—	—	23	путѣмъ	путями
57	сверху	2	дано	даю
—	снизу	5	Совменной	соименной
38	сверху	3	совмѣщавшими	совмѣщавшіи
—	снизу	11	народа	нарада
40	сверху	4	имѣнія	имени
—	—	9	оныя	онѣе
41	снизу	8	Рюменское	Рюминское

II

—	3	выражаясь	выражаясь
3 снизу	10	изд.	изв.
— —	11	грем. 218. Гербертъ	грамот. 218; Гербершт.,
44 сверху	11	и	къ
— снизу	5	общества	общины
— —	18	морное	мирное
46 снизу	6	Слад.	Влад.
48 снизу	7	овладѣло	овладѣвало
49 снизу	10	проявляющемуся	проявлявшемуся
52 снизу	10	выходя	восходя
57 сверху	12	оставившимъ	оставившаго
— —	13	жены волею	женъ своихъ
— снизу	13	разгорѣлася	разгоралася
59 сверху	6	деверя	деверя къ
61 снизу	7	наливаніи	налицаніи
— —	15	прельсти	прельстити
— —	18	нѣкоего	нѣкою
— —	24	стыдились	стыднись
62 сверху	16	искреннихъ	исконныхъ
— —	17	а	такъ и
— —	20	благочистивцевъ	благочестивцевъ
63 снизу	4	посольство	посольства
64 снизу 1, 2,	6	Челядникова	Челяднинова
68 сверху	5	гдѣ ему	который браку
— —	6	вали	валъ
— —	9	вѣсть,	вѣсть, великій князь
71 сверху	8	далечайшимъ	дальнымъ
74 снизу	12	Симкину, притокъ Нерпи	Салекшу, притокъ Нерли
75 сверху	4	Пиньѣмъ	Пильѣмъ
— снизу	10	II	II, 153;
— —	12	родоначальниковъ	родоначальника
76 снизу	7	Изд.	Карамз. Истор.
78 сверху	5	Спандулія	Спандулія
79 снизу	9	Ц. Рус.	изд. Рус. Стар.
82 сверху	1	ею	его
83 снизу	1	въ	Въ
— —	5	стр.	лс.
84 сверху	1	Горсланъ	Германъ
— снизу	6	Дирюзинскій	Дерюзинскій
86 сверху	10	Ист. Рос. Рос.	Ист. Рос. Гос.
87 снизу 12, 18		что	Что
88 сверху	7	долговой	дачливой
— снизу	3	«незамай	«Незамай
— —	8	плеснуло	плеснуло
89 сверху	3	«ладно»	«Ладно»
— —	4	взвылъ	Взвылъ
— —	16	лившихся	селившихся

III

—	—	20	на чер-	и очер-
90	сверху	11	ковромъ,	ковромъ; по роскошной тра-
—	снизу	1	къ	вяной растительности
—	—	4	мешен	въ
—	—	2	дорогѣ	лишен
—	—	12	зѣздилась	дорогамъ
91	сверху	7	вселившаго	гѣздилась
—	—	12	чарующая лѣтняя	вселившагося
92	сверху	1	нихъ	чарующую лѣтнюю
—	—	3	чешки	него
—	—	4	трудники	глики
—	—	10	обложены	трубники
—	—	18	начова	обложены были
—	снизу	6	выше, стольниковъ а	Нагова
93	сверху	2	Конценѣ	почти постоянно; сокольничьи
—	снизу	13	голеянами	чиномъ стояли выше стольни-
94	сверху	3	стаеники	ковъ, а
95	сверху	7	на краси-	Копцевѣ
—	—	8	короткошей	годомьями
—	—	12	сылъ	стаеники
—	—	4	лезу	на некраси-
—	—	3	саввейт.	короткошей
96	сверху	8	притѣшниковъ	былъ
—	снизу	5	вушка	лезвию
—	—	6	верховая боярыня сѣн-	саввант.
—	—	12	ная дѣ-	присѣшниковъ
97	снизу	1	то холодаетъ	вушки
98	сверху	1	остальнымъ столько	верховья боярыни и сѣнныя
99	снизу	18	Слонинымъ	дѣ-
100	снизу	15	концовой, Кон	то холодъ
101	сверху	10	навѣствованію, выводовъ	остальные
—	—	8	и мѣстахъ	Слотинымъ
102	сверху	4	вымки	концовой, Кон
—	снизу	19	достройки	повѣствованію, выводамъ
103	сверху	16	подъ	имѣвшихъ
—	снизу	1	княжѣ	вышки
104	снизу	11	и созданнымъ	достройки
—	—	9	но человѣка видно	Подъ
107	снизу	16	преушщрено	княжѣй
—	—	13	милость то	и имъ созданнымъ
—	—	14	попалъ	но человѣко-видно
—	—	11	отрокъ	преушщрено.»
108	сверху	10	дом. быт	милостыню
—	—	—	исцѣленіе	попамъ
—	—	—	—	отродъ
—	—	—	—	Забѣл. домаш. быт.
—	—	—	—	исцѣленіе отъ

IV

109	снизу	11	преемниковъ	пріемниковъ
—	—	14	Іосифова	Іосифа
—	—	15	преемниками	пріемниками
110	снизу	9	и	и было
112	снизу	11	красивый	красный
—	—	7	за красную рощу	да ближнюю красную рощу
—	—	6	Сърой	Сърой къ язу.

501/10 95
102

This book is due two weeks from the last date stamped below, and if not returned at or before that time a fine of five cents a day will be incurred.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0036749931

947A127 St87

Stromilov
Aleksandrova Sloboda.

BINDER

947A127

St 87

BRITTLE DO NOT
PHOTOCOPY

CAT 193

